
Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2023

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЧЕРНУШЕНКО. Сталин и Победа	3
Ростислав ИЩЕНКО. СВО: осознание цели	87
Галина ХЭНДУС. Об этом надо всегда помнить	93
Галина ПЫРХ. Карательная психиатрия — оружие ювеналов	133
Валерий ШЕВЧЕНКО. Забытые жертвы октября 1993 года	171

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Младшая дочь. Повесть	36
Марина СТРУКОВА. Рассказы	100
Сергей ПАНФЁРОВ. Снег. Рассказ	143
Борис БАЛЧИЙ-ООЛ. Герой Хонделена. Рассказ	157

ПОЭЗИЯ

Владимир ХОМЯКОВ. И воскреснуть в бою! Стихи	76
Андрей ПОПОВ. И молится душа... Стихи	122
Олег ИГНАТЬЕВ. Крестильная рубашка. Стихи	129
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. Молитва и песня. Стихи	164
Вера КЛИМКОВИЧ. Я жду! Стихи	168
Стихи поэтов России	188

ПАМЯТЬ

Лина МКРТЧЯН. **О любви и памяти** 183

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Нелли НАЩЁКИНА. **Всё будет по-нашему!** 194

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Ирина УШАКОВА. **Иноагенты российского образования** ... 204

УРОКИ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **О целях «Коммунистического манифеста»** 212

Олег КАССИН. **Вывихи истории подлежат исправлению** 218

РУССКИЙ ВОПРОС

Дмитрий РОДИОНОВ. **Исламизация России** 222

Сергей МОИСЕЕВ. **Как защитить основной народ?** 228

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. **О национальном единстве** 233

ЭКСПЕРТЫ

Валентин КАТАСОНОВ. **О цифре, МВФ и суверенитете** 245

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. **Финансы поют фальцетом** 256

Фёдор ПАПАЯНИ. **Русские — это кто?** 258

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир КРУПИН. **От начала к началу** 262

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**

Размышления и воспоминания. Продолжение 270

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. **Грустный свет стихов.**

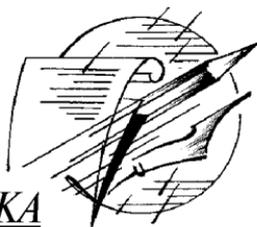
О книге Валерия Хатюшина «Третий снег» 278

СТАЛИН И ПОБЕДА

Накануне 9 мая 2020 года поднялись голоса протеста против возможности изобразить Иосифа Сталина в воинском храме, посвящённом Победе в Великой Отечественной войне. Логика предполагавшегося изображения понятна: Сталин был Верховным Главнокомандующим победителей, и если изображают советских солдат и военачальников, то странно было бы не изображать и его.

Логика протеста тоже проста: Сталин возглавлял страну, в которой были страшные гонения на христианскую веру и Церковь, и поэтому положительно изображать его в сакральном пространстве церкви нельзя. Лица, подписывающие протест, все светлые, любят Христову Церковь и историческую Россию. Многие из них возвращают нам имена новомучеников и исповедников, имена деятелей русского Белого движения и русской эмиграции, хранившей образ прежней Руси.

Но только о какой Победе мы тогда говорим? Вот был белый деятель генерал Пётр Краснов, казак, православный христианин и, кстати, ещё и хороший русский писатель, разбиравший причины революционного террора и видевший

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

в них некое искупление страданиями для тех, кто носил белые перчатки до революции. Но он оказался в стане Гитлера, да ещё и с идеями отделения казачьих областей от России, и после войны был в 1947 году казнён в Москве. Что ж, помилуй Бог его душу! Согрешил тяжко, но и ответил сполна. Но вопрос-то глубже.

Вопрос о природе революции, а значит, и о природе неотрывной от неё Гражданской войны, и о природе столь же неотрывной давней войны Запада против России. Революция — все десятилетия её подготовки, описанной ещё Достоевским, — это уже была Гражданская война, но этот пожар братоубийства до 2 марта (по юлианскому стилю) 1917 года, до отрешения Царя от Державы, удавалось тушить.

1 сентября 1917 года, после провала «корниловского мятежа», Россия была объявлена республикой. Эпоха «катехона» («удерживающего») в лице императорской державной власти вроде бы закончилась. Тайна удерживающего сокрылась ещё глубже, но Лик Державной иконы Богородицы, явленной 2 марта 1917 года, продолжал указывать на эту власть.

Гражданскую войну, как оказывается, некоторые не прочь продолжить и сейчас, но только хотят, чтобы на этот раз победили «белые». Ну ладно, пусть не вообще белые, они там разные были (один только организатор корниловского выступления эсер-террорист Борис Савинков чего стоит), пусть «честные» люди победят. Пусть святые победят. И, мол, даже вообще неважно, кто победит. Важно, кого победят. Ну хотя бы символически. Хотя бы морально. Собственно говоря, этой победы к 1991 году и добились.

Чтобы победить морально, надо быть нравственно выше противника. А это вроде как просто. Был красный террор? Был. Церкви разрушали, священников убивали? Да. Людей, не видевших за собой вины, казнили? Да. Массовый голод в начале 20-х, а затем при индустриализации и коллективизации в начале 30-х был? Был.

На этом фоне не только идеальные, «честные» и «святые», но и реальные белые выглядят выигрышно. Фактически главная к ним претензия — то, что они не победили. Западные союзники подвели, лукаво поставляли негодное оружие и амуницию. Или вообще не поставляли, хотя деньги брали и на словах поддерживали. В общем, просто провоцировали конфликт. Но без союзников как же? «Хоть с чёртом, но против большевиков!» — эта белая формула вычеканена крепко. Конечно, союзничать с Гитлером, точнее, подчиняться Гитлеру — это как-то неловко получилось. Ну да, слава Богу, не вся белая эмиграция за него была.

Что ж, не с Гитлером, так с Черчиллем и Трумэнном, или с Рейганом и Бушем. С Рейганом, Бушем и Клинтонном вроде как получилось, победили красных. Правда, не столько их победили, сколько сами красные слиняли и предали и красную идею, и Россию ради мечты быть признанными «цивилизованным миром». Да ведь и сама «красная идея» не дотягивала до того, чтобы стать вровень честным и святым.

Это я без иронии говорю. Отметим, что общенародное государство, принципиально антикапиталистическое, то есть не на принципе обогащения и сребролюбия основанное, было-таки создано в России на «красной идее», при Сталине. Но по гамбургскому счёту человеку надо больше, чем то, что «красная идея» в её материалистической редакции сулила, тем более что и саму идею-то сменили: вместо героической борьбы с миром капиталистического рабства предложили гнаться за удовлетворением растущих потребностей. Но разнужданные «потребности» стали расти неудержимо быстро. И уж тем более «красная идея» не могла устоять перед образом Христа. Он-то как раз и был образцом свободы от погони за деньгами.

А бывшие партийные секретари и комсомольские вожаки, побыв «кооператорами», стали олигархами, конвертировали свою власть номенклатурных деятелей в респектабельность банковских счетов. Тут-то сразу и белая мечта сбылась, триколор и двуглавый орёл взлетели над Москвой. Но подлинно и Церковь воспрянула, кто был способен — тот воцерковился.

Правда, 14 из 15 республик СССР перестали быть Россией. Описывать 90-е годы излишне. Просто спросим: во сколько миллионов наших соотечественников, погибших от нищеты, бандитизма и войн, оценить эту победу?

А вот чтобы и после этого продолжать казаться морально выше, придётся опускать врага ещё ниже. И тогда о Сталине скажут, что он не идеалы ленинизма предал, в чём его Хрущёв разоблачал, и в чём теперь можно бы и похвалу усмотреть, а что Сталин — это как Гитлер. И даже хуже. В общем, сначала советских людей морил голодом и расстреливал, а потом с Гитлером сговорился и на пару с ним войну развязал, чтоб уж как следует поубивать. Ну, маньяк с Кавказа, чего с него взять. Удобно, Запад давно этот подход усвоил.

Правда, если разобраться, так чем Черчилль с его миллионами заморенных голодом жителей Бенгалии или Трумэн с его ядерными бомбардировками городов лучше Гитлера? Чем вообще Запад, особенно англосаксонский Запад, с его многовековой историей восхождения к своему накопленному

богатству через кровавый гнёт своих социальных низов и жестокие грабительские завоевания чужих земель, корсарство, эксплуатацию колоний, работорговлю, — чем он лучше?

Да и вообще, и Русская революция, и восхождение Гитлера, как вдруг теперь выясняется, хорошо оплачивались западными банкирами и курировались их спецслужбами. Энтони Саттон это и по архивным документам ясно доказывает, но если лень вникать, то Николай Стариков может на пальцах показать. И выгодополучателем и от Русской революции, и от обеих Мировых войн, и от крушения СССР та же западная финансовая элита и оказалась.

Православные русские патриоты вроде как уже знают это. Но вот в вопросе непримиримости к Сталину они вдруг оказываются рядом и с этой глобальной финансовой элитой со всей её западной обслугой, и с её здешними подпевалами вроде Петра Порошенко или Шендеровича с Ларисой Латыниной с пресловутого «Эха Москвы».

Есть, конечно, и с другой стороны виртуального фронта недозатихшей Гражданской войны мечтатели-реваншисты, то ли наивные, то ли хитрые коммунисты, несколько раз в году машущие красными флажками с Лениным. С Лениным, кстати, — редко когда со Сталиным. То, что они жалеют о былом, я понимаю. Но понимают ли они сами, ЧТО они реально хотят сделать в современной России, кроме как тусоваться при Думе и при органах власти в субъектах Федерации и обсуждать бюджеты?

Известно, что белые участники Гражданской войны — это ведь тоже революционеры. Мудрый генерал Алексеев, предавший Царя, бравый генерал Корнилов, арестовавший Царицу с семьёй и наивно следовавший британским политическим рекомендациям, — это что, не революционеры? Или это просто изменники? А эсеры и меньшевики? А террорист Борис Савинков? А украинские или закавказские социалисты-националисты?

Было тогда, конечно, и много честных людей, которые бы и хотели оставаться верными Царю и Отечеству, да не стало Царя. А бед и неправды в Отечестве много стало, и как-то хотелось остановить их. Вот они и взялись за оружие. Но, кстати, таких людей было немало и среди красных. Более того, многие не раз меняли станы, и не по подлости своей, а просто искали, за кем правда. Да и в самом деле, если посмотреть на те события не с нынешних позиций читателей Википедии, то ли «либералов», то ли «православных патрио-

тов», а хотя бы глазами Михаила Шолохова или Михаила Булгакова (которых, кстати, весьма уважал Сталин), то правда тех дней вообще по-человечески неизмерима.

Были тогда и принципиальные монархисты. Вот барон фон Унгерн был страстным монархистом, никогда не был революционером, но контрреволюционером он оказался настолько энергичным, что с его участием пламенные вихри революции ворвались и в Монголию, обязанную ему своей независимостью от Китая.

Барон имел отвращение к разложению народов революционной приманкой идеей равенства и социальной справедливости и, соответственно, брал на себя миссию восстановления новой континентальной империи. Он увлекался тибетской и прочей «консервативной» мистикой, употреблял как символ свастику, героически презирал смерть и был безжалостен к врагам. Его даже почитали в Монголии воплощением божества войны. Чем не предтеча третьего рейха с его Аненберге, с беззаветно храбрыми войсками SS и тибетскими связями?

Повторим, что в самой своей глубинной сути революция — это и есть Гражданская война: ропот на власти, ропот на Бога, тщеславие и гордость, перенос вины за бедствия на собратьев, презрение к ним с полной готовностью истребить их... Да, первоначальным катализатором является коррупция, для оскорблённых ею людей она как бы оправдывает революцию, мобилизует их «на борьбу за правду». Но как только революция из тлеющих в подполье искр полыхнёт пожаром Гражданской войны, то тут и даже исходящая из самых консервативных убеждений контрреволюционность быстро становится неотличимой от революционности. Тайна Креста Господня и тайна молитвы «Отче наш» («...остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...») не втискиваются в логику Гражданской войны.

Её наиболее иступлённые участники поэтизируют её, для них борьба в ней сродни религиозному служению, а чаемая победа — вознесению в рай. Но даже более по-человечески нормальным участникам Гражданской войны кажется, что остановить её очевидный ужас можно лишь победив в ней. И своя правда в этом есть. Но только на самом деле война на этом не останавливается. Подлинное окончание Гражданской войны доступно лишь через самоотверженное терпение и прощение.

А кто вообще в России начала XX века не пил из чаши революционной крамолы, измены и духовных подмен, кто не нёс в себе бациллы, трихины и вирусы революции? Церков-

ные иерархи? Многие из них стали потом мучениками и исповедниками веры Христовой, но ведь они встретили Февраль с нелепым энтузиазмом, за небольшим исключением тех владык, которых тут же и отстранили от дел, как Макария Московского (Невского).

А светочи русской поэзии, литературы, искусства? Мало кто из них не пригубил из этой отравленной чаши, даже если потом и отшатнулся от неё.

А «простой народ»? Да кто ж были те солдаты и матросы, кто втыкал штыки или в землю, или в своих же офицеров, а потом грабил и жёг усадьбы и насиловал гимназисток?

А сами романтические гимназисты и гимназистки, считавшие делом чести прятать запрещённую революционную литературу и восхищаться убийствами министров или полицейских?

А офицеры и служащие разных уровней или даже члены Императорского дома? Не они ли читали и слушали о Распутине и кивали головами?

Да и сам Григорий Распутин, «друг Царя»? Почему он не видел, что на его имени раскалывается Держава, рассыпается единство народа? Что, не мог просто отойти в тень? Да, не мог.

Тайна тайн нашей революции ещё и в том, что здесь была рука Божия. Это она давала благодать старцу Григорию, и она же отнимала её от него, и он падал. Конечно, можно говорить, что это у Григория периоды подвижничества сменялись эпизодами тщеславия и падения, и благодать соответственно то посещала его, то отнималась от него. Но благодать — это, во-первых, не безликая энергия, а во-вторых, сам человек — это не абсолютно автономный субъект. Так или иначе Бог активно со-участвует в жизни человека, и это Он Своей благодатью был с Григорием, и Он же и оставлял его. И получалось так, что святому Царю дано было видеть одного, хорошего, блаженного Григория, а жаждавшему правды русскому народу и «обществу» — другого, смешного и страшного Григория. Того же человека, но с другой стороны. И это уже не вопрос судьбы Григория. Это вопрос судьбы России.

Все человеческие попытки разорвать эту губительную ситуацию двусторонней иллюзии были бессильны, она возобновлялась какой-то тайной силой. Почему? Не потому ли, что правда, которую народ хотел видеть, — это правда Хама? Народ смотрел и хотел видеть смешного и страшного Григория Распутина, потому что хотел видеть смешного и страшного Царя. Почему же Бог дал народу это видеть с такой непреоборимой, такой преумноженной силой? Ведь не все же русские были хамами? Или всё же многие?

Чтобы хоть чуть-чуть открыть эту тайну, надо понимать, что Бог отвечает человеку, но не на формально сформулированные призывы человека, а на состояние его сердца, которое сам человек часто не видит. Это как в фильме «Сталкер». Сказать можно одно, а подлинно хотеть — другое. Хочешь? Очень хочешь? Ну на, возьми...

И ещё надо мыслить библейскими образами. Надо мыслить историей Каина и Авеля, историей Иова (не зря Государь Николай был рождён в день памяти этого великого святого), историей вавилонского плена Израиля. Историей Церкви. Наконец, историей Христова Распятия.

И ещё надо уметь увидеть народ как единое целое. Вот тогда он может представлять и Каином, и Авелем, и Иовом, и Израилем. Не потому, что он тем или иным лицом является, и не потому, что «играет роль». А потому, что видеть народ единым целым, одной символической личностью, которая духовно проживает свою судьбу по типологическим законам, явленным нам примерами библейской и церковной истории, — это и есть мыслить по-библейски. Но это совершенно неместимо для современной публицистики, выросшей из недр революционной и контрреволюционной пропаганды или какой-нибудь там психологии, политологии и социологии.

Неместимо для тех, кто тут же возопиет о свободе и ответственности отдельной личности. Для них — либо индивидуальная личность, либо неразличимая единая масса. Одно исключает другое. Но это неверно. Неверно. Ибо вера — это такая добродетель, которая позволяет уму остановиться и принять такие два утверждения, которые *видимо* исключают друг друга, но в то же время оба исходят из истинного Божественного откровения. И такой истиной является и то, что человек есть личность, и то, что личностью является народ.

Вот и надо понять, что же случилось с народом в революцию.

Хотя, да, конечно, кто ж спорит: говоря о причинах революции, надо знать и то, что глобалистский Вавилон в лице западных банкиров и спецслужб Великобритании и США, как уже помянуто, издавна содержал революционный проект в России и получил от него колоссальную выгоду.

Надо знать и то, что ради воспринявшей западные стандарты роскоши русской элиты (и дворянской, и капиталистической) норма эксплуатации труда в дореволюционной России была выше, чем в потом сложившемся зрелом советском социально-экономическом проекте, — откуда его успехи.

Кстати, при Сталине этот проект сложился, а не при Ленине и Троцком, и не при Хрущёве, пожавшем его плоды и на-

чавшем разлагать его. Именно этот проект и устоял в войне с Гитлером, в войне с европейским рейхом финансово-промышленных корпораций, которые тысячами и тысячами видимых и невидимых каналов были связаны с банками и глобальными корпорациями, базирующимися в США и Британии. Собственно говоря, отчаянное военное сопротивление рейха в последний год войны покупало время для перекачки финансовых, кадровых и технологических ресурсов в безопасные гавани глобального Запада. И вот при всей чудовищной мощи этих глобальных корпораций и подчинённых им государств советский проект анти-капитализма оказался тогда им не по зубам. Тогда не по зубам.

А в той избыточной, не по силам народа, претензии на роскошь дореволюционной элиты и в освобождении от неё — и от той элиты, и от роскоши — лежит одна из объективных предпосылок революции. Хотя как внести в этот расчёт норм эксплуатации тех, кто погиб в тифозных бараках ещё до того, как этот новый советский проект заработал? Видеть объективную предпосылку — это не значит оправдывать грех кровавого революционного бунта.

Но не будем оправдывать и грех тех, кто из поколения в поколение «красиво жил» за счёт народного пота и крови. Или нет, даже не в этом суть.

Суть в том, что во второй половине XIX века Россия, частично вестернизированная ещё Петром, стала всё больше впускать в себя дух денежной наживы. Ротшильды и иже с ними проникали в элитные сферы державы, а принцип погони за богатством всё больше становился главным регуляторным принципом всей жизни.

Вообще все несколько последних столетий Западной истории были посвящены замене всех форм внеэкономического принуждения одним — денежным — принуждением. Дискредитировались верность монарху и Церкви, традиционные народные нормы и обычаи. Пусть человек управляется только погоней за деньгами. И это понятно, если понимать, что банкирские семейства Европы Нового времени открыли способ безнаказанно, под прикрытием захваченного под их контроль государства, создавать деньги из ничего. Для этого изобретён банковский мультипликатор, и получаемые в результате колоссальные средства идут на подкуп и на пропаганду.

Капитализм ограничивается либо сознательным анти-капитализмом такого общества, которое решится жить не по денежной выгоде, либо математически, при захвате всей глобальной экономики, когда дальше расширяться уже некуда.

Финансовая пирамида тогда обречена обрушиться, и какой террор придёт ей на смену, неведомо. И этого состояния мир достиг к началу XXI века. Мы наблюдаем его сейчас.

Но мы говорим о предреволюционной России. Так вот, вы не можете одновременно допустить и торжество денежной наживы как главного всеобщего регулятора жизни, и сохранять прежние формы социального устройства дворянско-крестьянско-бюрократической православной монархии, которая изначально стояла на естественном неравенстве. В древности, пусть я и смерд, и холоп, и бедный хлебопашец, — но я мог служить барину и князю, потому что барин и князь с седла в походах не слезили и кровь свою за меня проливали. Но теперь они блудят в Парижах, а в банке им кредит под 6%, а мне — под 8%. И теперь ситуация воспринимается и как вопиющая несправедливость, и как абсурд. Революция становится неизбежностью. Одни захотят просто ограбить несправедно богатых, другие же, более вдумчивые, захотят стереть противоречие, убрать денежную наживу из основ устройства страны. И что выберет русский народ?

В Гражданской войне спорили между собой разные принципы. В том числе и тот, чьим выразителем потом, во время Великой Отечественной войны, станет генерал Власов: «освободить» Россию с помощью западных благодетелей.

Но всё же в стране победили коммунисты. Само это слово «коммунизм» вообще-то означает «общезитие», это фактически монашеский термин, описывающий способ устроить жизнь по-братски. Без классовых и расовых неравенств. А главное, без погони за деньгами. Ну тошнит русского человека от погони за рублём. Для него вся ложь, вся нищета и кровь, весь грех собраны в этой погоне. И вся неволя. Всё рабство. Вся не-свобода. Она хуже каторги. Но среди тех, кто ненавидит наживу как принцип жизни, есть и ещё Никто, Чьё мнение важнее прочих мнений, и Чьё решение на весах истории перетянет все другие решения. Не Он ли ослепил взоры смотревших на Григория Распутина?

Объективных и субъективных предпосылок революции было много. Но главная духовная суть ее (именно революции, а не социально-экономических последствий её) — это то, что она является величайшим грехом, грехом, который стал общеобязательным, вменённым всему народу в правду и праведность.

В своём первом значении латинская приставка «re-» выражает обратность, противонаправленность действия, и лишь во втором значении — повторность действия. Соответствен-

но, «революция» если и может значить «возвращение», то так это слово сейчас всё равно никто не понимает. В таком «похвальном» значении слова «славной революцией» назвали переворот 1696 года в Англии, после чего и был создан «Банк Англии», начавший строительство многовековой глобальной финансовой пирамиды (финальный крах которой, похоже, стал неизбежен именно в наши дни).

Но основные значения слова «революция» — это «противовращение», «переворот» и «разворот» и, соответственно, «развращение», «извращение». С Великой Французской Революции, спровоцированной теми же британскими финансистами, так это слово и слышат. Кстати, тогда ведь и «контр-революция» — это просто «противо-противовращение».

Заметим, что не всё, что именуется «революция», является действительно революцией. К примеру, Кубинская революция — это просто национально-освободительное движение. И направлено оно было прямо против тех сил Глобального финансового и духовного Запада, которые раньше готовили и революцию русскую, с одной стороны разжигая Россию духом капиталистической наживы, а с другой стороны провоцируя русских людей смести этих противных русскому духу «буржуев», смести, однако, заодно и с ненавистной финансовому Западу Империей Романовых, то есть, по сути замысла, смести вместе с Россией.

Этой финансовой власти Империя Романовых долго сопротивлялась, но, в конце концов, оказалась бессильной её отвергнуть. И не поэтому ли Бог посетил Россию революцией?

А вот что же произошло с русской революцией, и как она разошлась с этими зловещими силами, мы и должны размышлять.

Революция — это ещё, по сути, грех Каина, первого революционера из людей (хотя Каин русской истории, возможно, тут же ещё и считает самого себя Авелем и стенающе поёт о себе: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»).

В библейской истории род Каина жил отдельно от сифитов, сынов Божиих, потомков Сифа. Сифиты часто давали своим детям каинские имена (Каинан, Енох, Ламех...), что выражало постоянство их памяти о грехе как таковом и их покаянное служение за всё человечество. После четвёртого-пятого поколения даже и род Каина, возможно, мог бы в покаянии вернуться к Богу, но Ламех умножил грех Каина, и богопротивление и демоническая одержимость стали уже неотъемлемой сутью этого рода. Одновременно он в силу полученного проклятия и отлучения от земли терял жизненную

энергию и тогда стал по необходимости «втираться» к сынам Божиим. Результатом «свободного» смешения и ритуального блудодеяния явились такие исполины, что Богу пришлось вычистить землю от них Потопом...

Но в русской истории никакого отдельного рода сынов Божиих не было. Наш народ святых новомучеников и исповедников — это тот же единый русский род, на который легла каинская печать, печать братоубийственного преступления. Преступления, которое и есть наказание.

Хорошо промыслил это Достоевский. Когда его поначалу вроде бы искавший праведности Раскольников ради своей «праведной» идеи стал убийцей, то он и познал это. В нём вдруг иссякла жизнь. Он мог бы «уехать в Америку» (застрелиться), как его собрат по каинскому греху Свидригайлов, мог бы безжизненно жить дальше, но Соня и чуткий следователь Порфирий Петрович подводят его к единственно верному исходу. Нет, не к покаянию. Оно недоступно пока Раскольникову. А к каторге. К терпеливому и смиренному претерпеванию страдания. Страдания закономерного и законного для него, убийцы.

И только годы этого страдания и терпения когда-то потом подведут Родиона Раскольникова к возможности покаяния. Они, образно говоря, сотрут с него печать Каина, при наличии которой покаяние невозможно, и его сердце вдруг умирится.

Так и для России, приобщившейся каинскому духу революции (да и контрреволюции), покаяние надолго стало недостижимым. А вот посланное ей страдание Россия приняла и понесла с изумительным всенародным терпением.

Те энтузиасты, кто поверил в красный проект всемирного братства, в эту хилиастическую квазирелигию, отныне горел не столько желанием истребить эксплуататоров, сколько жаждал послужить делу братства, пусть и ценой надрывных трудовых усилий — лишь бы не вернуться под власть финансового Вавилона, столь чуждого России.

Но к тяжёлому труду ради повседневного выживания во многом сводилась и жизнь тех миллионов, которые ни в какой красный проект и не верили. В проект не верили, а Вавилоном и они гнушались, самим его денежным запахом, всей логикой жизни по выгоде, всем лицемерием и высокомерием Запада, и терпения им тоже не занимать было. Да и просто бескорыстной братской русской уживчивости.

А что же говорить о тех, кто попадали в ссылки или в заключение? И в этих ссылках и лагерях на грани и за гранью возможности выжить их смиренное страдание и терпение,

пусть даже и сто раз вынужденное, поражает не менее. Это всеобщее послереволюционное возмездие втягивает в себя и пламенных революционеров, и жестоких следователей из ВЧК-НКВД, и обывателей-приспособленцев, и честных тружеников села и города, и военнослужащих, и служителей Церкви. Весь народ. Не каждому довелось обжечься этим огнём, но каждый так или иначе испытал холодок пробежавшего по спине страха, и почти каждый познал, что такое сверхусилие — но даже не счёл это чем-то особенным.

И как вершина этого пути — Бог посещает Россию невыразимо страшной войной, войной на истребление. Но такой войной, которая даёт каждому человеку, всему народу, высшую цель и оправдание их бытия. Отечественной войной. Всё вдруг отступило на задний план. Перед лицом воплощённой смерти, являемой ворвавшимся к нам высокомерным европейским рейхом, слово «Победа» стало значить «жизнь». Истинная, честная, оправданная перед Богом и людьми жизнь, за которую умереть не страшно. Самоотверженность и напряжённая собранность стали нормой жизни.

И посреди этой войны, особенно на её переломе в 1943 году, России возвращается и право жить церковной жизнью. Возвращён Патриарх, возобновляются церковные службы, возвращаются из лагерей и ссылок уцелевшие священники, открываются семинарии и редкие пока ещё монастыри. Каинская печать стирается, выжигается, смывается кровью. Приоткрывается дверь покаяния. Положено начало окончанию Гражданской войны.

«Кого люблю, того наказываю». Тот внутренний режим России, которым спасительно наказал её Бог, многие называют одним словом: «Сталин». Это, конечно, грубое упрощение, ибо революция началась вообще не с большевиков, даже если отсчитывать её только с февраля 1917 года, а со многих десятилетий подрывной работы всех поколений «борцов» и их зарубежных друзей. Да и среди большевиков её вождями были прежде всего Ленин и Троцкий со Свердловым, а не Сталин.

И те испытания и страдания, через которые Россия прошла в двадцатые и тридцатые годы, во многом лежат на личной совести вовсе не столько Сталина, сколько боровшихся с ним троцкистов с их связями в Коминтерне с одной стороны, в среде «фининтерна» с другой стороны, и с фашистами (да-да!) с третьей. Для них всех гражданский конфликт в России-СССР был нужен. А сама суть дела Сталина с определённого момента как раз свелась к тому, чтобы начать ос-

танавливать Гражданскую войну — ради восстановления суверенитета Советского Союза перед лицом глобальной финансовой элиты, их ставленников в Америке и Великобритани, и снаряжённой ими и направленной на Восток «бомбы» третьего рейха, призванной испепелить и поработить просторы Евразии.

В русле создания того же общенародного дела Сталин пытался и переместить центр власти из партийного аппарата в структуры общегосударственные, и лишь после его смерти Хрущёв добился концентрации всех реальных полномочий в руках КПСС (а не в министерствах, не в службах госбезопасности, не в армии).

Мы не будем здесь измерять меру личной вины Сталина и отделять её от других деятелей эпохи. Он, несомненно, значительный и деятельный участник революции и Гражданской войны, и он не может не нести за это ответственности. Хотя, конечно, революция случилась бы и без него. Но в какую сторону сместились события он? Что он сделал, когда он мог влиять на ход дел, особенно взойдя на вершину власти и зная при этом о всех тайных пружинах революции, да и вообще о пружинах всей глобальной борьбы финансового интернационала и его противников?

И важнейший фронт Гражданской войны пролёг не между белыми и красными, а между слугами финансового интернационала и его противниками как среди красных, так и среди белых. Причём и борьба белых против красных была не бесплодна, она привела к тому, что в ходе войны, в её логике, укрепились как раз те силы среди большевиков, которые стояли за суверенитет страны. В этой же логике эти же силы (Сталин) сдерживали политику террора, переходящего в прямой геноцид, как, например, в деле расказачивания, начатого Свердловым и Троцким.

Кстати, одной из первых задач, под которые и была создана ВЧК, было положить конец бандитизму «красногвардейцев» — уголовников, выпущенных Временным правительством из тюрем весной 1917 года и тогда же вооружённых для «защиты революции». Новая служба «защиты революции» — ВЧК — точно так же впитала в себя не только «рыцарей революции», но и всякого рода негодяев, особенно если им помогали связи в США или Англии. Бесконечно сложные связи в этой среде революционеров, контрразведчиков, шпионов, финансистов и политиков разных стран отследить вряд ли возможно, но к началу Великой Отечественной войны мы имеем на выходе то, что спецслужбы США и Англии больше не могут манипулировать жизнью в СССР. Раны от

Гражданской войны на теле Руси затягиваются, а инородные тела удаляются.

Но главная суть вообще не в этих линиях разломов и фронтов Гражданской войны. Суть не в том, чтобы отделить плохих Петерса с Троцким, агентов Англии и США, от не столь плохих Дзержинского со Сталиным, за которыми стоят фигуры царских генералов Маниковского, Клембовского, Поливанова, Брусилова и других, возрождавших Русскую Империю в новых условиях, и проследить, как линия генералов и Сталина берёт верх. Суть не в этом. Тот огненный бич, который жёг Россию после революции — это бич Божий, и оценивать его надо вовсе не с позиции человеческой «целесообразности» или «справедливости». Этот бич был единственным спасением для России как в плане земном, военно-политическом (в условиях того состояния, в котором находились и Россия, и мир), так и, прежде всего, в плане духовном.

Так Россия шла путём Каина, и так чудесным образом, через терпение и страдание, сошла с него, начала возвращаться к себе.

Но ведь можно сказать и то, что Россия прожила другую библейскую историю — историю Иова. А значит, те язвы революционных страданий, которыми покрылось тело страны и народа по попущению Бога, на время отдавшего Россию по неведомому промыслу на испытание в руки сатаны, должны сойти с её тела. Её погибшие сыны ушли в путь всея земли, но они воскреснут и лично, буквально, и воскреснут символически, в лице новых поколений, как воскреснет и новая Россия, окрепшая и искушённая, и воссияет святостью.

По крайней мере, немало пророчеств именно так говорят о предначертанном нам пути. Да уже и не только пророчеств, а и наблюдаемых дел. Но вот только Иов и Каин — это уж слишком полярно разные лица, слишком разнятся их истории. Так Россия — это Каин или Иов? Или, если есть признаки и того, и другого, то мы что, будем мыслить категориями некоего «квантово-волнового дуализма»? Мол, и то, и другое? Возможно. Сама добродетель веры, как уже отмечено, заключается в том, чтобы остановить метания ума после того, как ум потрудился и упёрся в несовместимые истины. «...В Россию можно только верить».

Период ленинского правления, в шесть с небольшим лет, это какой-то редчайший концентрат бедствий, постигших страну. Да и бедствия эти похожи во многом на византийские. И там и там есть казнь царской семьи, поражение и заключение позорного мира, репрессии в отношении армии,

казни без суда и следствия представителей высших классов. С той лишь разницей, что в гражданской войне в Византии победили «белые» во главе с будущим императором Ираклием, а у нас «красные» во главе с Лениным и Троцким. К нашим бедствиям прибавились ещё и голод, и ограбление широких масс крестьянства, и гонения на Церковь.

Мировая финансовая система была многоликой системой-спрутом со множеством щупалец и с глобальными возможностями. И вырвать Россию-СССР из неё можно было, только до поры оставаясь внутри самой этой системы, отъединив её постепенно от всех щупалец её зарубежного центра и не дав раньше срока системе уничтожить себя. И если система включала в себя как свой ключевой признак воинственный атеизм, то мог ли Сталин запретить бороться с Церковью до того, как он овладел всей советской частью системы и отсоединил её в ключевых моментах от зарубежных центров? Как он мог бы перестать, хотя бы на словах, с Церковью бороться, если его соратники с нею боролись?

А почему, кстати, боролись? Причём массово, усердно, добросовестно? Боролись, потому что видели в ней часть старого мира эксплуатации, мира мамоны, а не мир братства. Сталин бы только подставился под удар.

Даже если представить себе, что это не сам Сталин вёл свою политику, а он был инструментом в руках у Бога — то как бы даже Ему, Богу, можно было вырвать из той ситуации, в которой была Россия-СССР? Как её изменить? Разве не с той постепенностью и не с той же последовательностью устранения «левых» и «правых» в партии руками самих же «левых» и «правых», виртуозно балансируя между и над ними, как это делал Сталин?

Тут снова встаёт вопрос, вопрос к Богу: а зачем вообще было доводить Россию до революции? Должна же тогда быть высшая цель у революции, цель именно Божественная, которая покроеет своим величием те безмерные разрушения, которые в революцию случились? Это вопрос, который и задавать-то страшно, а уж тем более дерзко было бы отвечать за Бога.

Но вернёмся к Сталину. Ведь и самого себя Сталину надо было изменять. А он что, сознательно этого хотел? Сознательно из революционера-разрушителя стал созидателем-державником? Или просто лавировал? Или это Бог действовал? Царица Небесная державу и народ спасала?

Сталин очень много читал и много учился. Он мог учитывать все нюансы тактики и стратегической ситуации. Вот

как характеризует его Г.К. Жуков: «Как военного деятеля И.В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошёл всю войну. И.В. Сталин владел вопросами организации фронтowych операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах... В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Наверно, и маскироваться и притворяться Сталин умел — хоть антирусским революционером, хоть русским державником. Как-никак, а и в нелегальной подпольной работе он опыт имел. Но всё же разве это не чудо, тот разворот 1943 года, который вернул России Патриарха и возможность церковной жизни, а воинам — погоны на плечи?

А собственно говоря, ведь так и должно было быть, если верить, что явление Державной иконы Богородицы 2 марта 1917 года означало, что отныне это Царица Небесная правит грешной и святой Русью.

В том обращении православной общественности, которое стало поводом к этим размышлениям, говорится: любое положительное изображение Сталина в православном храме неизбежно воспринимается православными христианами как кощунственное и антихристианское.

И приводятся два основных довода. Во-первых, при Сталине погибли невинные люди, в том числе и святые новомученики, и вообще он причастен к преступлениям против Церкви, а во-вторых, он создал культ поклонения самому себе вместо Бога.

Сначала о «культе личности». Борьбу с ним повели ближайшие соратники Сталина почти сразу после его смерти. Не будем гадать, была ли им не мила сталинская тенденция на реставрацию элементов старой России, или двигали ими другие соображения. Так или иначе, доклад полутроцкиста Хрущёва на XX Съезде КПСС был полон обвинений в адрес Сталина. Но на поверку основные тезисы этого доклада оказались ложными. И даже не основные. Как выразился американский исследователь Гровер Фёрр, «среди всех «обличительных» утверждений доклада, подающихся проверке, не оказалось ни одного правдивого. Ни одного!»

Кстати, прямой ответственности за предвоенные репрессии на Хрущёве куда больше, чем на Сталине. Хрущёв же возобновил и атаку на Церковь, и это очень показательно.

А уж говорить всерьёз о «культе Сталина» как о поклонении богу как-то вообще неловко. Поклонения себе как богу бывший семинарист Сталин не устанавливал. Вождём — да, был. Формы этого вождизма бывали некрасивыми, хотя на войне как на войне, не до красоты. А свои ошибки вождь нередко признавал. Да, его власть к 1939 году, после победы над соперниками, стала авторитарной. Но какой должна быть власть в условиях войны? Да, часто его окружали подхалимы; да, говорить о нём плохо было опасно. Но ведь были и люди, способные возражать ему по существу дела, и он их ценил больше, чем подхалимов.

Да, на обломках старой монархии Сталин создал нечто вроде новой советской монархии. Причём акцент в строительстве этой державы он делал не на партийной структуре, а на советской, то есть на общенародной государственной структуре в отличие от его преемников, вернувших все властные функции в партаппарат.

Но от кого мы тут слышим возмущение по поводу монархии и авторитарности? От евродепутатов? От «Голоса Америки»? От Ларисы Латыниной? Или это говорят православные христиане с монархическими симпатиями, которые как должное воспринимают помпезность царских дворов и почтение к священной особе монарха?

Напомним, что библейская и церковная традиция велит с уважением относиться к государственным властям, даже если они не христианские.

Господа, может, вместо того, чтобы придумывать, что Сталин делал из себя бога, вам бы стоило поблагодарить его за возвращение авторитета державной власти? За то, что советские дети рисовали башни Кремля. За то, что вместо «Интернационала» зазвучали слова о союзе народов, которых «сплотила навеки Великая Русь». За то, что ещё до войны реабилитировали и вернули народу и Александра Пушкина, и Александра Невского. За доступное всем детям школьное образование по образцу царских гимназий. Да хотя бы за запрет абортов поблагодарите!

А вот по поводу преступлений против Церкви, преступлений против конкретных новомучеников, против невинно убиенных — это серьёзно. Но только скажите честно: а за что в западном мире Сталина больше ненавидят? За гонение против Церкви или за то, что он остановил это гонение, не дал

довести дело до конца? А что это вообще было за гонение — от человека ли оно или от Бога?

Вот что говорит русский художник Павел Рыженко, который всю свою творческую жизнь размышлял о судьбе России: «Надо просто понять, что в 1917-м году русский народ не просто революцию совершил, он самоубийство совершил. Он убил своего Государя, он отказался от своей веры, он отрёкся от своего будущего, убив наследника Цесаревича. Он потребовал за это себе каких-то льгот и получил за это фюрера, который пришёл с великолепной армией и уничтожил практически всех этих «требовальщиков», которые вечно требовали себе всё. Также и сталинские лагеря совершенно понятны и ясны: откуда они взялись, почему они были и для чего они вообще существовали? Кто попадал в эти лагеря? Люди, которые разрушали сами себя, разрушали свою историю, разрушали свои храмы, разрушали и убивали своих учащенныхников. И священники сели за дело — они же тоже участвовали в предательстве Царя. Это же всё есть, это преступление, это проклятье».

Но было не только проклятье. Было и снятие проклятья через терпение страдания.

О фюрере рейха мы ещё поговорим, а пока — о чём вообще идёт речь? Господа, ведь мы же не о причислении Сталина к лику святых говорим, не о его иконе, а всего лишь о возможности изобразить его в том качестве, в каком он реально был — то есть Главнокомандующим победителей, среди народа и войск. Если его нельзя изображать, то кого тогда вообще можно изображать — причём даже не в церкви, а при церкви, в исторических картинах? Простите, а царя Петра I можно изображать? Или прямо и уважительно упоминать его в акафистах святителям? А он не совершал преступлений против Церкви? Не губил невинных? А Екатерину Великую? Священномученик Арсений (Мацевич) не на её совести? Так что, прикажете снести памятники этой царице? На Украине вон сносят.

Кстати, если уж о Екатерине говорить, то ей вменяют в вину, что отняла у монастырей много имущества, их земли с крепостными крестьянами забрала в казну и много монастырей вообще позакрывала. Но если вдуматься, то гоже ли монахам жить за счёт трудов тысяч крепостных?

И что собой представляли монастыри России в середине XVIII века, к началу царствования Екатерины? Почему Паисий Величковский должен был в Нямецком монастыре в Молдавии обрести истинное умное монашеское делание? А на Руси он искал да не нашёл. А от него, от его писаний,

стали монастыри и в России возрождаться — вот как раз при Екатерине. Оптина, Саров, Валаам... И епископат при ней поднялся до незаурядных фигур. Так что не спешите в неё камни кидать. Придаться много к чему можно...

Вот невинного маленького ребёнка авантюристки Маринки Мнишек убили — так не на весь ли род Романовых лёг этот грех? А несчастного Ивана VI Антоновича зачем замучили? А при святых царях Феодосии Великом и Юстиниане не было невинных жертв? Не было надрывных сверхусилий народа ради военных побед или ради грандиозныхстроек? А, ну это же всё державными интересами объясняется. А держава и народ — это вместилище Церкви. То есть, значит, и интересами Церкви объясняется. Да. Объясняется. А при Сталине не объясняется?

Сталин и есть русский народ, он один из этого народа — да, грешного народа. Сталин является этим народом не меньше, чем каждый из солдат Великой Отечественной войны, и не меньше, чем каждый из тех, кто сейчас требует убрать его изображение из храма ради памяти пострадавших при нём новомучеников.

Но вот только что сами новомученики и исповедники об этом сказали бы? Страдавший в тюрьмах и ссылках святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий), лауреат Сталинской премии по медицине. Или же Иоанн (Крестьянкин), который всю жизнь молился за того следователя, который жестоко избивал его — и он был благодарен ему. За что?! За что был благодарен старец Иоанн? Да за ту благодать, которая даруется за терпение. За тайну Креста Христова.

А Серафим Саровский? Что он нам сказал тем фактом, что именно в Сарове, на месте его подвигов, была при Сталине создана атомная бомба? Почему он, по сути, благословил это дело? Не потому ли, что это было спасительно для тогдашнего СССР и для России нынешней? И полезно для Церкви.

И что Сам Христос сказал бы? Точнее, что Он скажет, когда мы услышим? Он, Который молился за распинателей? Он, Который так жёстко осадил Петра, пытавшегося удержать Его от пути на Голгофу? Он, Который ещё до воплощения Своего вёл ветхозаветную церковь суровым и кровавым путём, особенно когда Израиль сходил с пути благочестия? Не Его ли волею приходили победоносно враги Израиля и вели народ в плен? Не Его ли волею насылались каратели на Иерусалим, и люди падали и от меча, и от поветрия, и ели человечину от голода.

Кто сменил Ленина-Троцкого? Вот Сталин и сменил. А кто были врагами Сталина? Троцкий, связанный с мировой фи-

нансовой закулисой. Гитлер, поставленный этой закулисой. Черчилль и Трумэн, выразители интересов закулисы.

Сталин пришёл как революционер. Но он не стал контрреволюционером. Он просто начал класть начало концу Гражданской войне. Вместе со всем народом, между прочим. Ничего бы сам Сталин не сделал, если бы не поддержка и не терпение народа. Об этом терпении он, кстати, и сказал в речи по поводу Победы. Вот именно это изображение — Сталина с народом — и убрали из мемориального комплекса.

Сталин и народ стали заканчивать Гражданскую войну. А можно сказать, что это Бог пригасил её. Тем единственным реальным способом, который был исторически возможен. Во главе народа Сталин победил в войне внешней, которая — то ли парадоксально, то ли логично — помогла в прекращении войны Гражданской. Тело России срослось. Начало срастаться. Сталин — это та мёртвая вода русских сказок, которая срывает расщеплённое тело убитого богатыря. Или, иначе, этой мёртвой водой было терпение народом Сталина. Без чего бы не было Победы. Без чего нечего было бы потом оживлять воде живой.

Вот за это его и ненавидят те, кто планировал выбирать из пропасти русское мясо — да не вышло у них. Перелетела Россия через пропасть. И есть какое-то ужасное лицемерие в том, что эту ненависть заморских финансовых воротил и всех одуряченных ими миллионных толп оправдывают и наши русские православные люди, оправдывают заботой о памяти новомучеников, убитых Гражданской войной и революцией. А Сталин убил революцию, убившую их.

Пусть ненавидят Сталина революционеры. Пусть ненавидят враги России. Правильно, что они ненавидят.

А насчёт храма — так, возможно, Иосифу Виссарионовичу Джугашвили-Сталину и в самом деле там не место. Он — это Россия страдания и каторги, Россия возмездия Божьего за грех, Россия смертельной борьбы и Победы, но пока ещё не Россия покаяния и воцерковления.

Храм, из которого удалено изображение Сталина, не станет уже предметом распрей, что для Церкви и правильно. Люди будут заходить в церковь не для того, чтобы подглядывать: а кто там как посмотрел на Сталина.

Но благодаря полемике, поднятой «ревнителями благочестия», это отсутствие Сталина в храме, посвящённом Победе в войне, где он был Главнокомандующим, делает его как раз более заметным, чем если бы он был в той маленькой точке, которая была ему отмерена в первоначальном варианте, ко-

торый никто почти и не видел. А теперь про каждую точку исторических изображений можно будет подумать — а не тут ли был бы Сталин? Рядом с каждым бойцом и военачальником, в каждом элементе вида Кремля, в каждой звезде и в каждом языке пламени. Главкомандующий Победы заблестает своим отсутствием в Храме-мемориале Победы.

Но это свидетельство не о его качествах и роли в истории, а о наших. Когда на российских телеканалах, сменяя друг друга, идут рассказы о военачальниках Победы, но при этом нет ни одного рассказа, посвящённого Главкомандующему, то...

Либо мы единый русский народ, который согрешил революцией и перетерпел то, что положено для его исцеления, и тогда Сталин — это одно из имён этого единого народа, а также и название его лекарства. Либо мы продолжаем Гражданскую войну, и тогда только оккупация внешним врагом пожит конец этой войне, как и самому русскому народу.

Нет у нас другого русского народа. Есть этот. И Сталин — это одно из воплощений народа. Народа, призванного победить Троцкого, Гитлера, Черчилля, Трумэна. Народа, призванного стать скалой на пути всемирного финансового Вавилона.

Да, мы явили миру тот страшный урок, о котором предупреждал Достоевский. Урок не только в том, что мы пошли путём Каина, но и в том, что мы и сошли с этого пути. И не только сошли, но и другим мешаем идти по нему. Настоящие враги России, ставшей на их пути ко всемирной власти, хорошо знают, за что они ненавидят Сталина. Ненавидят его не за то, что он был революционером, а за то, что он оседлал тигра революции и загнал его. Был на гребне волны, и угасил эту волну революции, начал заканчивать Гражданскую войну, создал общенародное государство. Точнее сказать, народ при Сталине своим неизмеримым терпением выстрадал себе освобождение от каинского проклятия революцией. Начало (только начало) этого гражданского мира, положенное при Сталине, уже, однако, таит в себе и его полноту.

Понятно, что Сталина ненавидит финансовый интернационал. Понятно их разочарование и страх ожидания новых фрустраций — сейчас, когда они уже достигли столь многого. Но вот ненавидят Сталина и те, кто вроде любит русский народ и Христову Церковь. Мол, он гонитель Церкви, на нём кровь! И в этом есть правда. Подозреваю, однако, что многими просто движет страх не понравиться владельцам всемирного дискурса. «Страха ради иудейска», так сказать. Ни восхваление Ленина и Троцкого не подставляют людей так под

удар, как доброе слово о Сталине. С таким словом не попасть на конференции и фестивали, не напечататься в журналах (кроме МГ. — Ред.), не получить визу или грант.

Хотя большинству православных патриотов не нужны визы и гранты. Но всё равно, жалеют, ой как жалеют иные из них, что победили красные командармы, а не белые генералы. Они задним числом хотят отговорить Россию от пути на Крест, подобно тому, как Пётр отговаривал Христа. «Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн!» — был ответ Петру. Другого пути не было. Только через страдание побеждается революция. Это надо повторять и повторять. Хотя бы самому себе. Ибо телевизор повторяет нам совсем другое.

Каким чудом русский народ это понимает, неведомо. Потому что научить его некому, кроме Духа Святого. Публицисты, хоть «либеральные», хоть православные патриоты, всё поют о сталинских репрессиях, о кровавом диктаторе. Розовые коммунисты-патриоты и хотели бы покраснеть, да финансисты американские давно на них не ставят, а своих «настоящих буйных мало». Да и, хвала Всевышнему, не надо нам снова революции. Дважды в эту реку не войдёшь. Конфискации, расстрелы и тифозные бараки устроить несложно, а вот с красным народным религиозным восторгом борьбы против капитала, как и с новой сталинской военной индустриализацией, возникнут проблемы.

А ведь был этот религиозный порыв, с которым толпы русских людей слушали в 1917 году Ленина и других большевицких агитаторов. Джон Рид, например, описывал это состояние людей на митингах. И рисовалось им перед их взором такое грядущее, где не будет продажи человека человеком, где будет братская солидарность, пусть даже в бедности, и за этот светлый мир готовы были они идти на смерть. Ну и убить, конечно, всех врагов этой великой светлой правды-истины.

У нас за то время, пока актуально было обличение советской неправды, акцент ставился именно на этой подмене христианской этики этикой хилиастической, на готовности не только умереть, но и убить. Но сейчас важно увидеть, за что же они готовы были умереть и убить. Ибо ради этого, возможно, попустил Бог революцию. Ради отказа от мира продажи и купли человека.

Не здесь ли водораздел? Не здесь ли причина нашего ужаса перед 90-ми годами, когда этика продажи человека человеком стала перед нами во всей обнажённости и шокировала нас? И если в Российской Федерации медленно-медленно, постепенно-постепенно поднимаются те, кто эту этику про-

даже отвергает, то на Украине сначала медленно, а потом всё с большей готовностью восприняли уже как свою истину этот европейский этос восприятия человека как рыночного товара. Здесь и легла черта, отделившая Украину от России. На Украине они готовы быть батраками у пана, но зато тешить себя мечтой о правильности такого порядка «цивилизованного» человечества и презирать «ватников», которые не хотят такой цивилизации, цивилизации «золотого миллиарда», доминирующего над остальным жалким миром лузеров.

Нынешняя половинчатая Россия и с половинчатым Путиным поперёк горла мировой финансовой химере стоит, и революционный кризис сейчас разрастается у них, а не у нас.

Русский народ — это юродивый. Но есть разные юродивые. Если юродивый от Бога — то он не всегда юродствует. Не всегда он на блуднице женится, как Осия, и не всегда на навозе хлеб печёт, как Иезекииль. Приходит час, и он трезво и мудро взирает на смеявшихся над его юродством, чьё гибельное безумие мудрости века сего становится вдруг очевидным.

Русский народ — это юродивый. Но вы, господа успешные православные публицисты, писатели, философы, которые так забеспокоились борьбой с маленьким портретиком Сталина, вы ведь забеспокоились и о том, что нам скажут просвещённые европейцы. А ведь они опять скажут: вы, русские, прирождённые рабы, вы любите плётку, которой вас стегают.

Да, ту плётку, которой нас стегает Бог, мы, юродивые ватники, чтим, как чтим страдание и Крест. И этих вот высокомерных прирождённых господ из Европы мы и разбили в Отечественных войнах — и в 1812-14-м, и в 1941-45-м годах. Обе эти Победы завершили в столице врага не когда-нибудь, а на Пасху Христову.

Чем кто согрешает, тем тот и наказывается. Не хотели самодержавной монархии — получили анархию и разруху, а потом вдесятеро более жёсткую власть. Не хотели верить в Бога — стали верить в выдумки человеческие и спорить до смерти о деталях этих верований. Восхищались всем «прогрессивным», что порождала Европа — и Европа сначала одарила нас марксизмом, а потом пришла в своём предельно откровенном фашистском, точнее, в нацистском облике. Не хотели вытерпеть тяжёлую войну с Германией кайзера — получили вдвое, если не вдесятеро, страшнейшую войну Гражданскую, а потом — всё равно войну с Германией, только уже с Германией Гитлера.

Об этой войне рассказывать как-то неловко, казалось бы, все должны о ней знать хотя бы главное. И понятно, что и о том, что считать главным, будут споры. И тем более будут споры, если я коснусь темы Божьей воли и промысла Бога, явленных в событиях войны. Тут уж ожидать согласия невозможно, ибо я и сам лишь хочу угадать истину. Но и промолчать о том, о чём угадываю, не хочу. И дерзну спросить: какие задачи решал Бог Великой Отечественной войной? Для нас, русских?

Для нас, русских, мир после войны и Победы стал иным. Навсегда. Дело не только во всемирном авторитете русского имени и не в праве вето в ООН. Дело в том, что мы заглянули в глаза смерти. Смерти всего народа, которую тогда почти каждый осознавал и как свою смерть.

В годы революции многие заговорили о смерти России. Но несмотря на весь кошмар братоубийства и смертельной разрухи, миллионы активных людей верили в новую жизнь. Она оказалась тяжёлой и сложной, но и надежды были сильны.

А в 1941 году иллюзий не осталось. С Запада шла смерть. Они шли нас убивать. Если не каждого как индивидуума, то каждого как часть народа, который не должен был остаться в истории. Мы тогда были больными, всё ещё травмированными революцией. Гражданская война разъярала нас на части. И они это знали. Но они не успели узнать, что Сталин уже немножко срастил нас мёртвой водой. И они шли нас добить. Думали, что это легко получится. Но вместо этого капли живой воды стали оживлять богатыря. Мы победили смерть.

Даже помрачение ума 1991 года не стёрло этой памяти. Наоборот. Обновило её. И не случайно столь массовое участие русских в Бессмертном Полку.

Мы знаем случаи возвращения к жизни уже умерших людей. Такие люди меняются бесповоротно. Они узнали такое, что делает все их прежние заботы пустяковой суетой. И даже те, кто не умирал по-настоящему, а всего лишь ходил по грани жизни и смерти, выходят из этого пограничного состояния другими людьми. У них другие глаза. Они видят другое.

Так и наш народ. Мы соборно пережили борьбу на грани жизни и смерти, и с тех пор заботы «нормальных» народов нам порой кажутся детскими забавами или подростковым выпендрёжем. Мы не враги им. Мы просто узнали такое, чего им никогда не узнать. И мы даже не можем пожелать им узнать этого. Мы не можем желать им узнать взгляд смерти в лицо.

Вероятно, мы не одни такие. Наверно, сербов тоже истребляли. По крайней мере, в Боснии и Краинах. Не знаю, каково в этом отношении историческое самосознание китайцев. Они тоже прошли вблизи грани смерти. Особый разговор о евреях. Тут есть что помыслить о Промысле Божиим. Но об этом чуть позже.

Самое главное — это то, что Россия в этой войне оказалась на стороне добра. Не в смысле безгрешности действий, чего не было и не могло быть, а в смысле самом простом — сохранения жизни. Привитый России с Запада грех революции и Гражданской войны и сам по себе должен был убить её. Но для надёжности Россию должен был добить ещё и абсолютно беспощадный враг, воплощение inferнальности. Одни только горы очков, волос, детских туфелек, собранные в лагерях истребления людей, свидетельствуют о природе европейского третьего рейха.

И Победа ценой напряжения всех народных сил спасла жизнь народа и страны. Спасла ещё и тем, что кончилось истребительное гонение на Церковь, она была восстановлена в правах и воссоздана в своих институтах, хотя, конечно, не вполне.

И сама эта необходимость напряжения ВСЕХ народных сил резко притушила внутреннюю Гражданскую войну. А начало этому прекращению ещё в конце тридцатых годов было положено Сталиным, стремившимся переместить центр власти из структур партийных в структуры общегосударственные.

Говоря иначе и попросту, всем людям надо было дать право жить. После обязательной классовой ненависти Гражданской войны в СССР это утверждение было совсем не банально. И оно было явно несовместимо и с германским нацизмом, совершенно очевидно имевшим цель поработить «арийцам» одни народы, а другие истребить.

Наталья Алексеевна Нарочницкая в книге «Россия и русские в мировой истории» говорит, «*что еще в 30-е годы И. В. Сталин осуществил вместе со своими ближайшими соратниками по Политбюро ЦК ВКП(б) какой-то коренной пересмотр существовавших до этого идеологических установок по религиозному вопросу*».

Документы открылись лишь в конце 1990-х годов, подтвердив, что «*ещё в 30-е годы состоялись важнейшие решения Политбюро ЦК ВКП(б)... которые подвергли радикальному пересмотру существовавшую ранее беспощадную ленинскую политику по отношению к Русской Православной Церкви. При этом... ни в прессе, ни в публиковавшихся партийных документах об этом специально не говорилось*».

Наиболее значимым, определяющим решением по данному вопросу, по мнению эксперта по взаимоотношениям Церкви и Советского государства Алексева, явилось совершенно секретное решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г. за № 22 в протоколе № 88, которое, как пишет в 1999 году автор, «до сего дня не только никогда не публиковалось, но и видеть его могли лишь немногие».

Под скромным названием «Вопросы религии», но с грифом «Особый контроль» и четырьмя дополнительными грифами секретности папок хранения («Особой важности», «Совершенно секретно», «Особая папка», «Рассекретиванию не подлежит»), этот документ, братья и сестры, делает крутой поворот от ленинской воинствующей атеизации населения и культуры в стране, где три четверти населения были верующими.

Как гласит документ, «По отношению к религии, служителям Русской православной церкви и верующим ЦК постановляет:

1. Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей церкви, преследования верующих».

В пункте 2 прямо говорилось:

«Указание тов. Ленина В.И. от 1 мая 1919 г. за № 13666/2 «О борьбе с попами и религией», адресованный Пред. ВЧК тов. Дзержинскому Ф.Э., и все соответствующие инструкции ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей церкви и православноверующих, — ОТМЕНИТЬ».

Как уже сказано, Великая Отечественная война окончилась так же, как и Отечественная война против Наполеона, в столице врага на Христову Пасху, на праздник победы над смертью. В 1945 году Пасха была очень поздней и красноречиво пришлась на день Святого Георгия Победоносца, 23 апреля или 6 мая нового стиля. В 1814 году Пасха, напротив, была ранней, 29 марта или 10 апреля по западному календарю. Париж был взят за десять дней до этого, и русское воинство во главе с царём Александром торжественно отслужило Пасхальную службу на той самой площади Согласия, где в революционные годы гильотина срубилась свыше тысячи голов как «врагов народа», так и «друзей народа», начиная от короля Людовика. В конце изумительно трогательного богослужения даже и допущенные на него французские генералы со слезами на глазах подходили целовать кресты в руках усталых русских полковых священников.

Обе войны начались в одни и те же июньские дни по обычному календарю, а закончились в одно время уже по пас-

хальному циклу, который сутью своей связан с прямым вхождением Бога в историю. Причём это совпадение поражает своей точностью. Обе воевавшие против России европейские империи возглавлялись вполне конкретными вождями, Наполеоном и Гитлером, и конец их власти как раз и знаменовал нашу победу. Так вот, по пасхальному циклу и самоубийство Гитлера в Берлине 17/30 апреля 1945 года, и отречение Наполеона в Фонтенбло 23 марта/4 апреля 1814 года случились в Великий понедельник, после полудня.

И ведь не просто это один и тот же день Страстной седмицы. Это именно тот день, когда в церквях читается Евангелие от Матфея (21: 18-46) о бесплодной смоковнице, засохшей по слову Христа. Казалось бы, и та, и другая война шли несколько лет, за время которых и неудачи, и успехи много раз сменяли друг друга, то отодвигая, то приближая Победу. И вот оказывается, что этот финальный момент обеих Отечественных войн совпадает с тем самым днём, когда читается то место из Евангелия, которое указывает на Божий Суд.

И Суд этот дал нам жизнь. Победа Советского Союза над рейхом спасла жизнь не только России и соединённых с нею народов, она спасла и жизнь народов Европы и всего мира. Им была возвращена та жизнь, которая свободна от необходимости поклонения тому inferнальному злу, каковым был нацизм. А европейский нацизм был создан и выпестован глобальной финансовой элитой Запада, и после 1945 года эта элита не исчезла, а только набралась сил на своей половине земного шара. Так вот, имя Иосифа Сталина, маршала той великой Победы 1945 года, означает не только Божий бич, которым наказывалась подпавшая греху революции Россия. Имя Сталина означает и преодоление этого греха Гражданской войны. И это имя возвращения к жизни Победой над смертельным врагом внешним. И не только в мае 1945 года.

В августе были взорваны американские атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки. И планы Запада по истреблению Советского Союза посредством ядерных бомбардировок, выраженные в задуманной операции «Немыслимое», вполне могли бы реализоваться, если бы Сталин с Берией не успели создать свою бомбу — кстати, не где-нибудь, а в Сарове, не без благодатной помощи Саровского преподобного Серафима, надо полагать. Если вдуматься, то открываются новые стороны спасительного Промысла Божия. Операция «Немыслимое» не была реализована в те несколько лет монополии Запада на ядерную бомбу ещё и потому, что за несколько лет войны общественное мнение Англии и Америки успело при-

учиться сочувствовать Советскому Союзу в его драматичной борьбе с нацистским рейхом.

В некоторых странах существует уголовная ответственность за «отрицание холокоста». Очевидно, что отрицать факт геноцида евреев в Европе третьего рейха невозможно, нацисты уничтожали их предельно тщательно. Столь же старательно европейские нацисты истребляли также цыган. Менее систематично, но тоже массово убивали русских и сербов. Кстати, быть коммунистом тоже означало быть убитым или как минимум посаженным в концлагерь, причём за коммунистов нацисты принялись ещё задолго до того, как приступили к «окончательному решению проблемы евреев». И хотя в реальной пропаганде у гитлеровцев «жиды и коммунисты» шли нерасторжимой парой, но о коммунистах как о жертвах европейского нацизма говорят ныне с неохотой, тогда как истребление евреев порой представляют чуть ли не главным содержанием Второй мировой войны.

Главное или не главное, но это истребление — очевидный факт. Немного сложнее с канонизированной цифрой этого истребления — «шесть миллионов евреев». Никакой реальный точный подсчёт по множеству причин невозможен. Немцы учёта убитых не вели, а если где-то и вели, то документы уничтожались. Демографическая статистика крайне приближительна и запутана как быстрыми переменами государственных границ Польши, Румынии, СССР и других государств, так и перемещениями населения.

Неясно к тому же, кого именно и по каким критериям считать евреем. По записи в советском паспорте? По стандартам раввинов? По правилам иммиграционных служб Израиля? По тем же критериям, по которым фашисты уничтожали еврейское население? Но эти критерии менялись. Например, караимов в какие-то периоды уничтожали, в какие-то нет. Где-то крестившихся евреев не трогали, а где-то их истребляли наравне с некрещёнными.

Как считать умерших в связи с войной, но не бывших под властью гитлеровцев? Если еврея, умершего в 1942 году в блокадном Ленинграде, ещё бы можно было зачислить в эти шесть миллионов, то можно ли считать «жертвой холокоста», к примеру, еврея, умершего в Москве в том же году? А еврея, умершего на Урале?

А как быть с немецкими евреями, погибшими на службе в Люфтваффе или Кригсмарине? Это тоже «жертвы холокоста»? Их таких было немного, но ведь были же. И гораздо больше евреев было включено в деятельность различных госу-

дарственных служб Венгрии, в том числе оборонных, где отношение к ним было более терпимое, чем в Германии. Фактически они воевали за Гитлера против Советского Союза. Многие тысячи их погибли, тысяч десять попало в советский плен. Конечно, и они в каком-то смысле жертвы, но как-то неловко приравнивать их к тем беззащитным детям, женщинам и старикам, которых просто согнали в овраг, расстреляли и добили лопатами.

Наконец, как быть с евреями, погибшими в бою с оружием в руках в рядах Красной армии? Может быть, им положен «другой статус»? Например, мы знаем романтическую песню «Бригантина». Слова песни написал перед войной молодой поэт Павел Давидович Коган. В сентябре 1942 года он возглавлял разведгруппу и погиб под Новороссийском. Он «жертва холокоста»? Или он воин, павший в бою за свободу и независимость нашей Родины?

Число «шесть миллионов» можно воспринимать лишь как условное, символическое, подогнанное под число концов шестиконечной звезды, которую в последние два-три столетия стали ассоциировать с еврейством. И в этом смысле я с этим числом совершенно не собираюсь бороться. Если число в принципе неустановимо человеческими способами, то лишь Бог ведает, каково оно. А вдруг и в самом деле ровно шесть миллионов?

Пожалуй, важнее определить отношение к термину «холокост» или, точнее, «холокауст» или «холокаутома», то есть к библейскому термину «всесожжение» на древнегреческом языке. На еврейском термину соответствует слово «ола», то есть, «возношение», «поднимающаяся жертва». К геноциду евреев это слово применил бывший узник нацистов Эли Визель, хотя потом он вроде бы колебался. В 2005 году в одном из интервью он заявил, что отказывается от употребления слова «холокост» по отношению к евреям. Хозяева глобального дискурса это слово канонизировали, однако.

Но я думаю, что нам применять его не стоит. Это слово описывает жертву, которую целиком посвящают Богу. Одно из маргинальных иудаистских осмыслений катастрофы еврейства во Второй мировой войне подразумевает некую жертву Богу, знаменующую наступление мессианских времён. Мол, не зря после этого возникло государство Израиль, так что вот, теперь ждём прихода машиаха.

Для нас, христиан, это уже категорически неприемлемо. Мессия, Иисус Христос, уже пришёл и принёс Себя в Жертву, которая прообразовывалась в Ветхом Завете как раз жертвой всесожжения.

Кроме того, «холокауст» технически подразумевает не только сожжение жертвы, но и её всецелость. От жертвы ничего не остаётся. Всё Богу. Но от еврейского народа, слава Богу, осталось много. В этом смысле образ просто неточен.

Но важнее всего то, что те, кто осуществлял геноцид евреев, вовсе не приносили жертву Богу. Уж во всяком случае, не истинному Богу. Если в мистике третьего рейха уничтожение евреев и других «унтерменшей» как-то и осмыслялось, то совсем иначе. Окультисты из СС и Аненэрбе ожидали появления на земле «сверхчеловека» с небывалыми способностями и полагали, что этому будет способствовать изменение соотношения между высшей «расой арийцев» и расами «недочеловеков».

Этой «высокой» мистической цели не противоречили и цели прикладные вроде желания потрафить страстям европейских обывателей, считавших евреев банкирами-кровопийцами, от которых все беды, и которых давно пора как следует пограбить. А докладывать обывателям о том, что грабёж доходил до золота зубных коронок изо ртов трупов, причём вовсе не «банкиров», а сапожников, скрипачей и фельдшеров, было совершенно ни к чему.

Наконец, реальные еврейские банкиры и другие серьёзные деятели, до которых руки нацистов вовсе не были способны дотянуться, вполне хладнокровно допускали массовое истребление евреев Европы с тем расчётом, что это будет способствовать переселению активных и жизнестойких евреев в Палестину, а заодно и создаст после уничтожения германского рейха основание для нового глобального дискурса. Вот для этого дискурса слово «холокост» очень удобно.

Но был ли в этом смысл? Смысл провиденциальный?

Киевский Бабий Яр был знаковым событием. Среди всей оккупированной немцами территории Советского Союза именно в Бабьем Яру единомоментно, за несколько дней, уничтожено евреев было больше, чем где бы то ни было ещё. То, что за последующие два года в этот огромный овраг уложили ещё два-три слоя трупов других «врагов рейха», так что к концу оккупации их там лежало больше, чем оставалось в Киеве жителей, не отменяет того, что Бабий Яр является символом уничтожения именно евреев.

Если же спросить, что было наиболее ярким знаковым событием в Российской Империи в годы перед Первой мировой войной, то это, конечно, не официальное празднование трехсотлетия Дома Романовых и даже не убийство Столыпина. Это так называемое «дело Бейлиса», которое точнее на-

звать делом об изуверском убийстве мальчика Андрея Ющинского 12 (25) марта 1911 года. Кто и зачем обескровил ребёнка через надрез на сосуде шеи, нанёс на голове и на теле определённое количество ранок и добил уколом в сердце? Почему это было накануне Песаха (еврейской пасхи)?

Следствие и процесс шли более двух лет, арестован и обвинён был Мендель Бейлис, хотя очевидно, что убийца был не один. Судом присяжных был установлен ритуальный характер преступления, но в отношении доказанности вины лично Бейлиса голоса разделились поровну, и он был отпущен. Фактически никто наказан не был. О подробностях нетрудно почитать в разных публикациях, причём и сейчас читатель обнаружит две противоположные версии события. Каждая из них горячо вызывает к морали и совести.

Версия обвинения, а точнее, потерпевшей стороны, описывает страдание изуверски замученного ребёнка. Как можно оставить такое безнаказанным? Версия защиты говорит вообще о другом. Ребёнка будто бы убил неизвестно кто, но обвиняют не только Бейлиса, а весь еврейский народ, приписывая ему ритуальную охоту за кровью христианских младенцев. То есть с помощью «кровавого навета» обвинение готовит грандиозный еврейский погром, и как можно не бороться с таким чудовищным злом?

Были ли убийцы действительно религиозными изуверами, были ли посвящены в их дела кто-то из раввина или из еврейской общественности? Или, наоборот, это были жестокие тайные провокаторы, которым кровь ребёнка сама по себе была не нужна ни для каких ритуалов, а нужен был непримиримый гражданский конфликт, который бы бил по Царской власти?

Из месяца в месяц публиковались материалы на темы процесса, и читатели гневных газет разных направлений сжимали кулаки в жажде справедливости. Сколько из них хотели бы сжимать и пистолеты! Фактически, как мы можем сейчас видеть, шла мобилизация для «красной» и «белой» сторон революции и Гражданской войны.

Можно констатировать, что «красная» мобилизация прошла успешней. Ведь «белые» сторонники обвинения, которым полагалось бы быть и сторонниками законной власти, просто не могли вести себя столь же разнузданно и действовать вне правового поля. Сторона же защиты фактически была стороной нападения, стороной дискредитации и разрушения Царской России. Не удивительно, что за время следствия и суда погибали свидетели и другие участники только со стороны обвинения, то есть со стороны потерпевших и со

стороны правосудия. Но для «широкой общественности» это ничего не значило, ей всё было понятно и так: во всём виновата «власть».

В конце концов, она стала «виноватой» и для «белой» стороны, так как не смогла осуществить правосудие. К Февралю 1917 года Царя стало некому поддержать.

Сколько тысяч горячих молодых людей, как евреев, так и всех прочих «передовых и сознательных», взяли вскоре в руки наганы и маузеры и пошли в подвалы Киевской и других «чрезвычайек» вершить дело высшей справедливости, истребляя врагов новой власти? «Красная» мобилизация удалась на славу. Впрочем, сработала и «белая» мобилизация. Гражданская война тому порукой...

Но только к чему весь этот разговор о «знаковых событиях»?

А вот здесь внимание, господа! Почему-то никто не замечает, что яркое знаковое событие в предреволюционной России и столь же яркое знаковое событие в Великой Отечественной войне, разнесенные между собой на три десятка лет, при всей огромности территории России, произошли не просто в одном и том же городе, а в одном и том же месте этого города. Бабий Яр находится как раз между местом убийства Андрея Ющинского и местом его могилы, от которой до нынешнего памятника жертвам Бабьего Яра лишь несколько сот метров.

И это не людских рук дело. Людей — судей, журналистов, историков — можно обмануть, соблазнить, запугать, подкупить, убить. Но нельзя обмануть Бога. А перед нами очевидный знак Божий.

Так что же, получается, «белая» версия «дела Бейлиса» — права? «Бог долго терпит, да больно бьёт»? Руками Гитлера, оказывается, справедливое возмездие постигло грешников? Не зря, мол, столько написано о еврейском засилье в деле революции! Ведь тут «белым» агитаторам и историкам материала хватало. Образ еврея-комиссара или еврея-чекиста с наганом и в кожанке не надо было выдумывать.

Что ж, да, поучаствовали евреи в грехе революции. Но только смотрите, как дивно распорядился Бог! Не просто ведь послал кару и страдание. Ведь послал и спасение! И спасением еврейский народ, оказывается, обязан русскому солдату. Причём красному русскому солдату! «Белая» версия звала русских к отмщению. Но Бог не дал русским согрешить местью. Бог дал русским освятиться подвигом спасения, спасения и самих себя, и евреев. И других народов. И даже немцев, в конце концов.

Еврейство не едино. Помимо всех прочих разделений есть разделение на тех, кто служит мамоне, и тех, кто не перестал искать Бога.

После Победы их отношения с русскими стали особыми. Я говорю не о тех евреях, которые просто стали русскими, через крещение, через браки и весь браз жизни. Я о тех, кто евреем быть не перестал, кто живёт, например, в Израиле и в других странах. Но теперь до самых эсхатологических дней их отношение к русским будет другим. Испытание войной положило на них особую печать братства и благодарности, и эта память скажется в самый важный момент конечного выбора.

Бог явил много символических знаков. Все уже знают, что в победном 1945 году Пасха пришлась на день Святого Георгия Победоносца, 6 мая по новому стилю. Но вот ещё один удивительный знак.

Сокрушение зубов — очевидный библейский символ победы над врагом. И где же были зубы Гитлера 8 и 9 мая 1945 года, в День Победы? Эти зубы, извлечённые из обгоревшего трупа, лежали в картонной коробочке, и носила её по Берлину в своей сумке Елена Моисеевна Каган, военный переводчик штаба 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Она участвовала в идентификации тела Гитлера по его зубам, и с помощью найденного зубного техника и соответствующих стоматологических документов принадлежность зубов фюреру рейха, в конце концов, была подтверждена.

Елена Моисеевна ушла на войну добровольцем, и в 1942-43 годах служила переводчиком на фронте в районе Ржева, откуда её писательский псевдоним — Елена Ржевская. Она, кстати, была женой уже упомянутого поэта Павла Давидовича Когана, погибшего в 1942 году под Новороссийском.

Собственно, что можно добавить к сказанному Богом? У Бога слово и дело не различаются.

МЛАДШАЯ ДОЧЬ

ПОВЕСТЬ

1

Еле дождалась Варя Соловьёва окончания уроков и первой выскочила из класса, когда в коридоре прозвенел звонок. Обычно подруги не сразу расходятся, поэтому Варя постаралась незаметно улизнуть, чтобы зайти в аптеку без свидетелей. Невысокой, худой и неприметной в серой курточке — ей это легко удалось. Она тенью проскользнула между деревьями к дальнему выходу со школьного двора, юркнула в салон связи и проследила в широкие окна, как подруги разошлись в разные стороны, после чего заторопилась к соседнему зданию. В аптеке замялась перед окошком провизора и, не глядя в глаза, неопределённо кивнув на ближнюю витрину, тихо попросила: — Два теста...

Опрятная женщина внимательно посмотрела на покупательницу из-за стекла, молча принесла нужные упаковки, подхватила в кассе чек, сказала нарочито вежливо и многозначительно, внимательно разглядывая юную покупательницу, словно застигнутую врасплох и уличённую в чём-то неприличном:

ПРОЗА

— Пожалуйста...

Чувствуя, как краснеет, Варя выскочила на улицу и, не оглядываясь, заторопилась домой. В квартире в этот час могла быть сестра с сынишкой, если, конечно, не отправилась с ним гулять. Так и есть: коляски не оказалось в прихожей, значит, ушли в парк. Это хорошо, не надо таиться. Поэтому Варя спокойно приготовилась и, окончательно разволновавшись, увидела на тесте две полоски — и сразу заколотилось сердце, не унять. Проверив предположение о беременности повторно, она, обессиленная от переживания, грохнулась на диван в своей комнате и разревелась. Хотела тотчас позвонить Павлу, но, повздыхав, всё-таки решила пока не сообщать ему. Что скажет, чем обрадует? Да и обрадуется ли он такому «подарку» перед призывом в армию. «А может, всё-таки рассказать, и он что-нибудь придумает, чтобы не служить. Или хотя бы отсрочить призыв, чтобы не оставлял меня одну?» — рассуждала она, пытаясь решить этот вопрос за него.

Задумавшись о Павле, не сразу отозвалась и вышла к вернувшейся Светлане — светловолосой, румяной, пытавшейся уговорить кричавшего сынишку; ему всего-то полгода, но если уж начнёт воевать, то не успокоишь.

— Варь, помоги, пока я разденусь! — попросила Светлана.

Варя вышла в прихожую, взяла на руки покрасневшего от недовольства племянника, отнесла в соседнюю комнату, начала снимать комбинезон. Почему-то подумалось: «Вот и сама скоро буду тем же заниматься...» И эта мысль показалась новой, необычной — такой, что сделалось жарко. Захотелось всё сразу рассказать сестре, хоть что-то услышать от неё, хоть какой-то совет. Но если бы это было легко — быть откровенной даже с сестрой. Поэтому пока придётся поделиться с Павлом. С кем, как не с ним, надо быть откровенной. А от сестры успеет послушаться упрёков, она, не подумав, ещё и матери расскажет, а уж той тогда не попадётся под горячую руку: либо схватит за волосы и головой об стенку шарахнет, либо из дома выгонит.

Павлу позвонила позже. Он работал водителем, правда, всего-то несколько месяцев, но успел сильно измениться, стал рассуждать, как казалось Варе, по-взрослому. О чём его ни спросишь или что ни скажешь, на всё у него имелся уверенный ответ: «Разберусь!» И действительно: единственного слова ему хватало, чтобы вселить уверенность не только Варе, но и, казалось, самому себе. Вот и сейчас попросила его о встрече, а он: «Разберусь». Не к месту, конечно, ляпнул. Как разбираться в том, о чём пока ничего не знаешь. Договорились, что встретятся в парке недалеко от дома. Варя вышла

засветло, а пока прождала Павла, стемнело, пришлось вернуться из темноты к автобусной остановке. Там и увидела его, ловко соскочившего со ступеньки маршрутки: курносый, коротко подстрижен, в куртке нараспашку, а в глазах, как всегда, озорство. Подошёл, обнял, чмокнул в щёку и, улыбнувшись, спросил:

— Что за срочность?

Они присели на скамейку недалеко от остановки.

— Есть новость, Красавин... — загадочно сказала Варя. — Я, наверное, забеременела. Только сегодня узнала.

— Серьёзно говоришь? — отстранился Павел, словно хотел внимательнее разглядеть её в свете фонаря.

— Серьёзней быть не может. Не знаю, что теперь делать.

— К врачу иди, пока не поздно, если залёт получился.

— Кому нужна малолетка. С матерью заставят прийти.

— А я-то чем могу помочь?!

— Хотя бы посочувствуй...

— Сочувствую и переживаю. И вообще нам пора по домам, а то у меня завтра рейс в область, нужно пораньше встать.

Будто всё оборвалось внутри у Вари. Она почувствовала, как задрожали губы, но всё-таки постаралась сказать Павлу, бывшему своим до этой минуты, но вдруг сделавшимся чужим, твёрдо и независимо.

— Если пора, значит, пора. Пошли! — резко, не глядя на него, высказалась Варя, потому что теперь спокойно смотреть на него не могла.

Он довёл до подъезда, у которого они холодно расстались, а в квартире, где вернувшаяся с работы мама гремела на кухне посудой, юркнула в ванную комнату, включила воду и вволю наревелась. Когда уж сил не осталось на слёзы, умылась и, проскользнув мимо сестры, закрылась в комнате. Ужинать вместе с ними не стала. Когда мама отправилась в душ, а сестра занялась ребёнком, Варя быстро перекусила тем, что оставили ей да Евгению — мужу Светланы, работавшему начальником транспортного цеха на заводе. Муж Светланы — иногородний, и натерпелся от тещи до невозможности. Чуть чего, та сразу указывала на дверь, и, если бы не жена, он давно бы ушёл, но Светлана остужала порывы гнева и обиды. В конце концов, он не стал замечать зловредного человека, часто задерживался на работе, подменяя дежурных механиков, лишь бы поболее заработать и скопить необходимую сумму на первый ипотечный взнос, потому что давно хотел купить жильё и не жить с тещей. Одно время даже звал Светлану к родителям, но она не захотела перебираться в другой город.

На следующий день Варя собралась в женскую консультацию, но в последний момент передумала. Страшно стало. Да и что там скажет?! Ведь придётся врать о мнимом изнасиловании, чтобы выгородить Павла, которому 18 лет, мол, пацаны в парке напали! Нет, пока с этим спешить не обязательно. Надо сперва всё обдумать, а после уж что-то предпринимать. Более всего она боялась вопросов о том, с кем это у неё получилось. Ссылка на неизвестных — это, конечно, для отвода глаз, а если докопаются до Павла, что тогда? Ведь его вины-то по большому счёту нет. В тот вечер она с ним ходила в кино, а потом они допоздна гуляли в центре. В половине первого ночи Павел проводил до дому, а мать раскричалась из-за позднего возвращения, устроила истерику и буквально выгнала Варю, сказав ей вдогонку: «Откуда пришла, туда и отправляйся!» — и захлопнула дверь перед носом. Она слышала из-за двери, что сестра вступилась за неё, но окрик матери «Не лезь не в свои дела! Занимайся муженьком!» — лишил надежду на примирение. Павел стоял рядом и всё слышал. «Пойдём, у нас переночуешь. Родители на даче...» — твёрдо сказал он. До Павла десять минут ходьбы. Пришли, попили чаю и легли спать в разных комнатах. Варя хотела заснуть, но не получалось — мучила обида от поведения мамы, хотя такая мама хуже мачехи. «Ну что она взъелась? Что я такого сделала — ведь каникулы же! — зачем истерить? К тому же была не одна!» От обиды, от несправедливости, от желания сделать наперекор, Варя поднялась с постели, мягко ступая по ковру, заглянула к Павлу, сказала: «Мне холодно...» — первое, что пришло на ум. Всё остальное произошло необъяснимо быстро — совсем не так, как мечтала Варя, фантазируя в последнее время. Зато на следующий день она смотрела на подругу Настю как на ровню, словно рассказала обо всём, чтобы она более не называла малолеткой, хотя старшего всего на два месяца.

Теперь, когда стали очевидны последствия той ночёвки и других тоже, Варя жила в ожидании, хотя чего ждала, и сама не понимала. Надо было идти к врачу, но как это сделать в одиночку, ведь врач и разговаривать с ней не станет без матери.

2

Все последующие дни, придя из школы, Варя отлёживалась. Ничего не хотелось делать, даже помогать Светлане. Необыкновенное опустошение усиливало приближение неминуемых грозных событий, казалось, что ещё немного и земля разверзнется. Апатия, безразличие ко всему, что происходило вокруг, навалились непомерной тяжестью, отчего

и вздохнуть-то глубоко не хватало сил. Как-то даже не пошла в школу. Когда Светлана вспомнила о сестре, то постучалась к ней, приоткрыла дверь и спросила негромко:

— Проспала, что ли?

— Заболела...

— Если заболела, то давай-ка вызовем врача, если просто хандрить, то на занятия отправляйся!

Но в школу Варя так и не пошла. Она закрылась одеялом и разревелась, потому что должна была сегодня провожать Павла в армию... И теперь тихо плакала от всего, что произошло в последнее время. Светлана попыталась её растормошить, но ничего не добилась. А Варя, совсем обессилев, неожиданно заснула и проспала почти весь короткий день. Она не слышала, чем занималась сестра, ходила ли гулять с сынишкой, а когда заглянула в кухню, сестра напомнила:

— Перекуси и за хлебом слетай. А то маман с Женькой придут, а хлеб на нуле.

Так уж у них повелось, что хлеб — всегдашняя забота Вари. Но сейчас она повторно заупрямилась. Лишь когда сестра прицепилась по-настоящему, молча надела куртку, схватила шапочку и отправилась в магазин, где неожиданно столкнулась с одноклассницей Настей, встречавшейся с другом Павла, и у них всё было по-серьёзному. Ещё недавно Варя приревновала её к Павлу, и какое-то время они не разговаривали. Но постепенно отношения более или менее наладились, поэтому Настя сразу укорила:

— Чего же своего в армию не проводила?

— Заболела... — отговорилась Варя и почувствовала необыкновенную слабость.

— А ты своего Валерика?

— Я-то проводила, а вот Павел сегодня все глаза проглядел у военкомата — тебя дожидался!

— Чтобы дожидаться, надо заранее сообщить, но это не для него.

— Понимаю — обидно!

— Ещё неизвестно, кто на кого обижаться должен. И вообще: тебе-то какая забота?

— Так прикольно же! То любовь до гроба, то...

— Отстань, — отмахнулась Варя. — Тебе поговорить больше не о чем!

Она знала о призыве Павла в армию от его друга — Настиного приятеля — и поспешила уйти, потому что не хотела развивать эту тему. Он звонил несколько дней назад, видно, по просьбе Павла, называл сегодняшнюю дату, но Варя, словно не слышала его. И вот теперь, расставшись с подру-

гой, не помня себя от едкого напоминания, купила хлеб, вернулась домой и вновь забралась под одеяло. Светлана, занимаясь малышом, даже не заметила её возвращения. Лишь позже заглянула к Варе и, увидев сестру отворачившейся к стене, ничего не сказала, не стала допытываться. И правильно поступила, ибо в любом случае разговора не получилось бы.

С этого дня Соловьёва считала себя окончательно брошенной, никому не нужной. И как только так решила, то неожиданно резко переменила отношение ко всему, что происходило вокруг, что угнетало. Она вдруг поняла, что сама себя загоняет в ненужные переживания. «Нет, более не будет этого, — решила она через недолгое время, словно стала иным человеком: взрослым, ответственным, переставшим бояться самой себя. — У меня есть ребёнок и мне нельзя волноваться. Надо всегда помнить о нём и беречь!»

Она привычно отправлялась в школу, привычно заходила за хлебом, а после добросовестно делала уроки. Почти всё свободное время проводила дома, если на улице надоевшая непогода, да и смеркалось рано. О Варе все будто забыли. Светлана лишь иногда просила посидеть с малышом, мать, возвращаясь с работы и видя, что младшая дочь взялась за ум и сидит за уроками, похоже, радовалась за неё. Зять Женя, пытался, как всегда, поболтать с ней, но и он после словесного тычка жены оставлял в покое молодую свояченицу. В общем, в семье установился мир и порядок. Но Варя знала, что всё это скоро нарушится, произойдёт переворот, и тогда... Что тогда будет, она могла лишь предполагать, и предположения эти были самыми мрачными. И чем скорее бежало время, тем ближе становились грозные события.

Если в первые недели её положение никак не проявлялось, то теперь навалилось постоянное недомогание, тошнота. Варя даже схоронила в комнате банку, которой пользовалась, чтобы не выдавать своего состояния, когда начинались приступы тошноты, а в квартире кто-то находился. Будь её воля, она и вовсе бы остановила время, чтобы навсегда заморозить его. Это всегда так: если чего ждёшь, то оно тянется километрами, если чего-то опасешься, то опасения приближаются неудержимо. Не успеешь глазом моргнуть, и вот, пожалуй-ста, — получай.

События эти произошли после новогодних каникул. Варя перед сном приняла душ и выскочила из ванной комнаты полураздетой, воспользовавшись тем, что в прихожей никого не было. Хотела проскользнуть незамеченной, но не смогла: мать увидела её из кухни и увязалась за ней в комнату.

Варя только успела нырнуть под одеяло, а Ирина Викторовна тут как тут:

— А ну-ка встань, покажись! — попросила она властно.

— Я уже сплю...

— Поднимись!

Варя нехотя поднялась.

— И что это?! — указав на выпиравший из-под сорочки живот, спросила мать.

И сразу на Варю накатила злость, перемешанная с ехидством. Поэтому и ответила с вызовом:

— Беременность, мама, беременность!

— Как?! Ах ты, негодница, ах, потаскуха! В подоле хочешь принести!

— И принесу через несколько месяцев.

Ирина Викторовна выскочила из комнаты, позвала Светлану и притопнула, когда та задержалась:

— Иди, посмотри на нашу шалаву!

Вошла Светлана, вскользь глянула на сестру и спросила у матери:

— Ну и что тут произошло?

— А ты разве не видишь? Варька беременная, гадина такая! — и спросила голосом, не допускавшим лукавства: — От кого?

— Мам, тебе-то не всё ли равно... — заслонила сестра Варю.

— В общем, так: завтра я отпрашиваюсь с работы, и пойдём к врачу.

— У нас будет контрольная работа по физике.

— Какая контрольная после каникул? К трём подъезжаю к консультации. Попрошу и тебя к этому часу прибыть. Да не забудь паспорт взять. Поняла?

— Поняла, поняла... — отговорилась Варя, лишь бы мать отстала.

Вытолкав из комнаты Светлану и хлопнув дверью, Ирина Викторовна, уже в прихожей, сказала старшей дочери:

— А ты чего молчала всё это время?! Ведь наверняка знала! Или вы сговорились?!

— Нет, откуда? — искренне удивилась Светлана.

Более в этот вечер в семье не разговаривали, будто обдумывали планы перед предстоящим боем. И это походило на правду. Хотя, как ни странно, Варя почти не переживала — давно знала, что это должно было рано или поздно случиться. И теперь даже радовалась, зная, что завтра её жизнь качнётся в худшую или лучшую сторону. Третьего не дано. И скорее всего, лучше её жизнь не сделается. «Ну и пусть, — рассуждала она, всё-таки чувствуя, как тревожно колотится

сердце. — Уеду к бабушке в деревню. Дети её по городам разъехались, живёт одна — ей даже радостно будет. Там и рожу, а после будет видно».

3

Сегодняшний послеобеденный приём начинался для врача Зои Сырневой так же, как и многие её приёмы по нечётным дням, — суматошно и непредсказуемо. В эти дни зачастую происходило такое, что надолго выбивало из привычного рабочего состояния. Всегда находилась какая-нибудь нервная дамочка, бесподобной истерикой баламутившая всю консультацию. В таком случае все почему-то должны были уделять внимание только ей, только её проблемы должны волновать всех вокруг. И никак иначе.

Вот и сейчас. Не успела она разложить истории болезней на столе и приготовиться принять первую посетительницу, как появилась заведующая — официально представительная, боявшаяся тряхнуть седой головой с хорошо уложенной короткой причёской, да не одна, а вместе с насупленной сероглазой девчушкой в сопровождении измождённой женщины, видимо, её мамы.

— Вот, Зоя Александровна, посмотрите, пожалуйста, это чадо, — попросила заведующая. — Оно лужу слёз оставило у меня в кабинете, и свою маму довела!

— Эмма Петровна, а «оно» записано на приём? — усмехнулась врач волоокими карими глазами.

— В том и дело, что нет.

— Так пусть запишется. Как я её вставлю в электронную очередь?

— Не надо никуда её вставлять. Пусть приходит и, как полагается, сдаёт анализы, а пока гляньте: беременно чадо или нет? Может, и приходиться не надо. А то оно меня с ума сведёт! Вот карточка на всякий случай.

— Её и без осмотра видно... — Врач внимательно посмотрела на Эмму Петровну, согласно кивнула. Спросила у девчушки, улыбнувшись и взглянув на карточку: — Какие проблемы, Соловьёва?

— Я, наверное, беременная...

— Уж наверное... Раздевайся! — приказала Зоя Александровна. — А вас, — сказала она Вериной маме, — попрошу пока выйти.

Стесняясь и оглядываясь на дверь, словно могли войти без спросу, девчушка разоблачилась, неловко забралась в кресло.

— Как зовут-то тебя?

— Варя...

— Лет сколько?

— Пятнадцать. Я паспорт уже получила!

— Паспорт — это хорошо, — готова расширитель, с лёгкой ехидцей улынулась Зоя Александровна. — Взрослая совсем. Знаешь, от кого забеременела?

— Нет. В парке какие-то ребята напали...

— Это плохо, очень плохо. Говоришь, что на тебя напали, проще говоря, изнасиловали, и ты не знаешь того, кто это сделал? — Варя мотнула головой. — Тебе известно, что такое наследственность? Может так быть, что отцом ребёнка, которого ты зачем-то оставила, был алкоголик, шизофреник или просто какой-нибудь debil, потому что нормальный мужчина никогда не осмелится на такое. Вот ты родишь неизвестно от кого, и что тогда? Ты хотя бы понимаешь перспективу? Но всё-таки, по-моему, ты знаешь того человека, от кого забеременела, он, наверное, старше тебя и поэтому скрываешь его. Так? Скажи — всё останется между нами — кто он, и мы забудем об этом. Ну, так кто?

— Не знаю...

— Всё, можешь соскакать... — вздохнула врач. — Могу обрадовать: пять месяцев материнского стажа уже имеешь. Раньше-то тебе было лень прийти. Чего с ней делать-то? — Врач посмотрела на заведующую. — Надо инспектору сообщать, в школу!

— Пока не будем суетиться. Пусть она официально записывается на приём. И не затягивает. А сейчас говорить пока не о чем. Как маму-то зовут?

— Ирина Викторовна...

— Вот и скажи ей, что когда будут готовы анализы, ждём её вместе с тобой. Ты хоть и получила паспорт, но всё равно остаёшься несовершеннолетней.

Раскрасневшаяся Варя торопливо оделась, вопросительно посмотрела на заведующую, а та словно уколола:

— Свободна, Соловьёва! Иди уроки делай!

Варя хотела о чём-то спросить, но на неё уж не обращали внимания. Она выскочила из кабинета в коридор, но маму не увидела и отправилась домой одна. Не стала ждать трамвая, пошла пешком, словно дразня надвигавшуюся из-за парка лиловую тучу, и не чувствовала, как клицу липли мокрые хлопья снега.

Сдав на следующий день анализы, Варя почти неделю ходила сама не своя: уроки не делала, с сестрой не разговаривала. В школе узнали о визите Вари к врачу, требовали срочно прийти с мамой, но Ирина Викторовна лишь отмахнулась: «Как нагуляла, так теперь сама и разгуливайся!» А

как-то к ним приходила женщина-дознаватель из отдела по делам несовершеннолетних. Полицейская дама в звании капитана полчаса расспрашивала Варю, пытаясь узнать, от кого она забеременела: сколько ему лет, где работает или учится тот мужчина. Но все её расспросы оказались бесплодными, потому что Варя не сказала правды, говорила привычно и без эмоций: гуляла в парке, пристали двое ребят, изнасиловали. В ответ на вопрос «Почему не заявила в полицию?» — сказала, потупив взгляд, мол, боялась, что все в школе узнают... В тот раз от неё отстали, но обещали это дело держать на контроле и сделать представление в отдел опеки в отношении Ирины Викторовны, если ей будет безразлична судьба дочери.

Когда были готовы анализы, Варя записалась на приём к Зое Александровне. Хотя её ждали в консультации либо с матерью, либо с сестрой, но она пошла одна. С сестрой бы она, конечно, могла договориться, но с мамой нет никакой возможности нормально объясниться. И всё из-за отца, погибшего четыре года назад. Мама считала его неисправимым гулёной, по случаю и без такового цеплялась, постоянно ревновала, следила за ним, несколько раз заставая на даче с женщинами. На даче он и погиб, надышавшись угара. Когда маму вызвали на место происшествия, то перед ней выложили доказательства того, что в тот вечер он был не один: две рюмки, две вилки — всего по два, а главное, обнаружилось под подушкой чужое, как выяснилось, женское бельё... Уж как оно оказалось на даче — другой вопрос, но очевидно, что не само по себе. Поэтому все выходки отца не давали маме возможности относиться хоть с каким-то сожалением не только к нему самому, но и к его памяти.

Ирина Викторовна работала в закрытом НИИ, о работе никогда ничего не рассказывала, никто ничего у неё и не спрашивал, а если кто-то пытался, то она сразу настораживалась. Видимо, приученная к подозрительности, так же относилась к дочерям, считая, что характером они вышли в отца. Хотя старшая отличалась самостоятельностью, окончила университет, вышла замуж, родила ребёнка, а вот младшая, начавшая с одиннадцати лет часами болтать с мальчишками по телефону, была её противоположностью.

Летом девчонки гуляли до девяти вечера во дворе или парке, осенью и зимой, когда дни короткие, только в светлое время, а вечерами сидели у компьютера. И за каждой отлучкой должен был следовать отчёт. Девчонки, как могли, отчитывались, а их мать, словно не понимала, что в будние дни, когда находилась на работе, они были предоставлены сами

себе, и на все случаи жизни отчёта представить невозможно, но всё равно материнское упрямство затмевало в ней доверительное отношение к дочерям. Ирина Викторовна и сама чувствовала, что частенько не права, но в этом деле уж лучше перегнуть, чем не догнуть, считала она. И если они любящие дочери, то просто обязаны слушаться. Когда же было не так, как она хотела, то заслоняла пелена нестерпимой обиды, хотелось кричать, топтать ногами — лишь донести до них, неразумных, своё материнское слово. Только почему-то чем резче она себя вела, тем большее непонимание возникало между ней и дочерьми, особенно с младшей, которая не только характером, но и внешне походила на отца: такая же упрямая, резкая. У неё и причёска была как у испуганного ёжика с косым зализом на лбу.

Вновь собравшись в консультацию, Варя не испытывала никакой робости, словно шла на встречу с собственной любящей мамой, которая всё поймёт и простит. Думала, что врач будет опять называть чадом, усмехаться, как недавно при заведующей, но нет — сегодня была вполне серьёзна, и первое, о чём спросила, — о родительнице.

— Почему одна? Где обещанная Ирина Викторовна?

— Она работает...

— Соловьёва, ты же понимаешь, что это лепет ребёнка, и что подобное положение долго продолжаться не может, а поведение твоей мамы просто удивляет! Неужели её не волнует судьба дочери? Впервые встречаюсь с такой бездушной!

Осмотрев Варю, Сырнева сказала:

— Беспокоит меня, как рожать-то будешь: ведь худенькая, совсем не развитая? Горе ты моё горюшко. Сама ещё ребёнок.

Слова Зои Александровны показались необычно теплыми, домашними, словно она самый родной человек. И если сперва Варя настроилась говорить резко, мол, «А вам-то какое дело?!», то, почувствовав заботу равнодушного человека, посмотрела на врача по-иному, а когда та дотронулась через стол до её руки, то прослезилась. Сырнева встала, подошла к Варе, обняла её, попросила:

— Не надо. Не подходящее здесь место. Вот тебе моя визитка: звони в случае чего.

— Спасибо, Зоя Александровна! — Варе захотелось в этот момент прижаться к ней, наговорить много-много приятных и ласковых слов, но не сорвались они с языка только из-за стеснения.

Уходила она с таким чувством, словно расставалась со старым другом, хотя и понимала, что всё это из-за нахлынув-

ших чувств, из-за внимания к себе постороннего человека, перед которым можно открыть душу, зная, что этот человек выслушает и поддержит. Варя теперь не сомневалась в этом.

Возвращаясь, она вспомнила Павла, в который уж раз захотелось спросить, почему отмалчивается, даже хотела позвонить ему, но всё-таки не стала кланяться. «Ладно, не хочешь меня знать, значит, и не надо! Как-нибудь и без тебя проживу, если даже посторонние люди ко мне лучше относятся!» — решила она, понимая, что таким решением, сама же отдаляет его от себя.

4

Всё заметнее становилась беременность Вари. Поэтому, чего следовало ожидать, то и случилось: её вызвала директор школы и учинила допрос.

— Пока не появишься в школе с матерью — делать тебе здесь нечего. Так и знай! — сказала она жёстко и нервно забирая пальцами по столу.

Стоявшая рядом с директрисой классная руководительница промолчала, лишь вздохнула, и Варя знала, какой она вопрос готовит для неё после встречи у директора. И чтобы не вышло прилюдного скандала, чтобы не доводить дело до серьёзного разговора, Варя постаралась заранее обезопасить себя от всеобщего внимания, хотя от Насти девчонки в классе, конечно же, всё знали.

После того, как она пропустила несколько дней, хотя запаслась справкой-освобождением от физкультуры и выпиской из консультации, первой засуетилась Светлана. Она, поглядывая на остренький животик сестры, как-то спросила:

— Что, со школой завязала?! Хотя бы маме скажи! А то ведь она ничего не знает. Представляешь, что будет, когда хватится?

— Вот сама и скажи. Я не обижусь.

— Хорошо. Иначе она обвинит меня во всех грехах. Зря ты всегда обижаешься на неё. Она тебя любит и переживает, а ты этого не понимаешь.

Сестра рассказала о самовольстве Вари в этот же вечер.

А Ирина Викторовна даже ужинать не стала, когда узнала о поступке младшей дочери. Она зашла в её комнату и грозно спросила:

— Это правда?

— Что именно?.. — Варя сделала вид, что не поняла вопроса.

— Почему в школу перестала ходить?

— Сама же знаешь — почему. Вот сходи в школу и объясни директору или классной моё положение.

— Ага, иди, мать, красней за непутёвую дочь.

— Можешь не ходить. Позвони им и пусть они успокоятся, если вдруг начнут сильно переживать, хотя вряд ли. Это в ваши времена в школе занимались воспитанием, а сейчас им не до этого — километровые отчёты надо составлять. Хотя, в случае чего, могу и справку им представить. А чтобы тебе не было совсем уж стыдно за меня, к бабушке Зине уеду. У неё поживу до родов.

— А что: хорошо придумала. Ты с бабушкой одна семейка! Вам бы ещё отца вернуть — вообще бы красота. Езжай — нечего нас позорить!

«Ещё неизвестно, кто кого позорит! — подумала Варя. — Помню-помню, как радовалась, когда папа погиб. Будто ждала этого!»

После такого разговора Варя окончательно утвердилась в своём решении; она ждала его, заранее всё обдумав, но до сегодняшнего вечера не решалась на резкие действия. А бабушке всё рассказала, та была не против, если она поживёт у неё. Даже обрадовалась — сколько лет не виделись.

Чтобы не разжигать дальнейшую ругань, без которой Ирина Викторовна, жить не может, Варя начала собираться этим же вечером. Приготовила бельё, одежду, кое-что по мелочи. Положила основные учебники. Чуть не забыла зарядку для смартфона. Много не стала набирать, но всё равно рюкзак и сумка были набиты битком. В куртку положила паспорт, справку из консультации. Денег на дорогу решила попросить у сестры завтра, перед отъездом. Всё вроде обдумала и плюхнулась на разобранный диван, закрыла глаза, не веря, что решилась на поездку, представляя её и понимая, что теперь будет жить своим умом. Теперь закончатся все волнения, не надо будет ни перед кем оправдываться, что-то говорить, доказывать. Теперь она — птица вольная: лети, куда хочешь, делай, что хочешь. На радостях позвонила бабушке. Сообщила, что завтра собирается приехать. А та сразу: «Приезжай, приезжай! Автобус теперь почти у нашего дома останавливается! Когда тебя ждать?» — «К вечеру, бабушка. Я тебе с дороги позвоню!» Заручившись согласием принять и добрыми словами, Варя впервые за последние недели заснула спокойно.

Утром, как только ушла на работу Ирина Викторовна, начала готовиться к отъезду. Хотя вещи были собраны, но всё равно не хотелось по-воровски выскочить из квартиры. По-

этому она заставила себя позавтракать и, начав собираться, спросила у сестры о главном.

— Свет, ты будешь просто молодец, если дашь мне денег на дорогу и на подарок бабе Зине. Ведь не с пустыми же руками появляться у неё. А деньги тебе потом мама вернёт: будет получать моё пособие — и вернёт.

— Всё-таки собралась ехать? Ведь туда часов пять на автобусе трястись.

— Ну и что... Не пешком же идти!

— Сколько тебе денег нужно?

— На билет, на гостинцы, ну и на мелкие расходы. Дашь десять тысяч — будешь молодец.

— Ха, — усмехнулась Светлана, — ты думаешь, это большие деньги?! — Она сходила в комнату и вернулась с деньгами. — Вот тебе двадцатка, как говорится, ни в чём не отказывай себе. И учти, я эти деньги требую с матери. Они у нас с Женькой не лишние, если мы готовимся ипотеку брать. Поняла?

— Поняла, поняла... Да, вот чего: сходи в школу или пошли маму, сообщите, что я освобождена от занятий. Поговорите с ними. А то будут меня разыскивать.

— Вот когда начнут разыскивать, тогда и сообщим. Хотя вряд ли кому ты там нужна. — Светлана сказала с такой интонацией, будто сказала сама о самой себе.

Варя вроде бы должна быть благодарна сестре, но вместо благодарности в душе вспыхнула обида, словно Светлана торопилась побыстрее проводить, отделаться. Другая бы на её месте задержала, попыталась отговорить от поездки, а она — езжай, вот тебе деньги, лишь бы поменьше хлопот с тобой.

Вышла Варя из дома, а ноги не идут к остановке. Поставила сумку на занесённую снегом скамейку и почувствовала, как бьётся сердце от волнения. Кое-как успокоилась, вышла из двора, пошла тротуаром и услышала за спиной голос:

— Соловьёва, это ты?!

Оглянулась Варя — Сырнева догоняет: высокая, стройная и будто насквозь сверлит карими глазами. Варя остановилась, не зная, что делать. А врач подхватила Варину сумку и посмотрела удивлённо, будто всё ещё не узнала.

— Я это, Зоя Александровна, я!

— Вижу, что ты. Далеко ли собралась в учебное время? Или в школу перестала ходить?

Варя молчала-молчала и тихо заплакала, вдруг ощутив себя несчастной. От растерянности куда-то сразу подевался так хорошо придуманный план, и решительное походное настроение исчезло. Она застыла перед врачом и не знала, что делать.

— Ну что ты всё плачешь и плачешь? Самой-то не надоело? Скажешь, что случилось, или в молчанку собралась играть?!

— К бабушке собралась. Поживу у неё до родов. Мать из дома гонит.

— Ну и где живёт твоя бабушка?

— В соседней области. В деревне.

— Совсем рехнулась! А если какие осложнения, если вдруг преждевременные роды откроются? И это с твоим здоровьем? Кому ты там нужна будешь, если у тебя даже страхового полиса нет! Ты об этом подумала?

— Они обязаны принять роженицу!

— У нас много чего обязаны. В общем, так! Пойдём ко мне. Денёк побудешь, остынешь, а потом видно будет, что делать. А в спешке такие дела не решаются. Согласна? Ну что ты всё молчишь-то?

— Чего говорить-то?

— Ладно, всё — идём.

— А вы что, живёте близко?

— А ты разве не знала? Теперь знай!

5

Через несколько минут Варя оказалась у Зои Александровны в квартире и, раздевшись, начала осматриваться.

— Не переживай. Никого здесь не стеснишь, даже если захочешь пожить какое-то время. Большая комната в твоём распоряжении. А мы с мужем в меньшей обитаем. Обе комнаты, как видишь, изолированные. Так что мешать друг другу не будем. Проходи, располагайся, а я всё-таки схожу в магазин, если уж собралась. — Хозяйка даже раздеваться не стала. — Изнутри закроешься или тебя закрыть?

— Как хотите! — сдалась Варя.

— Закройся изнутри на задвижку, а то потом обвинят, что я тебя насильно закрыла и удерживала в квартире. Вернусь — позвоню!

Варя осталась одна и насторожённо прошла в большую комнату, посидела в кресле, осмотрелась. В комнате мебельная стенка, телевизор на тумбе, журнальный столик с каким-то медицинским журналом, несколькими спортивными газетами, стол со стульями у стены напротив, а в углу у окна большая пальма в расписной кадке. Потом не утерпела, заглянула в меньшую комнату. В ней тоже всё просто: платяной шкаф, перед ним в углу верхняя одежда, пара резиновых сапог, с другой стороны шкафа стеллаж с книгами, у окна стол с компьютером, а слева застеленный диван. Обе

комнаты без детских вещей казались просторными. Она подумала об этом, когда вспомнила свою квартиру, полную мелких игрушек, разбросанных, как попало. Здесь всё подругому. И не понять: хорошо или плохо, уютно или нет.

Впрочем, это всё мимолётные мысли, и она ими словно отгоняла другие, более важные и терзучие. В какой-то момент даже пришла мысль быстро собраться и уйти! Ведь её ждёт бабушка, по которой она очень соскучилась, которая её поймёт, поддержит и просто поцелует в макушку, как когда-то целовала, когда с папой приезжала к ней в гости. Но как уйти из чужой квартиры, если дверь останется незапертой. «Всё-таки хитрая эта Зоя Александровна! В две секунды уговорила. А зачем я пришла, кому я здесь нужна? Ещё неизвестно, как на всё это посмотрит её муж! — думала Варя, не понимая и не узнавая себя. — И что я скажу бабушке? Что будет, если узнает мама? Хочешь не хочешь, а придётся врать, что-то выдумывать!»

Она вдруг решила, что надо сейчас же позвонить бабушке, ведь с возвращением Зои Александровны пришлось бы говорить при ней, а это было бы невыносимо. И она быстро достала смартфон, нашла нужный номер, и когда та откликнулась, скороговоркой сказала:

— Бабушка, это я, Варя!

— Ой, здравствуй, милая! Когда же ждать-то тебя?

— Бабушка, я не смогла к тебе поехать. Мама не пускает! — пожаловалась, зная, что баба Зина на дух не переносит сноху.

— Чего она опять придумала-то?

— Говорит, трудно будет мне без врачей. Вдруг что случится.

— Да что с такой молодой может случиться? А у нас фельдшер есть в соседнем селе. Так что зря ты послушалась её. Я уж пирожков и ватрушек твоих любимых напекла. Эх-хе-хе. Ну, ладно, что поделать. Тогда хоть летом с ребёночком приезжай, тут у нас такая красота!

— Ладно, баб Зин, подумаю. Спасибо! Я люблю тебя и целую!

Бабушка вздохнула, что-то зашептала, и Варя отключила телефон. И почему-то стало обидно от несбывшегося ожидания, если она действительно хотела увидеть бабушку, поласкаться к ней, но вместо этого теперь торчит в чужой квартире. Звонок в дверь прервал суматошные мысли. Она открыла дверь, а на пороге улыбающаяся хозяйка:

— А вот и я! Соскучилась?

— Немного.

— Сейчас поставлю мясо варить, а пока перекусим.
— Мне не хочется. Недавно же завтракала.
— За себя ты можешь не говорить, а ребёночку постоянно кушать хочется. Имей это в виду. Тебе надо за двоих питаться.

Когда они перекусили омлетом, попили чаю и вышли из-за стола, хозяйка поставила мясо вариться и принялась резать овощи. И у неё это ловко получалось. Нашинковала капусту, морковь, лук, мелко порезала картофелину, пояснила:

— Всегда вместе с мясом картофелину варю — бульон получается наваристым... Я сейчас побегу на работу, а ты часа через два — говядина долго варится — закинь овощи в кастрюльку, да добавь укропу — он в морозилке, в синем боксе. — Дав указание и вспомнив о лаврушке, она кинула в кастрюльку парочку листочков, спросила: — Сможешь сама щи доварить?

— Конечно, смогу!

— Вот и хорошо, а теперь я мужу позвоню, он у меня тоже врач, окулист. Обычно мы в одну смену работаем, а сегодня его попросили поменяться. Зовут его Виталий Михайлович. Он сегодня как раз к обеду вернётся, — говорила хозяйка, доставая телефон и дожидаясь, когда отзовутся. Когда отозвались, Зоя Александровна первым делом спросила: — Можешь говорить? Я коротко... Придёшь домой, не пугайся, у нас гость. Кто-кто... Варей зовут. Та, о какой тебе рассказывала. Несколько дней поживёт. Я тебе позже позвоню.

По интонации было заметно, что разговор с мужем у Зои Александровны не складывался, поэтому Варя предложила:

— Может, я всё-таки домой пойду, если уж не удалось к бабушке уехать. Мне так неудобно перед вами. Правда!

— Убежать всегда успеешь. Знаешь же, как тебя дома встретят. А я сейчас зайду в твою школу, поговорю с директором. Что-нибудь придумаем, как с тобой быть. Думаю, женщина женщину поймёт. Тем более, её дочь сейчас у нас наблюдается. Жизнь есть жизнь, дорогая моя Варя. Многие бы тебе рассказала, но ещё, думаю, будет время.

Она уж направилась к двери, но что-то вспомнила:

— Да, бабушке позвони. Предупреди её.

— Позвонила уже.

— Вот и молодец!

Варя вновь осталась одна, но теперь с другим настроением. Теперь она чувствовала здесь не случайным гостем, а настоящей хозяйкой. Она сняла пену, убавила газ и достала из рюкзака учебник по литературе. Вспомнила, на каком мате-

риале они остановились, и начала читать, правда, почему-то ничего не откладывалось в сознании. Через некоторое время зазвенел смартфон, посмотрела — Светлана.

— Ты где? — без предисловий спросила сестра.

— В автобусе...

— Чего мне матери-то сказать, когда она придёт с работы?

— Так и скажи, что я поехала к бабушке. Мол, сама виновата: накричала вчера на дочь, она и уехала.

— Скажу, конечно, но ты же знаешь её. Начнёт звонить тебе, достанет своим нытьём и претензиями.

— А я телефон отключу.

— Ну, ладно, — вздохнула Светлана. — Как доедешь на место, позвони, чтобы у меня душа не болела. Пока.

Варя сидела недвижимо несколько минут, страдая от вранья, которого сегодня нагородила безмерно много. Потом вспомнила о мясе, посмотрела на часы — два часа прошло, пора разобрать мясо и заправить овощи. Вспомнила и о том, что вот-вот должен вернуться муж Зои Александровны, и захотелось приготовить для него настоящий обед. Копаться в холодильнике она постеснялась, а тарелку для супа приготовила. Ждала хозяина, ждала, а он всё не шёл и не шёл. И от этого еще больше тревога одолевала: а вдруг ему не понравится, что кто-то чужой поселился у него в квартире, вдруг он совсем не такой, как Зоя Александровна?!

Щи давно сварились, а Варя продолжала изводиться. Когда раздался звонок, подошла к двери, щёлкнула задвижкой и увидела высокого мужчину в серой кепке, очках и тёмно-коричневой кожаной куртке. Варя, поняв по описанию, что это хозяин, всё равно растерялась.

— К вам можно? — спросил мужчина и улыбнулся.

— Вы — Виталий Михайлович?

— Он самый...

— Тогда зачем же спрашиваете? Проходите.

Хозяин закрыл за собой дверь и принялся:

— Вкусно пахнет!

— Да, обед готов, вас дожидается.

Обедали они вместе. Варя только в первые минуты стеснялась хозяина, но быстро привыкла к нему, и почему-то даже быстрее, чем к Зое Александровне. Пообедав, он поблагодарил, ушёл в свою комнату и вышел, чтобы лишь попить чаю; приглашал и Варю присоединиться, но она отказалась, чувствуя, как у него изменилось настроение. Варя ждала возвращения Зои Александровны, а дождалась звонка сестры:

— Ты где? — спросила она резко?

— У бабушки. Всё нормально, доехала хорошо.

— Не ври. Мама, узнав, что ты уехала к бабушке без спроса, позвонила ей с моего телефона, но там тебя не оказалось. У мамы сразу истерика. Побежала в полицию заявлять о твоей пропаже. Ты всё-таки где?

Варя не осмелилась выдавать Зою Александровну, и опять схитрила:

— У подруги...

— Не ври. Насте мы звонили.

— Кроме Насти, у меня ещё несколько подруг.

— В общем, где бы ни была, собирайся и пулей мчись домой, а я пока маме сообщу, что ты нашлась и сейчас же будешь дома. Поняла?

— Поняла, поняла...

6

Уж чего-чего ожидала Ирина Викторовна от младшей дочери, но только не побега. Ещё днём она почувствовала неясное томление, казалось, что с ней происходит нечто необычное, и даже не с ней самой, а с кем-то из её дочерей. И если о Светлане душа всегда была спокойна, то за младшую болела постоянно, с самого раннего её детства. И теперь она материнским сердцем чувствовала, что происходит что-то непонятное. И это чувство, пока ехала с работы домой, только усиливалось, нагнетая тревогу. Первым вопросом, когда переступила порог квартиры, был вопрос к Светлане о Варе — в прихожей не было ее обуви.

— Где она?

Светлана помялась и, вздохнув, сказала виновато:

— К бабушке уехала...

— А ну-ка дай свой телефон...

Ирина Викторовна позвонила свекрови, попросила Варю, но той не оказалось.

— И где моя дочь? — грозно спросила Ирина Викторовна.

— Она собиралась, но не приехала, сказала, не отпустили её... — от испуга невнятно пробормотала Варина бабушка. — А что случилось?

Старшая Соловьёва даже говорить более не стала, её будто током прошибло от неизвестности. Лишь укоризненно посмотрела на Светлану, словно та всё знала о сестре и скрывала это.

— Она, наверное, у Насти... — предположила Светлана.

— Звони ей!

Светлана позвонила, но Настя сказала, что Вари у них нет. Позвонили ей — её телефон не отвечал.

— Всё ясно, — развернулась Ирина Викторовна на выход. — Пока не поздно, надо заявить в полицию! А ты звони, звони сестре — должна же она объявиться!

Оставшись одна, Светлана по-настоящему забеспокоилась о Варе, ведь её исчезновение выглядело необычным и загадочным. Ещё раз позвонила и услышала тревожный голос сестры.

— Ты где, что с тобой случилось? Совсем, что ли, крыша поехала. Ты же должна быть у бабушки? Мама пришла с работы, хватилась — тебя нет, и побежала в полицию заявлять.

— Да куда я денусь. Я не ребёнок, чтобы меня за ручку водить. Через полчаса приду.

— С тобой всё нормально? Ты всё-таки объяснишь, что с тобой происходит, где ты?

— Нормально всё. Потом поговорим.

Когда Зоя Александровна вернулась с работы, Варя уже собралась уходить.

— Вас дожидаться! — сказала она, как только Сырнева переступила порог. — Всё сломалось! Сестра позвонила и сказала, что мама узнала, что я не у бабушки, и скандал учинила, побежала в полицию заявлять.

На разговор вышел Виталий Михайлович, вздохнул и посмотрел на жену:

— Я ведь предупреждал! Хорошо, что всё так быстро закончилось! — и вновь скрылся в комнате, сразу сделавшийся чужим.

— Ты маме звонила? — спросила Зоя Александровна.

— Сестра позвонит.

— Ну что делать, дорогая Варя. Если уж так звёзды сошлись, то тебе действительно надо возвращаться домой. Пойдём, провожу, если уж собралась.

Когда вышли из подъезда, Сырнева вздохнула:

— Прости, Варя, что всё так получилось. Ведь хотела помочь тебе, спасти от невзгод, но до конца ситуацию не продумала. Поверь, мне искренне жаль. Я ведь видела, как ты страдаешь, мучаешься, и твои переживания мне были очень близки. Можно сказать, в тебе я встретила родственную душу. И судьбы у нас с тобой схожие. Я ведь тоже забеременела в десятом классе, планы по поступлению в институт срывались, и родители настояли, чтобы я сделала аборт. Ну, сделала, в институт тем же летом поступила. И что в итоге: медиком стала, зато осталась на всю жизнь бездетной. Лет пятнадцать назад мы с Виталием Михайловичем дважды пытались сделать ЭКО, но ничего не получилось. Тогда сказала ему, что я его не удерживаю, чтобы не лишать его возможности

жениться ещё раз, потому что нам тогда было по 35, но он не послушался, не захотел меня бросить. Вот так и живём всё это время: вроде бы вместе, а вроде отдельно... Понимаешь?

Варя кивнула, спросила:

— И никаких надежд не было?

— Тогда, может, и были, а теперь уж какие надежды. Это ты молодец, что решила сохранить ребёнка. Всё хорошо у тебя будет. Я была в твоей школе, говорила с директрисой и классной руководительницей. Они обещали помочь в дистанционном обучении — это то, что надо в твоём положении. Пообещали всё это не афишировать. Так что возвращайся домой, если всё так сложилось, и не забывай нас. Обязательно регулярно приходи на приём в консультацию да и просто домой заходи. Наш рабочий график ты знаешь. Посидим, чайку попьём, поболтаем. Договорились?

— Договорились. Спасибо вам большое за всё.

У Вариного подъезда они расстались. Надо бы радоваться возвращению, но у Соловьёвой ноги не шли. Она чувствовала свою вину и не знала теперь, что сказать маме в своё оправдание. Когда вошла в подъезд и поднялась в лифте, то долго не решалась открыть дверь. И только услышав писк малыша и голос сестры, загремела ключами. Порог переступила и застыла, понурившись.

— Вот она, путешественница, явилась, не запыхалась. Кто тебя надоумил нас всех обманывать и скрываться?

— Так получилось. Хороший человек пытался мне помочь.

— А мы, значит, злыдни. У мамы в полиции произошёл нервный срыв, и её отправили в клинику, бабушка слегла с гипертонией. Позвони ей сейчас же, попроси прощения! Она звонит и звонит.

— Чего я ей скажу-то?

— Скажи, что обманула нас всех, что оказалась самой хитрой и нахальной.

Варя сняла куртку, ушла в свою комнату и достала смартфон. Варя не запомнила, о чём говорила с бабушкой. Сказала только, что теперь она дома, попросила не обижаться и не болеть. В ответ услышала в трубке всхлипывания, и сама чуть не разревелась:

— Бабушка, ну, пожалуйста, не плачь! Со мной всё хорошо. Прости! Это случайно всё получилось!

— Слава Богу, что нашлась! Мне сразу полегче стало. Я целую тебя, моя дорогая, и буду молиться за тебя. Ты правда дома?

— Позвать Свету?

— Верю, родная, верю!

— Тогда пока! У меня всё хорошо. Не болей, я буду тебе звонить.

Варя отключила смартфон, переделалась и сидела на диване, закутавшись в халат, как не своя. Заглянула Светлана, спросила:

— Чего застыла? Есть будешь?

— Не хочу. Что с мамой!

— Ничего хорошего. Завтра будешь сидеть с малышом, а я поеду к ней в клинику. Надо поговорить с врачом, узнать о её состоянии.

— У неё всё так серьёзно?

— Серьёзно-серьёзно. С насморком туда не берут.

Светлана хотела ещё что-то сказать, но отмахнулась, а Варя начала разбирать сумку и раскладывать вещи на привычных местах. Достала пакет с деньгами.

— Сколько осталось? — спросила Светлана.

— Все целы. Не приставай!

— Тебе ремня всыпать надо, а не приставать... — Светлана отсчитала две тысячи и вернула Варю: — Возьми, пусть у тебя будут! Мало ли для чего пригодиться могут, но зря не трать.

Варя взяла деньги и не ответила сестре, а легла и отвернулась к стене. Светлана тоже не хотела больше ничего говорить.

На следующий день Варя заглянула в смартфон и увидела сообщение от учительницы математики Козловцевой. «Варя, — писала она, — посылаю программу третьей четверти, она расписана по дням. Распечатай и вернись к тем параграфам, какие пропустила, и учи дальше. Будут возникать вопросы — обращайся в любое время! Оставляю свой домашний телефон. Ольга Ефимовна».

Письмо от учительницы неожиданно разволновало Соловьёву. Ей только что казалось, что без защиты Сырневой её все бросят, но не всё так плохо и безнадежно. Присланное сообщение доказывало, что ей хотят помочь, её понимают и переживают за неё. У Вари принтера не было, она скинула файл на компьютер мужа Светланы и, войдя к ней, попросила:

— Мне надо текст распечатать. Из школы прислали. Зоя Александровна сегодня договорилась, что я буду учиться на дому, самостоятельно.

— Батюшки-светы, что творится-то! А ты, оказывается, девка не промах!

7

Из всех проблем Вариной семьи, проблема с мамой более всего угнетала. Вот уж несколько недель она находилась в клинике, и никого к ней за это время не допускали. К тому

же у мамы сменился лечащий врач, Светлана часто звонила ему, но уж не надеялась услышать что-то обнадеживающее. При разговоре у него постоянно проскакивало дежурное выражение «К сожалению...» Понятно, что он неоднократно произносил это разным людям, но Светлане всегда казалось, что он приберегает это слово именно для неё, а она ничего изменить не могла и ждала истечения двух определяющих месяцев, на которые поместили маму в клинику. Ей почему-то казалось: вот минуют эти тягучие месяцы, и они с Варей увидят маму, по которой очень соскучились. Они уж не помнили её ворчаный, а иногда и ругани последних месяцев, им казалось, что ничего этого и не было. Они ждали её возвращения, хотя и не знали, что будет с ней далее.

И вот этот срок истёк, и Светлана, позвонив в очередной раз, услышала «К сожалению...» Не сдержалась, сразу поехала в клинику, оставив Митю на сестру, дождалась, когда лечащий врач примет, но не услышала от него ничего хорошего и пожалела, что поехала. Врач, оказавшийся высоким, увесистым блондином, хотя она в разговорах с ним представляла уставшего пожилого человека, более всего рассматривал внешность посетительницы, а в глаза ни разу не посмотрел. Сообщив о прогрессирующей болезни Ирины Викторовны, он запросто сказал:

— А что вы хотите? Держать её нам нет смысла, но и в таком состоянии выписать не представляется возможным — она может быть опасной для окружающих, в том числе и для членов семьи. Вас понять можно, но всё-таки надо смириться с очевидным положением: её состояние ухудшается, и всё меньше остаётся шансов на хотя бы относительное выздоровление. К сожалению, это так. Ничего кардинального в состоянии больной в ближайшее время измениться не может. Поймите меня: я не злодей, всем желаю добра и здоровья, но бывают случаи, когда трудно что-то изменить. Говорят, в таких случаях верующие ходят в церковь и просят у Бога помощи. Что ж, это на некоторое время, возможно, успокаивает, смягчает переживания, но и на небесах не всесильны.

Доктор мог говорить и говорить, лишь бы, как поняла Светлана, ни о чём его не спрашивали. И от этого сделалось неприятно. Захотелось тотчас уйти и не дышать застоявшимся, тошнотворным воздухом, чтобы не видеть немного сумасшедшего, как показалось, врача, пусть и молодого. Пообещав не надоедать звонками, она чуть ли не выскочила из кабинета, в конце коридора мелькнула мимо охранника и оказалась на улице, где сияло весеннее солнце, а в ближних кустах голый сирени гомонили возбуждённые воробы. Только

здесь, среди птичьего гомона и первых ручейков на обочине, Светлана поняла ужас того состояния, который выпал на долю мамы. Пусть и не до конца поняла, да и не могла понять, но всё же в душу проник холод.

Вернулась домой совсем разбитой. Разделась, вымыла руки, вспомнив, как брезгливо открывала двери в клинике, попила воды и взяла Митю, о чём-то радостно забормотавшего.

— Как съездила? — осторожно спросила Варя. — Видела маму?

— Ничего хорошего. Когда отпустят — неизвестно.

— Чего она сама-то говорит?

— Да не видела я её. Не тот случай. Ты совсем, что ли, ничего не понимаешь?!

Неожиданно Варя завсхлипывала, зашмыгала носом, растирая слёзы по щекам. Сестра подошла, обняла, попросила:

— Перестань! Я же с тобой и никогда не брошу, чтобы ни случилось. У тебя впереди главная задача: успешно родить, а пока надо заниматься учёбой. Поняла?

Варя кивнула, вздохнула и заботливо сказала:

— Иди, поешь. Я картошку пожарила, пока Митя спал.

Светлана перекусила, потом занялась сыном, а Варя открыла учебник. Она сразу привыкла к такому порядку, и ничего особенного в этом не видела. Меняя учебники, она вычёркивала из плана тему или параграф, сперва изучив его и вслух рассказав содержание, сделав необходимые упражнения в общей тетрадке, и только после этого переходила к другому предмету. Иногда, устав от однообразия, исполняла роль учительницы, стараясь быть строгой, говорила сама себе: «Соловьёва, к доске! Расскажи нам предыдущий материал и поясни пути решения задачи!»

Обычно это касалось математики, где Варя чувствовала себя недостаточно уверенно. С гуманитарными предметами было проще: прочитала, рассказала, заучила даты, если это была история. Она их даже выписывала на отдельный листок, которые держала перед глазами на стене, приколов его к обоям булавкой. То же самое и с другими предметами. За истекшее время несколько раз приходила Козловцева. Юркая, подвижная, она всегда что-нибудь приносила к чаю, но прежде принимала у Вари контрольную работу и просила быть ответственной при самостоятельном обучении.

— Выполняя контрольные, — поучала она, — не надо обманывать саму себя. Честно написала, послала на проверку, а после замечаний ещё раз заглянула в учебник, переписала — и это лучшая методика для исправления ошибок и их запоми-

нания. «Повторенье — мать ученья!» — говорила она, и это выражение применяла почти во всех случаях.

Как классный руководитель помимо учёбы Ольга Ефимовна интересовалась бытом их семьи, расспрашивала о маме и печалилась, не услышав ничего утешительного. По-настоящему познакомилась со Светланой, окончившей тот же педагогический университет, что и Ольга Ефимовна, называвшийся в её годы институтом, но почти не успевшей поработать по специальности.

— Опыт — дело наживное. Вот подрастёт Митя, и отправишься, дорогая Светлана, зарабатывать стаж. Работу преподавателя по-настоящему понимаешь лишь с годами! — как-то сказала Козловцева.

Перед расставанием обычно садились попить чаю. Но Ольга Ефимовна лишь обозначала чаепитие. Отведав кусочек принесённого торта или печеньице, сделав два-три глотка чаю, она обычно оставляла сестёр, спеша к своему ненаглядному внучонку. Когда она уходила, Варя всякий раз вздыхала:

— Опять всё оставила, почти ни к чему не прикоснулась!

— Добрая твоя Ольга Ефимовна, о тебе заботится, а ты даже не понимаешь этого.

Высказавшись, сёстры замолкали, словно настоящие сироты. Варя продолжала занятия, а Светлана занималась ребёнком и ждала с работы Евгения.

Почему-то так получалось, что с его возвращением Варя старалась не выходить из своей комнаты, отчего он сам иногда стучал к ней, когда не видел два-три дня, и, заглянув, пытался разговорить. Или чай позовёт вместе попить.

— А то ведь отвыкну от свояченицы, на улице встречу и не узнаю. Рад бы поговорить, узнать новости, да попробуй, подступись, — шуливо говорил он, потряхивая кучерявой головой.

— Жень, видишь, какие у меня новости? — говорила она и стеснительно указывала глазами на живот. — Ещё немного и в дверь проходить не буду.

— Тебе это не грозит. Не переживай. Не ты первая, не ты последняя.

Разговор хотя и стандартно повторялся, но и от него никогда не деться. Никто не говорил, но все думали о самом главном, о том, что вскоре предстоит пережить Варваре.

А более всех думала и переживала она сама.

8

Как-то позвонила Зоя Александровна и напомнила:

— Не пора ли тебе, кумушка, появиться в консультации? А то что-то давно мы не смотрелись! Так что запи-

шись по интернету на утро, когда твои школьные друзья и подруги будут на занятиях, чтобы лишний раз перед ними не мелькать.

На следующей неделе Варя появилась в кабинете Сырневой и робко присела на кушетку.

— Какие новости, как мама? — спросила врач.

— Мама в лечебнице, изменений к лучшему пока нет, и непонятно, что с ней будет дальше.

— А сама как? Жалобы есть? Переживаю за тебя: очень узкий у тебя малый таз, а значит, возможны осложнения при родах. Чтобы их избежать, нужно готовить себя — заниматься специальной гимнастикой. Прошлый раз памятку тебе вручила, используешь?

— Утром и вечером делаю.

— Продолжай заниматься, чтобы мышцы живота, бёдер и спины были в тонусе.

Зоя Александровна уложила Варю на кушетку, постучала инструментами, потормошила Варю, сказала, словно не ей:

— Улучшения есть, растём помаленьку. Через две недели обязательно приходи вновь. Договорились?

Варя кивнула, а когда собралась уходить, сказала негромко:

— Спасибо вам огромное, Зоя Александровна! Я как увижу вас, то несколько дней будто летаю!

— Только мимо нас не пролетай, а то мы с Виталием Михайловичем соскучились по тебе. Залетай как-нибудь вечером!

— А как же гимнастика?

— И правда... — улыбнулась Сырнева. — Тогда днём, когда вернёмся с работы. Только позвони заранее.

— Обязательно приду! — пообещала Варя и вздохнула.

Возвращалась она если уж не счастливой, то успокоенной. Она помнила, какой испытала ужас, когда только узнала о беременности, как ругала себя за неосмотрительность. Она тогда находилась словно в густом тумане, не видя ничего вокруг себя, не зная, что делать, к кому обратиться. В те дни казалось, что жизнь кончилась, особенно, когда рассталась с Павлом. Расставание на какое-то время подкосило, лишило веры в людей, все они тогда были на одно угрюмое и злобное лицо. Но оказалось — нет. Есть много добрых, отзывчивых — за последние месяцы она убедилась в этом и теперь радовалась безмерно.

Светлана, увидев её посветлевшей, сразу нагрозила просьбой:

— Если цветёшь и пахнешь, сходи с Митькой погуляй, а то ему не сидится и не лежится на месте. Да и тебе к этому привыкать надо.

Отказать Варя не могла.

Сестра быстро одела сынишку, помогла доставить коляску к подъезду и попросила:

— Далеко не ходи. За дом иди — там тихо и солнышко греет. Тебе тоже полезно на свежем воздухе побыть, а то совсем засиделась в квартире.

Что солнце стало по-весеннему жарким — это теперь любому заметно. Варя присела на скамейку, подставила лицо жарким лучам и, покачивая коляску, закрыла глаза. Но Митя не позволил расслабиться, начал пыхтеть, пытаясь приподняться, о чём-то недовольно ворчать и покраснел, готовый от натуги разреваться.

— Ко мне хочешь? — вздохнула Варя, понимая, что спокойно посидеть не удастся. — Ну, иди, попрыгай на скамеечке!

Она достала малыша, поставила рядом с собой, и тот любознательно завертел головой и очень быстро захотел сползти на землю.

— Э, нет, парень, так не годится — хрюшей вернуться домой. Нам обязательно от твоей мамки влетит. Пойдём-ка прогуляемся.

Она усадила Митю в коляску и начала ходить вокруг детской площадки, мурлыкая ему «баюшки-баю», и неожиданно мальчишка зажмурился и заснул.

— Вот и молодец! — тихо похвалила Варя и вернулась на скамейку.

Часа полтора Варя провела на улице, а когда Митя проснулся, то с лёгкой душой вернулась в квартиру. Светлана принялась кормить сынишку, и Варя пообедала, прилегла у себя и почти сразу заснула.

Она хорошо поспала, и, находясь в полудрёме, окончательно всколыхнулась от звонка. Смартфон взяла, а это Настя! Тысячу лет не звонила, а тут вспомнила.

— Привет, подруга! — услышала Варя. — Ты там не родила ещё, а то мы с девчонками деньги собираем на подарок будущей новорождённой?!

— Нет. Как рожу — тогда скажу. Какие новости? Много обо мне разговоров в школе?

— Да никто ничего вслух не говорит, хотя все о тебе знают... Чего звоню-то. Мне Валерик сообщил, что твой Павел в госпитале лежит — ногу сломал в аварии.

— От кого твой Валерик узнал-то?

— Они в одной роте служат.
— Ну а мне что делать? Съездить, подкормить мальчика?
— На Урал ехать — не ближний путь. Хотя бы позвони ему, поддержи!

— А он меня сильно поддержал?

— Ну, как знаешь. Я тебе сказала, а ты уж сама решай.

— Ладно — решу!

Более и говорить стало не о чем, тем более что у Вари совершенно не имелось настроения продолжать пустой разговор. Даже более того: сообщение о Павле лишь всколыхнуло было забытую обиду. «Ну почему, почему так получается? — думала Варя: — Когда ему было хорошо, он не вспоминал, а как попал в историю, так сразу спохватился. Ведь наверняка попросил Валерика, чтобы тот рассказал о нём Насте, а та уж как сорока на хвосте принесла новость. Обрадовалась, называется! Ведь ничего не знала до сегодняшнего дня, а теперь голову ломай, думай о несчастном Павлуше: позвонить ему или нет. Да ни за что: как он со мной, так и я с ним!»

Через неделю Варе исполнилось шестнадцать! Дата серьёзная, несколько лет назад именно шестнадцатилетние получали паспорта, и, по обычаю, это событие широко отмечали в семье и с друзьями. Но ныне не тот случай. Варе не до торжеств, да и паспорт она давно получила. Не до этого ей, когда мама в больнице, когда сама в школу не ходит, и что будет далее — одному Богу известно. Но что легче в ближайшее время не станет, в этом и сомневаться не приходилось.

Если бы не Светлана, то о Вариним дне никто и не вспомнил бы. Но она с утра завелась: давай отметим твой день рождения — и всё тут. Мол, муж придёт с работы, тогда и посидим, чаю попьём.

— А шестнадцать свечей будем зажигать? — съехидничала Варя.

— Без свечей обойдёмся, а вот торт вкусный и красивый нужно купить. Настю свою позови, всё тебе веселее будет.

— С температурой она лежит! — остудила предложение сестры Варя, боясь, что Настя начнёт что-нибудь говорить о Павле, а Варе о нём и единого слова слышать не хотелось. Да и нельзя о нём упоминать.

— Тогда одни посидим, а торт всё равно купить надо. Так что собирайся в магазин, заодно кое-чего из еды прихвати. А то мне с Митькой таскаться по магазинам не в кайф. — Она прошла к сумке, достала кошелёк. — Вот деньги. Иди, пока все твои в школе. Заодно прогуляешься.

Варя не стала противиться, собралась, спросила:

— Чего купить-то?

— Ну, торт, само собой, колбаски, сыра, рыбы хорошей. Салат сами сделаем.

— И ещё надо взять огурчиков маринованных... — дополнила Варя.

— Понимаю. Возьми, конечно. В общем, сама посмотри, не маленькая, но много не набирай — тяжести тебе носить нельзя. Хотя стой. Это не годится. Сиди с Митькой, я сама схожу — надо овощей купить. Так будет правильнее, а то по дороге родишь. Что тогда делать?

Светлана ушла, а Митя, до этого спокойно игравший в манеже, начал хныкать и расплакался:

— Что случилось, малыш? Мамка ушла? — спросила Варя, подсев к нему. — Так она скоро вернётся. А с тобой пока тётя Варя позанимается. Ей сегодня 16 стукнуло! Это что-то да значит! Так что перестань плакать, сейчас принесу тебе сладкой водички. Попьёшь и успокоишься.

Варя ходила в кухню, принесла бутылочку с водой, и племянник действительно успокоился, сделав глоточек и забыв о бутылочке. Чуть погода запиликал смартфон. Она взяла его, и сердце застучало с перепугу, потому что звонил Павел.

— Алло, Варя, слышишь меня? — звучал знакомый голос, нисколько не изменившийся.

— Слышу...

— Вот и хорошо. Хочу поздравить тебя с днём рождения. У тебя особенный день!

— Спасибо... — еле слышно произнесла Варя, от волнения не зная, о чём говорить.

— Что молчишь? Какие у тебя новости? — В этот момент племянник заговорил о чём-то на своём языке, и Павел, видимо, услышав его, спросил: — Это не наш ли?

Хотела Варя сказать: «А тебе какое дело!», но неожиданно захлопала носом:

— Это племянник. А ты еще помнишь о нашем?

— Помню. Очень помню и переживаю за тебя.

— А чего раньше не звонил? Когда всё нормально, значит, не нужна была, а как прижала жизнь, так сразу вспомнил. Я всё знаю: в госпитале лежишь с переломом ноги. Мне Настя рассказала.

— Есть такое дело. В аварию попал. Операцию сделали, сейчас на костылях прыгаю. Буду восстанавливаться. И, наверное, хотя точно не знаю, через месяц или два меня комиссуют.

— Что это такое?

— Досрочный дембель! Чего меня держать, если после госпиталя надо будет долго реабилитироваться. Так что, глядишь, скоро увидимся. Ты хочешь этого?

Варя замерла, словно обдумывала вопрос, и, словно не веря Павлу, ответила сердито:

— Хочу...

— Правда?

— Правда, правда. Почему не спросишь, кто родится?

— А я знаю: девочка... Настя Валерику сообщила, а он мне! Я целую тебя и ещё раз поздравляю с днём рождения! Береги себя и нашу малютку. Вот приеду, и всё хорошо у нас будет. Обещаю. Прости меня!

Варя положила смартфон и сидела, словно оглушённая, не обращая внимания на хныкавшего Митю. Посидев, утёрла слёзы и взяла его на руки, а перед глазами стоял Павел. Казалось, протяни руку, и коснёшься его.

И ещё она вспомнила Настю. Так теперь захотелось увидеть её. Поэтому, когда вернулась Светлана, Варя к ней с просьбой:

— Давай Настю пригласим.

— Так ты же сказала, что она температурит. Митю заразит, и что тогда?

— Да нет у неё температуры. Это она так просто сболтнула, чтобы не идти в гости.

— Когда вы прикалываться-то перестанете. Все извертелись: то у них одно, то другое. Приглашай, места хватит! — раздеваясь в прихожей, согласилась Светлана. — Как Митя вёл себя?

— Как обычно.

— А чего это ты вся разругалась?

— Паша звонил... С днём рождения поздравил!

— Это что-то новенькое. Ну и как ему служится?

— Он в госпитале лежит. Ногу в аварии сломал. Говорит, что скоро демобилизуют.

— Значит, плохо ему стало — о тебе вспомнил! Так, что ли?

— Он всегда помнил обо мне.

— Ребёнок-то его? Хоть мне-то сознайся, наконец!

Варя в ответ промолчала.

Светлана ничего больше не спросила и укоризненно покачала головой, обо всём, конечно же, догадываясь.

9

После поздравления Павла Варя изменилась. Нет, внешне, она осталась прежней, зато стала другой внутри себя. Она заметила, как вдруг пропало уныние, а тревожное ожидание

неизвестности, мучившее последние месяцы, сошло на нет. Ей казалось, что теперь даже дышать стало легче. И отдалилась мучительная тревога о предстоящих родах, а иногда и вовсе пропадала. Оставаясь в одиночестве, она закрывала глаза и представляла, чем Павел занимается, как у него заживает нога. Конечно, позвони он ранее, поговори по-человечески, Варя менее бы страдала, но любила бы его по-прежнему, ведь столько всего у них было. Такое нельзя забыть, это теперь на всю жизнь.

Она невольно высчитывала тот день, когда Павел может вернуться и встретить её из роддома. Вот было бы здорово. Варя пока ни с кем не говорила об этом, но часто думала о будущих событиях. Ведь как стыдно выходить молодой маме из роддома с ребёнком одной! Светлана с Женей, конечно, встретят, и Женя исполнит роль отца, но в душе-то от этого будет ещё горше. И обиднее. И даже не за себя, а за новорожденную девочку. За неё почему-то особенно. Неужели она не заслужила своим рождением полноценного родительского внимания, неужели её жизнь должна начинаться с сиротства при живом отце?! За что, за какую провинность ей такая «награда»? Конечно, часть вины есть и у самой мамы — это Варя вполне понимала и жалела, что однажды поступила опрометчиво. Всё у них должно было быть по-иному, достойно и уважительно в своё время. Ведь не поддайся она в тот вечер собственной слабости, сдержи себя, побори обиду на маму, то и не было бы теперешних переживаний и тревог. И главное, не у неё одной. А то мама — в клинике, сама в школу не ходит, а скольким другим людям доставила хлопот. Да, если это всё повторить, она бы вела себя совсем по-другому, уж не стала бы навязываться, чтобы поспешно отдать свою честь. А тогда растаяла, не до конца понимая, что с ней происходит и что произойдёт. Поняла, когда всё произошло, находясь в наплыве бесподобных чувств, в один момент всё в ней изменивших. До той минуты она была одним человеком, а после стала совсем-совсем другим, и даже сперва казалось, что всё произошло не с ней, а с какой-то другой Варей.

Закрывшись в комнате, она частенько изучала себя в зеркале, со всех сторон рассматривала неимоверно раздутый живот, и в такие минуты даже не верилось, что в ней живёт настоящий человек. Он не дышит, но это на нём никак не отражается, даже более того — он знает, что происходит вокруг. Варя замечала его оживление, когда включала музыку, её девочка, казалось, толкается в такт. Когда же музыку выключала, то и ребёнок успокаивался, правда, перед этим сделал несколько толчков, выражавших явное неудовольствие

поведением мамы. Когда же она ложилась подремать, он, словно чувствуя, что мама устала, затихал вместе с ней, наконец, забываясь в недолгом сне.

Она вполне выучила его привычки, и ребёнок становился всё желаннее, с каждым новым днём ей хотелось поскорее его увидеть. Варя даже запомнила сон, в котором она родила, услышала голос малышки, и от такого счастливого момента проснулась, осмотрелась и глубоко вздохнула, придерживая живот, словно проверяла, на месте ли дочка, слышит ли она свою маму; мама оказалась рядом, а значит, не было причин переживать.

Недели через две после первого звонка Павла Варе позвонила Зоя Александровна. К этому времени всю зиму почти не было, окончательно растаял, было достаточно пыльно и явно не хватало первого весеннего дождя, чтобы освежить воздух, омыть чёрные пока деревья и вообще создать светлое и тёплое настроение.

— Здравствуй, Варя! — сказала Сырнева непривычно официально, словно что-то задумала, но до поры не хотела выдавать тайных мыслей. — Давно ты у нас не была. Это не порядок. Пора бы показаться, я запишу тебя и позвоню. Тебе останется только прийти на приём. Договорились?

— Да у меня вроде бы всё нормально.

— И, тем не менее, я настаиваю! Необходимо кое-что уточнить. Поняла?

Вера согласилась — не могла не согласиться, потому что всегда доверяла Зое Александровне, но согласилась с непонятной настороженностью, словно врач что-то утаивала.

Когда Варя появилась у неё, та ей всё пояснила:

— Я не стала открывничать по телефону, но чтобы окончательно убедиться в своём решении, мне необходимо тебя ещё раз осмотреть.

После осмотра, когда Варя устроилась рядом со столом Зои Александровны, заносившей результаты осмотра в компьютер, та спросила:

— Ведь мы с тобой подруги? Это так?

— Наверное, — стеснительно согласилась Варя.

— Ну а если подруги, то скажу начистоту: я решила направить тебя в родильный дом на так называемое сохранение. Сейчас сделаю выписку из твоей карты, а в конце запиши дам рекомендацию, основанную на предварительных медицинских показаниях, о необходимости для будущей роженицы, то есть для тебя, преждевременных родов ради сохранения здоровья матери и ребенка. Тебе понятно? Мы не име-

ем права рисковать? Можно, конечно, сделать кесарево сечение, но оно тебе нужно?! Поверь, в таком случае моральная травма останется на всю жизнь. Женщины обычно об этом не говорят, но это так. А ты родишь сама и будешь после этого счастлива.

— Укол будут делать?

— Да, стимулируют преждевременные роды, плод у тебя некрупный, до конца не будет выношен, так что родишь и не почувешь как. Тебя в роддоме ещё раз обследуют, УЗИ, анализы сдашь. В общем, обычные процедуры. На следующей неделе и собирайся. Вызовешь неотложку, скажешь, что у тебя на руках направление на госпитализацию, в направлении указан конкретный роддом, а накануне я позвоню тамошнему врачу, чтобы к тебе отнеслись как собственной дочке. Поняла?

Варя кивнула и вздохнула.

— И ничего не бойся. Сестру предупреди и постоянно будь со мной на связи. При выписке есть кому встретить? А то мы с Виталием Михайловичем подъедем.

— Есть. Светлана с мужем на машине заберут. Жалко, что мама не сможет.

— Кстати, как у неё дела? Когда выпишут?

— Плохо. Сестра говорила с её лечащим врачом, он сказал, что быстрого выздоровления ждать не приходится. — Варя скучилась. — Это всё из-за меня!

Зоя Александровна вздохнула:

— Не кори себя. Чему быть — того не миновать. Мы тебя не бросим. Да, вот чего: всё-таки приходи сама на следующей неделе. Собери вещички и приходи — из консультации отправлю на неотложке в роддом. А то вдруг не захотят тебя везти по нужному адресу, а так надёжнее.

— Спасибо, Зоя Александровна!

Хотя и мало поговорила Варя и не обо всём, что тревожило, но всё равно уходила от врача более или менее со спокойной душой, словно то, чего она ждала последние месяцы, о чём переживала, что не раз видела во сне, неожиданно свершилось наяву: вскоре она окажется в родильном доме, и тогда...

10

Павел Красавин после поздравления Вари с днём рождения находился в непонятном настроении, когда жалость об упущенном времени переросла в окончательное недовольство собой, словно он давно мог что-то изменить в отношениях, но вовремя не сделал этого. А что он мог изменить теперь, находясь в армии? Ничего конкретного, но уж извиниться-

то, пусть и по телефону, что мешало? Собственная гордыня или трусость? И то и другое определение в его случае не очень подходило. Гордыня перед кем? Перед девчонкой, которая во многом сама виновата? А трусость? Это разве трусость — пустить события на самотёк, мол, сами собой рассосутся? Нет, это скорее безалаберность: связаться с малолеткой, забыв о последствиях. Если фактически рассуждать, то, на первый взгляд, это так и происходило. Но он-то с самого начала знал, что не хотел бросать Варю, просто не успел с ней обсудить все возможные варианты дальнейших действий, дать надежду на то, что он никогда ее не бросит, и всё, что произошло между ними, лишь сильнее свяжет в будущем.

Он теперь очень сожалел, что не сказал Варе ничего конкретного о призыве в армию: по существу, сбежал. Да и потом, когда проходил курс молодого бойца, всегда помнил о ней, хотел ей позвонить, но время шло и шло, а он почему-то так и не соизволил, не решился. Ведь тогда обязательно возникли бы вопросы, на какое-то время забытые, пришлось бы всё рассказать родителям, и что бы потом было — он не представлял. Вот и получалось: он оттягивал грозные события, отстранялся от них, но они не хотели отступать. Он это понял, когда оказался в госпитале, и к нему приезжал отец. Казалось бы, когда ещё рассказать о своих отношениях с Варей, как не в тот раз?! Отец не стал бы особенно вдаваться в подробности, понимая его, но разговор состоялся бы. Правда, тогда, хочешь не хочешь, пришлось бы оправдываться, объяснять, почему он связался со старшеклассницей, и что теперь делать им, его родителям? Но каким бы ни был разговор тяжёлым, всё равно после него стало бы обязательно легче. И не так стыдно за самого себя. Но нет, не поделился, проявил трусость. После отъезда отца, в какой-то момент всё-таки хотел связаться с Варей, но вновь остудил себя: ведь тогда пришлось бы рассказать, что он в госпитале, а значит, потому и позвонил, чтобы пожалела она его, несчастного. И тогда он вспомнил, что у Вари скоро день рождения, и стал терпеливо ждать этого дня, словно от его терпения что-то могло измениться. Еле дождался.

Поговорив с ней в тот раз, он понял, что она по-прежнему думает о нём, помнит и готова простить все выкрутасы. И почему-то ничего не сказала о том, как ей удалось прикрыть его. Ведь если бы узнали, что она несовершеннолетняя, там, где нужно, то по головке не погладили бы, хотя он слышал, что многое зависит от родителей девушки: если согласятся скрыть грех своей дочери, если отец ребёнка согласен жениться, то всё может разрешиться вполне мирно и закончить-

ся лёгким испугом. Чем могло бы это закончиться в его случае, об этом Павел старался не думать, но всё-таки постоянно досаждало желание разузнать, что сказала Варя матери о своей беременности, как её обьяснила и назвала ли виновника такого «подарка». И это мучение не могло продолжаться бесконечно, и однажды он прямо спросил:

— Как тебе удалось прикрыть меня?

— А тебе зачем знать?

Павлу показалось, что Варя спросила насмешливо, поэтому в нём взвырвало самолюбие, и он ответил почти грубо:

— Чтобы знать, когда сухари сушить!

— Не переживай. Никто о тебе не догадывается и не знает, даже моя родная сестра. Все смирились с тем, что я долго скрывала беременность, и открылась она тогда, когда уж ничего сделать с ней было невозможно.

Та лёгкость и любовь в голосе, с какой Варя это сказала, всё в нём перевернули, он, представил, сколько ей пришлось испытать стыда, сплетен, унижений. И всё ради кого? Получалось, что ради него, недоумка! Оглушённый Вариним признанием, он прерывисто сказал:

— Как только демобилизуюсь — сразу поженимся! Теперь тебе — шестнадцать, теперь можно с согласия родителей. Что молчишь? Или не веришь?

Как же долго она ждала этих простых слов, показавшихся для неё самыми нежными, любимыми, такими необходимыми! И очень жаль, что их ранее не было, а теперь... А теперь всё будет по-другому: правильно, так, как и нужно. Она знала это.

— Верю, верю! Как же я по тебе соскучилась, как жду тебя... — она заплакала, а он не знал, что ей сказать, чем утешить. Да и как это сделать на расстоянии?

— Перестань, не реви, пожалуйста, — вздохнул он. — Я навсегда с тобой: был и есть!

После того памятного разговора, Павел, не особенно вникавший в своё выздоровление, начал выпытывать у врача, когда, мол, выпишут, долго ли ещё будут мариновать.

— Когда нужно, тогда и выпишут! — говорил врач, имевший звание майора. — Тебе-то чего? Солдат спит — служба идёт!

— Мне очень нужно знать по семейным обстоятельствам, — уточнил Павел и пожалел, потому что правды сказать не мог, а врать не хотелось.

Военврач хотел что-то уточнить, но не стал пытаться Красавина, видя, как тот смутился.

Похожие разговоры могли повторяться бесконечно, потому что выздоровление происходило медленно, и, возможно, предстояла ещё операция.

— Ну и чем же я могу помочь? — спросил врач в ответ на его просьбу.

— Вы как-то говорили, что меня комиссуют. Мол, никто со мной возиться в части не захочет, а в госпитале держать до бесконечности нет возможности.

— С тобой пока не всё ясно. Вот когда убедимся, что корректирующая операция тебе не нужна, тогда и выпишем. А может, и комиссуем. Для нас главное, чтобы ты не остался инвалидом, а был физически здоровым бойцом.

С того разговора отношение врача-майора к Павлу изменилось. Теперь он, осматривая его, говорил, обращаясь не по уставу:

— Как у Красавина идёт выздоровление? На процедуры он ходит?

— Помаленьку ковыляю на костылях.

— Ну и продолжай ковылять. Гипса теперь нет. Новая операция тебе не требуется. Ходи на массаж и потихоньку давай нагрузку ноге. Будет больно, она будет отекать, но только через боль происходит качественное выздоровление. В любом случае оно будет долгим. Об этом я тебе уже говорил.

Павел всякий раз при встречах смотрел на врача с неммым вопросом во взгляде, не решаясь ещё раз спросить напрямую о комиссии. И врач, словно понимая его взгляд, говорил, не вдаваясь в подробности:

— Не переживай! Всё хорошо сложится!

Эх, как бы хотел Красавин услышать заветные слова, мол: «Через две-три недели тебя комиссуем!» Услышать-то хотел, но понимал, что это невозможно, не будет майор сюсюкаться с рядовым, сколько тот ни дави на жалость. Армия — есть армия.

11

Варя пришла в консультацию с запасным бельём и одеждой, «рыльными-мыльными» принадлежностями, как говорили у них в семье, общей тетрадкой и учебником математики на тот случай, если появится свободное время. Зоя Александровна, увидев Соловьёву и не теряя времени, сразу вызвала неотложку. В роддоме Варю ждали. После приёмого покоя отправили в палату на двоих и указали свободную койку.

До конца дня с ней особо не занимались, лишь померили температуру, зато следующий день начался со сдачи анализов, осмотра врачом, ничем особенно не обрадовавшей, но и

не огорчившей, словно всё, что она записывала, было необыкновенной тайной, по крайней мере, до поры до времени. Пройдя УЗИ, Варя будто никому стала не нужна. Она лежала на кровати и не знала, что делать. Её соседка Полина — наоборот — была в постоянных заботах: выходила, возвращалась, часто разговаривала по телефону, словно от суеты зависела сохранность её беременности.

Они многое узнали друг о друге в первый же вечер, показавшийся Варе необыкновенно уютным, когда незнакомая обстановка, незнакомые люди вызвали тревогу. Полина, по возрасту годящаяся Варе в матери, конечно, отвлекала её от забот и помаленьку разговорилась. Бледная, не ухоженная, отчего казалось, что она полжизни провела в этой палате, забыв о своём внешнем виде. Будущий ребёнок — вот вся забота её существования. Она была готова бесконечно обсуждать с мужем по телефону — и обсуждала — возможное развитие событий, а потом долго лежала с закрытыми глазами, словно вспоминала недавний разговор.

Иногда казалось, что она даже завидует Варе, что та беременела, совсем не желая этого. К ней же это счастье долго не приходило, а когда это случилось, то она потеряла ребёнка. Подобная история повторялась неоднократно, и она сказала, откровенничая, что пожертвовала бы всем, лишь бы сохранить ребёнка и родить его здоровым.

— Варечка, ты счастливая будущая мать! Радуйся и молись Богу, благодари его за это. Нервотрёпка, порицания забудутся, как только родишь и возьмёшь на руки своё чудо! Я бы от такого счастья не знаю, что сделала, — откровенно сказала Полина, радуясь за соседку, вдруг ставшую настоящей подругой. И разница в возрасте не мешала, потому что они не обращали на это внимания. Только раз Полина обмолвилась, жалостливо сказав, что это нехорошо, что она не знает отца ребёнка. Варя промолчала и не стала развивать неприятную тему, которую когда-то сама выдумала и ждала того счастливого момента, когда можно будет забыть о ней. Помимо разговора с Полиной, Соловьёвой звонили Светлана, Настя, а Зоя Александровна чуть ли не каждый шаг контролировала. Но более всего радовали звонки Павла, а особенно разволновало его сообщение о скором возвращении.

— На следующей неделе меня, скорее всего, комиссуют, и через сутки я буду дома. Если это произойдёт, то, может, успею встретить тебя из роддома.

— Вот это было бы здорово! На следующей неделе я должна родить!

— Откуда узнала?

-
- Врач сказала, но это пока предварительно.
 - А разве можно предварительно это определить?
 - Можно, когда всё под контролем. Так что мы будем ждать. Ты уж не задерживайся, папа!

Разговор был вроде бы шутивным, но Варя многое узнала из него и очень радовалась скорому возвращению своего Красавина. Даже представила, как он встретит её в вестибюле, возьмёт на руки дочку, и вместе они выйдут из дверей роддома — улыбающиеся и ошалевшие от свалившегося счастья. Варя так часто представляла эту картину, что стала одёргивать себя, боясь сглазить. Чтобы забыться, начинала о чём-нибудь расспрашивать Полину, если та лежала с открытыми глазами, а если та отворачивалась к стене, то брала учебник, раскрывала тетрадку и решала уравнения.

В конце недели приехала Светлана с мужем и Митей. Женя держал на руках сына, пытался его рукой махать Варе. Они стояли под окнами, и Варя тоже махала им, одновременно говорила по телефону — даже разволновалась. Никогда не ожидала, что так можно волноваться от вида родных лиц. Оказывается, в такие моменты начинаешь по-особому смотреть на них, лучше понимая и забывая все недоразумения. Встреча с сестрой по-особенному успокоила Варю. Разговаривая с ней по телефону, она вспоминала её слова о том, что никогда не бросит, — и это воспоминание окрыляло, наливало душу радостью и благодарностью.

В понедельник Варе сказали, чтобы завтра с утра ничего не ела, а во вторник к ней зашла врач и спросила:

- Ну, что, Соловьёва, готова?
- К чему?! — не поняла Варя и перепугалась.
- К чему готовилась! За что, как говорится, боролась!.. Сейчас придёт каталка, и поедем рожать, дорогая девочка. Время пришло!

Варя хотя с вечера знала обо всём, но всё равно сообщение застигло врасплох, и она почувствовала, как заколотилось сердце от скорого завершения бесконечного ожидания. Ведь столько было слёз, разговоров, ненужной нервотрёпки и вдруг — «время пришло»!

Через три часа Варя родила девочку весом 2900. Соловьёва, кажется, и сама не поняла, как это произошло. Помнила лишь, что ей сделали укол, потом она долго лежала на жёсткой кушетке, а после отвели на родильное кресло. А дальше всё как в тумане, лишь акушерка, принимавшая роды, властно командовала: «Тужься — дыши, тужься — дыши!» — и держала Варе голову, когда она начинала выгибаться от боли. Кричать Варя стеснялась: лишь стонала и чувствовала, как

кто-то вытирает салфеткой пот с её лба. А потом в ней будто что-то оборвалось, и она услышала детский плач, показавшийся необыкновенно знакомым и таким родным, словно она слышала его каждый день и успела привыкнуть. Варя поняла, что родила, но всё ещё не верила в это и убедилась лишь тогда, когда акушерка положила обжигающе горячее тельце дочки на грудь. Она косилась на свою кричащую красненькую девочку и была готова разреветься вместе с ней: от счастья, от недавних обид — от всего.

Через час Варю повезли на каталке в палату, и она увидела встречную каталку с Полиной, успела коснуться руки соседки, когда каталки разъезжались, и даже улыбнуться, сказать, словно младшей сестре:

— Удачи...

Малышку обещали привезти позже, и Варя, перебравшись на кровать, вспомнила о смартфоне, который отключила перед родами, и теперь поспешно активировала. На экране отразился пропущенный звонок от Павла. Она сразу позвонила ему, а когда он взял трубку, выдохнула:

— Вот и всё... Я родила тебе девочку!

Павел на малое время замер и вздохнул:

— Правда?!

— Конечно! Так что теперь ты папа! Радуетесь?

— А то! Даже не верится!

— Как у тебя дела?

— Нормально... Вчера была комиссия, и меня отправляют домой. Когда вы будете выписываться?

— Если не будет осложнений, обычно выписывают на третий день...

— Отлично. Буду стараться вас встретить. Да чего там: расшибусь, а встречу!

— Больше не расшибайся, не надо... Как я что-то узнаю конкретное о выписке, так сообщу тебе.

— Тогда всё, пока! Целую вас!

Выписывали Варю, как она и ожидала, на третий день после родов. Время было около двенадцати, и она знала, что вот-вот должен подъехать Павел из аэропорта, потому что если бы ехал на поезде, то ни за что не успел бы к выписке. Но даже и в этом случае её было кому встретить. Она знала, что подъедут на машине Женя со Светланой и сынишкой, родители Павла, но всё равно очень хотелось, чтобы успел он сам. Она так желала его появления. Ведь это здорово, когда папа забирает ребёнка из роддома. Это память на всю жизнь, это счастье.

И всё-таки не повезло Варе. Выйдя из роддома, она не увидела Павла, хотя и знала, что он вот-вот должен подъехать. Дочку вынес Женя. Варя огляделась — Павла нет, и в этот момент стало не до улыбок. Она навсегда запомнила взгляд нянечки, передававшей Евгению «конверт» с младенцем и всё сразу понявшей о молодой маме. И от этого неуютного, осуждающего и одновременно жалеющего взгляда Варе сделалось нестерпимо обидно.

Они уж подошли к машине, передав младенца Варе, Женя открыл двери, когда невдалеке остановилось такси, и из него выбрался человек в военной форме. Он неловко выставил трость, кинул полупустой рюкзак за спину и крикнул:

— Погодите, не уезжайте!

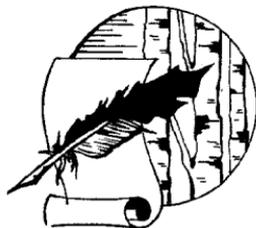
Никто ничего не понял, зато Варя сразу узнала Павла и заторопилась к нему. Тот обнял её, поцеловал, сказал виновато:

— Прости, рейс задержался.

— Ничего страшного. Это — Павел, наш папа! — сказала Варя Светлане и Евгению.

Те понимающе переглянулись и промолчали, будто всё давно знали. Варя уселась на переднем сиденье, а Павел с дочкой и Светлана с сынишкой устроились на заднем. Поехали.

Варя раз за разом оглядывалась на Павла, и в голове невольно проносились мысли обо всём том, что произошло с ней за последний год. Много в нём случилось волнений, много свалилось печали, но в любом случае она стала другой: взрослой, ответственной. И не беда, что жизнь временно надломилась. Ведь совсем-то не сломалась! Девятый класс она обязательно окончит, потом поступит в колледж или устроится на работу. А что: пойдёт на кондитерскую фабрику, где работает их соседка по площадке. Когда так подумала, то вспомнила маму и огорчилась, что она нескоро порадуется её счастью. Варе очень захотелось увидеться с ней именно сегодня, показать дочку, а потом прижаться, поцеловать и долго-долго с ней говорить...

Владимир ХОМЯКОВ

И ВОСКРЕСНУТЬ В БОЮ!

МОЯ РЯЗАНСКАЯ ОТЧИЗНА

Моя рязанская отчизна,
земля берёзовых кровей,
крепка и ныне ты, и присно
извечной волею своей.

Мечом прославлена и Словом,
грустна порой иль весела,
ты и на поле Куликовом,
и в песне смелостью взяла.

И знают русскую Победу
холмы и пажити твои.
И громкий памятник Поэту
всевластно рвётся из земли.

И свет просторный, свет былинный,
ко мне летит на всех крылах,
горит, горит в росе полевой
и на кремлёвских куполах.

С тобою, край мой, и в веселье,
и в грусти душу отвожу.
И, словно в красны воскресенья,
в твои рябинники вхожу.

И верят в русскую Победу
холмы и пажити твои.
Родная весть идёт по свету.
И громкий памятник Поэту
всевластно рвётся из земли!

ЧЁТ И НЕЧЕТ

Мы делим жизнь на чёт и нечет,
мы правим, лёжа на печи.
...Стрекочет, радуясь, кузнечик —
«куёт нам счастья ключи».

Кругом звучит листва густая,
кругом и солнце, и роса.
И перепевчивая стая
ввысь устремляет голоса.

А на лугу —
травы припляска
и васильковые огни.
Не лень российская,
а сказка
дарует нам святые дни.

В них —
вдохновения свобода
и песен вызревшая рожь.
Но вдруг нахлынет непогода
с дождями, грозами!..
И всё ж
народ наш грозы перемелет,
что не смолкают над землёй.
На печь заляжет он
Емелей,
но встанет —
Муромцем Ильёй!

ВОЛЧЬЯ СТАЛЬ

Валерию Хатюшину

Страницы строгие листая,
мы хладно молвим:
пробил час,
ведь вновь не просто волчья стая,
а волчья сталь идёт на нас.

Страна, как прежде, у обрыва?
И стала хрупкой Божья твердь?

— Как жизнь? —
вдруг спросят торопливо.
А нам послышится:
— Как смерть?

Как смерть?
Как смерть врагов нещадных,
что мрак над нами вознесли?
До святорусской крови жадных,
до солнца алчных и земли.

И видим мы —
грядёт разруха,
что пострашней иных разрух.
Но есть оно,
сиянье Духа,
и напряжён сердечный слух.

И не смолкают наши вёрсты,
они вперёд и ввысь летят.
И вновь раскуривает звёзды
неостывающий закат.

Десница
верный меч сжимает —
и, значит, нас не усмирить.
И тем, кто очень возжелает,
дадим,
коль просят,
прикурить.

Долга военная дорога.
Стрелы стремителен полёт.
Мы не одни.
Нас будет много.
Над нами колокол поёт.

И в сердце —
истина простая:
за Веру,
с Богом,
в светлый час!
...И вновь не просто волчья стая,
а волчья сталь идёт на нас.

МАТЬ И МАЧЕХА

1

В жизни так оно сложилось:
дважды был отец женат.
Но парнишке не тужилось:
не почуял он разлад.

Жил у матери порою,
а порою у отца.
Не стоял раздор горою —
не обидели мальчика.

Рос не робкий, не упрямый
и забот больших не знал.
Называл родную — мамой,
а другую — тётей звал.

— Ах ты, ласковый телятко,
выпей, с хлебцем, молока.
...Лишь отец — он для порядка
строг был, твёрдая рука.

2

Но нагрянул гром набатный —
на войну призвал отца.
Дожидайся в путь обратный
фронтового письмеца.

Хоть в крови сгорают зори —
жди с молитвою еси.
И людей роднило горе,
как ведётся на Руси.

Треугольнички кружили
по родимой стороне.
И надеждой люди жили
и в тылу, и на войне.

3

Лютым было это лето,
с фронта весточки не шли.
Жив ли, нет — проси ответа
у небес и у земли.

Жив!

И вот парнишка мчится
с жаркой вестью от отца.

Жив!

И вновь лицо лучится,
нет счастливее лица.

В доме том и в доме этом —
от лампад заветный свет.
А сынку, по всем приметам,
непрерывно быть поэтом.
...И ему семнадцать лет.

4

Шибко храброго не корчил:
смел лишь тот, кто сердцем смел.
Класс девятый он окончил,
а десятый — не успел.

На бумаге слово веско.
Снизу подпись: военком.
Вот и ахнула повестка —
не рыдайте над сынком!

Снедь нехитрую собрали
обе женщины ему.
И столкнулись на вокзале,
и, вздохнув о дальней дали,
вышли молча в полутьму.

...Синь пронзительна до стона.
Крестный путь суров и свят.
У гудящего вагона
мать и мачеха стоят.

НАШ ПУТЬ

Наш путь по-прежнему тяжёл,
не жить нам в мире тихом.
Того, кто в грозный бой ушёл,
не поминают лихом.

И кто там что ни говори,
но ты попробуй каждый

взойти на жертвенник зари,
что дышит смертной жаждой.

Мне снова скажут, мол, не так:
поэтами воспеты,
похожи всё ж на мирный стяг
закаты и рассветы.

Друзья, красотостям цена
не больше, чем копейка,
когда кругом гремит война —
кромешная злодейка.

Когда идёт на брата брат
(кто Авель здесь, кто Каин?),
молчу, любым словам не рад,
терзаюсь, неприкаян.

Когда огонь стеной встаёт
пред нашими бойцами,
готовы рваться мы вперёд,
чтоб их закрыть сердцами.

Не потому, что числят нас
храбрей других на свете,
а потому, что там сейчас
воюют наши дети.

Когда страны удел тяжёл,
что петь о мире тихом?
... Того, кто в грозный бой ушёл,
не поминают лихом.

ОТВЕТ

Дети за отцов не отвечают, —
что же, эта «истина» стара, —
в полный рост судьбу свою встречают
и уходят с отчего двора,

чтоб сюда вовеки не вернуться
или воротиться со щитом.
Мы их молим до земли пригнуться,
коли смерть свистит стальным кнутом.

Но опять на дальнем направленьи
сын встаёт над горестью земной
и кричит: «Второе отделение!»
И потом отрывисто: «За мной!»

Мне же здесь, так скажем, на «гражданке»,
довелось всего хлебнуть сполна.
Новые дворяне и дворянки
всё искали, в чём моя вина.

Возмущались: «Призовём к порядку!»
И готовы были унижать.
А когда им врезал правду-матку,
сразу стали хором уважать.

Я в судьбе своей не разуверюсь,
под откос я песню не пушу.
На родную армию надеюсь,
о солдатской юности грущу.

Не учён искусству дипломата,
зная силу крепкого словца,
огневой строкой из автомата
сын мой отвечает за отца!

СТРОКА

«На самый перед отправляют ночью» —
последняя от сына мне строка.
Кто ад земной не видывал воочью,
тот не поймёт тех слов наверняка.

И снова будет важно слушать сводки,
но не услышит, как кричат сердца.
А после горделиво выпьет водки
за бойню до победного конца.

Да, звал и я собратья для защиты,
чтоб твёрдо на посту стояла рать,
тогда мы с каждой силой будем квиты,
тогда никем нигде не будем биты.
Но Русь хранить — не шапками кидать.

Мне может попенять оратор броский,
поставить откровение в вину.

Но вновь со мной — Есенин, Маяковский,
кто яро ненавидели войну.

А тем, что тосты мечут за победу
любою кровью, только не своей,
скажу, как и положено поэту,
своих туда отправьте сыновей.

Пуускай они уйдут «на самый перед»,
вот так же, «ночью», подавляя страх.
...Моя душа в победу нашу верит,
сгорая на пронзительных ветрах.

И в тёмный час родной мне голос снится,
ищу, где телефон, сбиваюсь с ног.
И через все кровавые границы
кричу одно-единое: «Сынок!

Я здесь, в окопе, я с тобою рядом,
тебя от смертной пули заслону,
не дам взорваться вражеским снарядам,
преградой стану грозному огню.

Я здесь, с тобой, и мы навеки вместе,
и вместе возвратимся мы домой».
...Опять на фронт спешат родные вести.
И слышишь ты тревожный голос мой.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Не сохранил я тебя и не спас,
не заслонил от лихого осколка.
Светится, теплится иконостас...
Сколько беды на Руси ещё, сколько!

Дальше прожить в суесловье невмочь:
каждое слово мне кажется ложным.
Мне б перейти бесконечную ночь!
Только вот будет ли это возможным?

А за окном — одинокая тишь,
будто ты всем нам покой возвращаешь.
Знаю, сынок, ты меня не простишь.
Только всё чудится мне, что прощаешь...

ГОВОРЯЩИМ

...И вновь бесконечные речи,
и всё словеса, словеса.
Вам горе не давит на плечи,
а сын мой глядит в небеса.

Ораторы развершались:
«Коль надо, и мы бы смогли б!»
...А он меня обнял, прощаясь.
И просто ушёл. И погиб.

АНТОН

До бугра я тебя проводил.
Во дворе предвечернем расстались.
Тучи стьли рядами могил
и над нами, грозя, распластались.

Пал в кровавом луганском краю.
Сам ушёл в смертный бой, не насильно.
...У подъезда родного стою.
А в руке — похоронка на сына.

ВЕНЕЦ

Ни просвета в окне...
Нет ни песен, ни книг...
Не смолкает во мне
твой разорванный крик.

У судьбы не просить
воскрешенья сердец.
Мне навечно носить
твой терновый венец...

СКОРБЬ

Какие солнца не померкли
и как смотреть хватает сил,
когда выносят гроб из церкви,
а в том гробу лежит твой сын?!

Погибший в возрасте Рубцова,
он духом тоже был поэт.
...Печаль уляжется отцова,
хоть ей конца и края нет.

Но обречённость не растает,
как ты об этом ни взывал.
И вдруг пред взором вновь предстанет
святой беды высокий вал.

Он вознесёт туда, где грозы,
где нет ни вдов и ни детей.
...Где только слёзы, только слёзы
седых отцов и матерей. *

РУССКИЙ РЕКВИЕМ

*Памяти защитников нашей Родины,
погибших на поле брани*

Жизнь свои распрямляет крыла
и плывёт над могилами павших.
И земля в ожиданье тепла,
и снега догорают на пашнях.

Мы оплачем своих сыновей
обагрённой строкою поэта.
И весну возвестит соловей.
А весна — это значит Победа.

Молчаливая долгая даль,
где недавно дымились воронки.
И отцовского сердца печаль.
И скупые слова похоронки.

Мы оплачем своих сыновей
обагрённой строкою поэта.
И весну возвестит соловей.
А весна — это значит Победа.

* Сержант Российской армии, командир стрелкового отделения Антон Хомяков погиб в бою близ деревни Оборотновка Сватовского района Луганской Народной Республики 27 марта 2023 года в возрасте 35 лет.

И, светло расправляя крыла,
жизнь плывёт над могилами павших.
И снега догорают дотла
на широких, на солнечных пашнях.

Мы оплачем своих сыновей
обагрённой строкою поэта.
И весну возвестит соловей.
А весна — это значит Победа!

ДОЖИТЬ ДО ПОБЕДЫ

Офицеры, солдаты
той войны мировой, —
резкий ветер утраты
рвётся над головой.

Забывают поэты
вам поэмы сложить.
Но — дожить до Победы!
До Победы дожить.

Смертным пламенем сколько
перехлёстнуто троп!
И печальная койка —
ваш последний окоп.

И над вами витают
лишь невзгоды одни.
И кукушки считают
вам не годы, а дни.

Но, в шинели одеты,
вновь стоите в строю.
И — дожить до Победы!
И воскреснуть в бою!

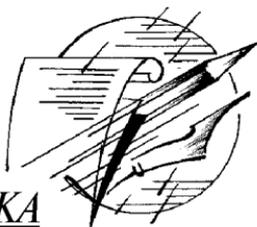
г. Сасово Рязанской обл.

СВО: ОСОЗНАНИЕ ЦЕЛИ

Давал интервью одному из ведущих российских международных агентств, и внезапно осознал, что мы до сих пор не поняли, с кем и почему воюем на Украине.

Поэтому не можем ни внятно обозначить цель СВО (гарантия безопасности России — цель, существовавшая до СВО и она будет существовать после СВО столько, сколько будет существовать Россия, но что именно мы понимаем под гарантией безопасности здесь и сейчас?), ни, соответственно, определить механизм достижения этой цели (при помощи военной операции можно разгромить армию и уничтожить государство, а что потом?).

Народ (и СМИ, как зеркало, отражающее весь спектр народных мнений) колеблется между «забрать тех, кто проголосовал за вхождение в Россию» — регионы, уже внесённые в Конституцию РФ, и «ни пяди русской земли врагу» — вернуть всё, по самую Польшу, а можно и вместе с Польшей. Власть посылает противоречивые сигналы, то отсылая к стамбульским договорённостям марта—апреля 2022 года, которые уже не соответствуют реальному положению ве-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

шей, то намекая на возможный раздел Украины, то оставляя пространство для существования какого-то украинского государства, границы которого ещё предстоит определить.

Такой подход был бы правильным, если бы мы имели дело со стандартным нормальным государством, но мы имеем дело с анти-Россией (с чем согласны и большая часть нашего населения, и власть вплоть до её высшего уровня). Более того, почти все согласны с тем, что Украина может существовать только, как анти-Россия. Но что это значит и что из этого следует?

Опять не скажу ничего нового, но напомним, что украинцы — бывшие русские, которым настолько опротивела их русскость и которых настолько восхитила Европа, что они объявили себя европейцами, т.е. отдельной украинской нацией, ничего общего с русскими не имеющей. Сейчас украинцы в пылу полемики часто называют русских финно-могилами, отрицая их славянство, но не так давно (в 90-е и даже в нулевые) украинцы готовы были себя признать не славянами, а потомками печенегов, половцев и прочих тюрков, кочевавших в причерноморских степях, лишь бы не иметь ничего общего с русскими славянами.

Не иметь ничего общего с русскими — главное в идеологии украинства. Русские, по этой идеологии, — эсхатологическое зло, угнетающее свободолюбивых украинцев в течение тысячелетий, от сотворения мира и до наших дней.

При этом самопровозглашённая европейскость является родовым пятном большинства украинцев, в том числе и так называемых пророссийских. В ересь европейства не впали только те на Украине, кто всё время её существования продолжал считать себя русским, а это абсолютное меньшинство. Абсолютное большинство считало, что русские и украинцы — близкородственные народы (ещё бы, если у половины «украинцев» русскими является родная сестра или брат, на русских и украинцев могут делиться даже близнецы). «Украинцы», те, которых сейчас называют «адекватными украинцами», а сами себя они кличут «адекватниками» (в противовес русским «ватникам»), даже хотели жить с русскими в мире и дружбе, но по разные стороны границы и чтобы газ был бесплатным, а сало русские покупали по цене золота.

В общем, со всем этим, хоть и с трудом и с большими издержками можно было работать, постепенно приводя эту «рождающуюся нацию» в сознание. В этом заключалась концепция ельцинской России и путинской до 2014 года — «младшие братья создают новую нацию, от этого у них ки-

пит мозг, и они с юношеским максимализмом пытаются кусать руку дающую: надо понять, потерпеть, дожждаться, когда они придут в сознание, и тогда заживём и будем дружить домами».

Из Москвы, однако, видно хоть далеко, но не всё. Концепция была изначально ущербна, поскольку на Украине подавляющее большинство населения дружить домами не собиралось. Они собирались стать «украинцами» — частью Европы и, таким образом, получить «право» на эксплуатацию русских ресурсов (включая человеческий) в своих интересах. Для собственных же русских рекомендация «чемодан, вокзал, Россия» была популярна на Украине с начала 90-х, только реализовать на практике её до 2014 года не получалось. Впрочем, и после 2014 года далеко не все русские уехали из Украины в Россию и далеко не все уехавшие — русские.

Уже после воссоединения Крыма и начала гражданской войны в Донбассе, украинские «европейцы», в том числе и те, которые числились «друзьями России», стали воспринимать отношения с Москвой как национально-освободительную войну украинского народа за независимость от России. С начала СВО такое восприятие стало для них общим местом.

То, что для нас СВО, для них — война за независимость. Так неоднократно бывало в истории: британские колонисты в США воевали за независимость, а Британия подавляла мятеж бунтующих подданных короны. Хмельницкий уже давно (со смерти короля Владислава IV) вёл войну за независимость, а поляки всё ещё думали, что у них СВО.

Мы освобождаем русских от бандеровщины и удивляемся, почему эти русскоязычные жители юго-востока Украины, ничего общего не имеющие с Галицией и галицийским культом Бандеры, так упорно, до последнего украинца, воюют с нами. А воюют они потому, что они не считают себя русскими, а нас освободителями. Те, для кого мы освободители, на фронт не идут, а бегут из Украины в Россию или прячутся от мобилизации, или сидят в тюрьмах. Но миллионная масса: примерно 300—350 тысяч уже убитых, столько же искалеченных и до 400 тысяч всё ещё в ВСУ и других силовых структурах Украины — те, кто борется за независимость, хоть осознанно, хоть полусознанно, считая нас чужими.

Мы для них и есть чужие, как и они для нас. Их ненависть к нам (а это именно ненависть) мотивирована вовсе не СВО,

она появилась ещё до распада СССР и развивалась по нарастающей, пока не охватила большую часть народа. Эта ненависть мотивирована необходимостью для «украинцев» отрицать своё вчерашнее. Слишком мало времени прошло с тех пор, как они были русскими. «Украинцами» стали люди, русскими родившиеся и прожившие половину жизни в русскости.

Восставшие британские колонисты не объявляли себя индейцами. Своё противостояние с короной они объясняли финансово-экономическими мотивами. Американцами (другим народом) стали уже их внуки, родившиеся и выросшие в другой стране. Казакам Хмельницкого не было нужды объявлять себя неполяками. Поляки их сами таковыми не считали (из-за чего первоначально и возник мятеж как требование равенства прав внутри воинского сословия). Для поляков они были «схизматы» и «русины».

У бывшего русского не было ни финансово-экономических, ни сословных причин становиться украинцем. Это идейно-политический выбор, во многом навязанный пропагандой «просвещённой Европы» в сравнении с «отсталой Азией», пропагандой, которая в 90-е годы падала на почву, унавоженную катастрофой постсоветских экономик.

Они сделали этот выбор. Они убедили себя в том, что они иные. Они убедили себя в том, что им придётся воевать с Россией за свою самость. Они не заметили, как спровоцировали-таки эту войну, заставив Москву развернуть СВО намного шире первоначально предполагавшихся масштабов. И теперь они ощущают себя борцами за независимость Украины как части Европы и за европейские «ценности».

Нам смешно, но они абсолютно искренни, когда кричат европейцам, что те им по гроб жизни должны, ибо они защищают «цивилизацию» от азиатского «варварства». Они искренне возмущаются неготовностью Европы прийти на помощь «украинским братьям» всей своей мощью против общего врага. Таково их мировосприятие — извращённое, не имеющее ничего общего с реальным отражением действительности, но существующее и руководящее действиями десятков миллионов людей и в этом смысле представляющее собой материальную силу.

Мы уверены, что они умирают за интересы США, а они уверены, что умирают за свою свободу. Поэтому глубоко не правы те наши политики и эксперты, которые считают, что Украину можно победить, урезать территориально, ослабить экономически, запретить иметь армию больше бе-

лорусской — и на этом всё. Нет, не всё, это будет только начало. Я не случайно всё время подчёркиваю, что останься у Украины даже квадратный метр территории, не пройдёт и десятка лет, как с этого метра для России начнёт исходить ошутимая угроза. Они обязательно пригласят к себе и обустроят какого-нибудь врага России, из тех, кто сильнее.

Всё упирается именно в то, что нынешний конфликт они воспринимают как войну за независимость. То, что мы рассматриваем как их сокрушительное поражение, они будут рассматривать как свою великую победу. Даже если они потеряют двадцать или двадцать пять регионов из наличествовавших в январе 2014 года 27-ми, они будут считать, что победили ибо отстаивали независимость, хоть и дорогой ценой. И в школах они будут учить подрастающее поколение, что сотни тысяч или даже миллионы украинцев пожертвовали собой на фронте, а десятки миллионов стали беженцами только ради того, чтобы сохранился вот этот конкретный островок независимости.

Вся жизнь этой оставшейся Украины будет вращаться вокруг надежды на реванш и подготовки реванша. Любой враг России сможет рассчитывать на её заинтересованную поддержку. Любой способ навредить России будет использован в полной мере.

И не факт, что нам ещё раз так повезёт и можно будет сокрушить врага военной силой. С Польшей и то везёт не каждый раз. А это будет похуже Польши — у поляков всё же месть России не является национальной сверхидеей. Они нас не любят и боятся, но, в отличие от украинцев, стараются мириться с актуальной политической реальностью, чтобы не довести дело до очередного раздела.

Поэтому и только поэтому (потому, что любая оставшаяся Украина будет чувствовать себя победителем, сохранившем независимость, и стремиться к территориальному реваншу) я считаю, что как бы и чем бы ни закончилась СВО, Украина после неё должна **навсегда прекратить своё существование**. Если мы не можем переварить её всю и сразу, то лучше разделить с соседями (включая, кстати, Белоруссию), чем оставлять хоть один махонький островок независимости. Независимую Украину пусть создадут в Канаде (если канадцам своя страна не дорога).

Не было и не будет для России более опасного движения, чем украинство. Это гангрена, изнутри разъедающая организм единого народа, но и будучи отделённой, она не пытается заняться собой, а стремится уничтожить Россию или её

украинизировать до самой Чукотки. Причём, как показывает практика украинской украинизации, вернуться не удастся никому: ни грекам, ни армянам, ни якутам, ни бурятам — всем объяснят, что живут они «в Украине», а значит — украинцы, а кому не нравится — «чемодан, вокзал, Китай».

Нам невероятно повезло, что Украина так отчаянно сопротивляется и не даёт возможности завершить СВО каким-нибудь промежуточным миром. Только это сопротивление даёт надежду на то, что пусть не по заранее намеченному плану, а просто волей обстоятельств, российское руководство будет вынуждено в конечном итоге ликвидировать Украину как государство, украинство как идею и украинский дух как разносчик смертельно опасной инфекции, сопоставимой с биологическим оружием, избирательно действующим только на русских, но зато с 98-процентной летальностью.

Если уж украинцы выбрали борьбу с Россией не на жизнь, а на смерть, то выбора они нам не оставили: они сами виновны в том, что с ними произошло и что ещё произойдёт, и нам не в чем себя упрекнуть — ликвидировать бандита, спасая свою жизнь, не преступление, но смозащита.

ОБ ЭТОМ НАДО ВСЕГДА ПОМНИТЬ

На сайте Российского военно-исторического общества впервые опубликован полный текст заявления Гитлера о планах уничтожения славянских народов. Информация напечатана в ведущих СМИ России. Важность заявления трудно переоценить, его необходимо подробно рассмотреть, обдумать и дать оценку, применительно к сегодняшним реалиям.

27 ноября 1941 года в Берлине состоялась встреча вице-премьера Румынии Михая Антонеску с рейхсканцлером третьего рейха Адольфом Гитлером. Часть встречи была полностью посвящена «славянскому вопросу». После деловой аудиенции Антонеску составил подробный письменный отчёт, каждое слово которого дошло до нас только сейчас, через 82 года. В связи с важностью новых сведений есть смысл разбить весь отчёт на части. О каждой из них попробуем порассуждать без эмоций. Итак, румынский вице-премьер сообщает:

«Фюрер начал с бурного обсуждения великой славянской проблемы, оказал мне честь в трёх случаях принять изложенную мною точку зрения на европейское переустройство. В качестве основы для беседы фюрер открыто сказал мне:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

— Вы правы, славянская проблема — биологическая, а не идеологическая, как вы и сказали, и борьба со славянами должна вестись всеми европейцами. В будущей Европе должно быть только две расы: латинская и германская. Эти две расы должны работать вместе в России, чтобы уничтожить славян. Нельзя выступать против России с юридическими или политическими формулами, потому что русская проблема гораздо серьёзнее, чем многим кажется, и мы должны найти решения по колонизации и биологическому устранению славян...»

Сегодняшние реалии. Отказываясь от идеологической борьбы, Гитлер несколько поторопился. Зато засевавшая в Соединённых Штатах Америки мировая закулиса, поставив во главу угла опыт Йозефа Геббельса, многие годы ведёт информационно-ментальную (идеологическую) войну с Россией и бывшими союзными республиками, как основными территориями славянских народов. Вопрос о биологическом устранении славян, провозглашённом Гитлером, не умер спустя 82 года, а приобрёл даже большую актуальность у англоязычных фиуреров

Согласно тексту документа, Гитлер согласился с Антонеску относительно необходимости сообща найти методы для «биологического устранения славян». Основным инструментом искоренения населения России, Украины, Белоруссии нацистам виделся голод — им уничтожали советских военнопленных и жителей крупных городов СССР. Наиболее чудовищный голод был организован для истребления ленинградцев, жители Киева и Харькова также испытали на себе пытку голодом.

Война имеет множество лиц и названий. Есть война морская, ядерная, холодная, информационная, колониальная, а также множество других разновидностей. К теме «биологического устранения славян» голодом относится биологическая война. Согласно данным Российской Федерации, Соединённые Штаты, под эгидой оборонного ведомства, разместили на территориях бывших союзных республик, соседей России, сеть биологических лабораторий. Одна из опасных лабораторий находится в грузино-американском Исследовательском центре здравоохранения им. Р. Лугара (пригород Тбилиси). В 2011—2013 годах Роспотребнадзор неоднократно утверждал, что африканская чума свиней, очаги которой с 2007 года регистрировались на территории 24 субъектов РФ, могла быть занесена в Россию именно оттуда. При ликвидации очагов заражения были уничтожены более 440 000 голов свиней (от одной свиноматки можно получить до 2,5 тонн свинины в год). Прямой экономический ущерб только российских предприятий от этой болезни со-

ставил более 100 миллионов долларов, косвенные убытки превысили 500 миллионов долларов. Глава Роспотребнадзора назвал происходящее «экономической диверсией», и это только один из примеров искусственного сокращения поставок продуктов питания для славянского населения со стороны американцев. То есть опыты пыткой голодом англоязычными нацистами ведутся давно.

Позволю напомнить читателю о других случаях ведения биологической войны против населения России и бывших союзных республик, итогом которых может стать существенное сокращение количества в основном славянского населения — точно по директивам Гитлера. В данном случае нас интересует ось Украина — Россия, откуда идёт наибольшая опасность.

После начала СВО в феврале 2022 года, уже в июне, когда на Украине стало «подгорать», МО США заявило, что на протяжении 20 лет оказывало помощь 46 украинским структурам в сфере биологии. Особо было подчеркнуто, что цель помощи — биологическая безопасность Украины и улучшение контроля за здоровьем людей. Но верить в «честные» откровения властей США нельзя.

Ранее, в августе 2017 года, хакеры «КиберБеркут» опубликовали материалы расследования, согласно которому на Украине ещё с 2009 года (за пять лет до Майдана!) было оснащено американским техническим оборудованием 15 биологических лабораторий, входящих в структуры Минздрава страны. После их появления на территории Украины были отмечены вспышки опасных заболеваний. Статистика особо засекречена.

С началом СВО начальник войск радиационной химической и биологической защиты ВС РФ генерал-лейтенант Игорь Кириллов заявил, что на территории Украины действовала сеть из более чем 30 биологических лабораторий. То есть их количество с 2009 года выросло вдвое. К финансированию деятельности биологических лабораторий в 14 населённых пунктах причастны фонды Джорджа Сороса и Хантера Байдена (сына президента США Джо Байдена). Знакомые всё лица!

Ещё одно до боли знакомое лицо главной по американским печенкам в Европе — Викторией Нуланд. В сенатском Комитете по международным отношениям, она, давая показания, открыто призналась: «На Украине есть биологические исследовательские объекты, которые на самом деле очень нас беспокоят, ведь сейчас их пытаются взять под свой контроль российские войска. Поэтому мы работаем с украинцами и стараемся не допустить, чтобы исследовательские материалы попали в руки российских войск, если те приближаются». Она открыто высказала сенаторам свои опасения,

потому что точно знала спектр «работы» биологических лабораторий: смертельные патогены, включая чуму, сибирскую язву, чёрную оспу, бруцеллёз, возбудителей дифтерии, сальмонеллёза и дизентерии, пятнистую лихорадку. Деятельность биологических лабораторий уже привела к неуправляемому росту заболеваемости на Украине особо опасными инфекциями, в том числе краснухой, дифтерией, туберкулёзом, корью. Обо всём этом мадам «кровавые печеньки» прекрасно знала и заботилась только о том, чтобы замести следы опаснейших биологических опытов.

Во время СВО американские военные учёные на Украине стали в экстренном порядке сворачивать биологические программы, паковать документацию, уничтожать часть оборудования, прятать образцы испытаний. Но такой «букет» сложно спрятать в одночасье. Российские войска разгоняют смрад и зловоние, исходящие от жутких названий редких или давно забытых на планете смертельных болезней с помощью «Гераней», «Гвоздик», «Акаций», «Гиацинтов», «Тюльпанов», «Пионов» и других артиллерийских букетов. По некоторым сведениям, часть лабораторий успели спешно эвакуировать в Польшу. Интересно, заболела ли голова у Брюсселя от большой опасности расползания смертельных вирусов по Европе или он, как обычно, отдаст вопрос на рассмотрение в «говорящую голову» главного европейского гинеколога (Урсулы фон дер Ляйен), заботясь только о регулярном наполнении собственных кошельков?

31 января 2023 года под давлением фактов представитель Совета национальной безопасности США Джон Кирби подтвердил наличие американских биологических лабораторий на Украине. МО США не отрицает, что лаборатории действовали в интересах Пентагона, в их работу были вовлечены американские фармакологические концерны, включая Pfizer и Moderna (именно те концерны, чьи прививки от коронавируса, выпущенные до клинических испытаний, превратили массу людей в инвалидов, других оправили раньше времени на тот свет). Но главное даже не это. Самая циничная угроза Гитлера славянскому миру, заявленная им в 1941 году в Берлине, показала сегодня себя во всей красе. Генерал-лейтенант И. Кириллов (один из разработчиков вакцины «Спутник») сообщил, что в лабораториях на территории Украины делали заборы биоматериалов славянского происхождения: «...население Украины используется как подопытные кролики. Говорили, что никто не может сделать этническое оружие... В начале 2000-х годов никто не знал, что можно редактировать ген человека. Сейчас это делается, работы по этому направлению ведутся...» Проще говоря, в секретных биологичес-

риях Украины вполне могли и наверняка разрабатывали биологическое оружие, которое нанесло бы вред конкретному этносу. Шла подготовка к тотальному уничтожению славян.

Сегодня лаборатории или просто здания, где они располагались, находятся на отвоёванных Россией территориях. Специалисты работают над расшифровкой найденных документов и в скором времени Россия представит человечеству доказательства преступных разработок американских военных учёных. Но содрогнётся ли мир от правды?

3 ноября 2022 года Совет Безопасности ООН не принял проект российской резолюции, которая предусматривала создание комиссии при СБ по расследованию деятельности американских биологических лабораторий на Украине. За документ проголосовали Россия и Китай, против выступили Великобритания, США и Франция. И не удивительно. Как могут сами себя наказывать страны НАТО за свои же разработки?

Но возвращаемся в Берлин. Следующая цитата из письменного отчёта Антонеску о беседе с Гитлером 21.11.1941 года:

«...Русская проблема гораздо серьезнее, чем многим кажется, и мы должны найти решения по колонизации и биологическому устранению славян. Вот почему все европейские народы должны работать вместе в борьбе со славянами, а завтра совместно преобразовать Россию для Европы».

То, что вещал вождь фашистской идеологии, не пропало втуне. У него осталось много последователей, на его книге «Моя борьба» выросли поколения последователей нацизма в Европе, в Соединённых Штатах и других странах мира. Один из ярких представителей русофобов, ведущий идеолог внешней политики США Збигнев Бжезинский. Он никогда не скрывал, что «новый мировой порядок будет строиться против России, на руинах России и за счёт России». Чем не новый Гитлер?

Сразу после «оранжевой революции» на Майдане американский идеолог дал интервью украинскому телеканалу «Интер», где сказал: «Украина должна действительно доказать, что она хочет стать частью европейского мира. Если она этого достигнет, то у России будет единственная перспектива — смириться с этой реальностью и самой стать частью Европы. Если Россия этого не сделает, то станет разорённым сателлитом Китая». Просто и понятно. Или Россия вливается в Европу и живёт по её понятиям, или разорится... Еще один мечтатель...

А это откровение Гитлера относилось уже ко всей нашей стране: «Почему бельгийцы должны иметь 224 жителя на квадратный километр, когда в России есть такие огромные пространства?»

Размеры России, обильно политые кровью защитников страны, до сих пор не дают спать многим влиятельным политикам. В 2005 году госсекретарь США Мадлен Олбрайт воскликнула: «Где же тут справедливость, если такой землёй, как Сибирь, владеет только одна страна?» Флаг Гитлера о «справедливом дележе пространства» передан по эстафете.

Вот еще одна цитата Гитлера при беседе с Антонеску: «Почему мои западные немцы должны жить в тяжёлых условиях, когда пространства на Востоке предлагают им будущее?»

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер наверняка читала «Mein Kampf» Гитлера и многое почерпнула для себя из этой книги. В 1991 она заявила: «По оценкам мирового сообщества, экономически целесообразно проживание на территории России только 15 миллионов человек». Уверена, под цифрой в 15 миллионов населения России подписался бы любой западный лидер. Вот она — преемственность зависти поколений от Гитлера до наших дней.

В конце встречи с Антонеску Гитлер удовлетворённо добавил: «Моя миссия, если я добьюсь успеха, заключается в том, чтобы уничтожить славянство».

Уничтожив миллионы советских людей, нацистский идеолог не добился успеха. Зато сегодня его последователи упорно пытаются достичь его цели. СССР они разрушили. Теперь открытым фронтом выступили против России. Опять. В который раз...

В беседе немца с румыном в Берлине 1941-го по вопросу славян Антонеску был категорически против создания независимой Украины, подчеркивая, что славянство выступает огромной «биологической проблемой» для Европы, т.к. имеет большую численность «примитивного» населения, несовместимого с европейской культурой и цивилизацией. А в случае, если после разгрома СССР появится независимая Украина, она, по мнению Антонеску, начнёт втягивать остальных восточных славян в свою орбиту и превратится в новую угрозу для Европы.

Правда, тут мелкий апологет нацизма ошибся. Англоязычные последователи Гитлера именно на Украине, сразу после развала СССР, начали информационную подготовку биологической войны против России. Сегодня советник главы офиса президента Украины Подоляк заявляет: «Она <Россия> должна придумать себе какое-то другое название и должна уменьшиться в размерах... У ней будет белый флаг. Я хочу, чтобы мы с вами сознательно понимали то, какая у нас ключевая задача...» Идеология нацизма, воспетая Гитлером, стоит за каждым словом сегодняшнего преступного украинского режима.

Чтобы отчётливей понять, откуда резко всплыло на поверхность большое количество почитателей нацистских идей

Гитлера, вспомним время окончания Второй мировой войны. Ещё в 1944 году прагматичные немцы стали строить посёлки для нацистов в Латинской Америке. Через «крысиные тропы» и с поддержкой Ватикана из фашистской Германии через Италию и Испанию эмигрировали более 53 000 нацистских преступников, участвовавших в уничтожении русских и всего славянства. Многие из них стали работать на американскую разведку, делясь своими знаниями и умениями. У всех были семьи, подрастали дети, затем внуки. Часть потомков захотела оставить Латинскую Америку и вернуться или на родину в Германию, в Европу или уехать на жительство в США и делать карьеру там. Поскрести многих немецких и западных политиков, и в их роду отыщутся предки из сонма офицеров третьего рейха.

Сегодня немцы пока еще скрывают эти родственные связи, но украинские бандеровские ублюдки открыто говорят о своих симпатиях к нацистам. Ведущий украинского телевидения Фахрудин Шарафмал (фигурант уголовных дел, возбужденных по 282-й и 354-й ст. УК РФ) признался в эфире, что придерживается доктрины своего кумира А.Эйхмана, и призвал украинцев методично уничтожать русских, начиная с детей: «Потому что дети вырастут и обязательно отомстят. А после убийства детей нация исчезнет...»

После Второй мировой войны Германия была разделена на четыре оккупационные зоны. Российские войска первыми оставили Германию в 1989 году. Следом покинули её французы. Остались самые стойкие англоязычные. Три года назад англичане вывели последних солдат из страны. Казармы немцы отремонтировали, но пока никого туда не селят. США же стойко охраняют своё присутствие в ФРГ. В настоящее время здесь находится около 30 000 американских военнослужащих в пяти гарнизонах: в Висбадене, в Баварии, в Ансбахе, в Рейнланд-Пфальце и в Штутгарте. На американских базах размещены военнослужащие, их семьи и многочисленный гражданский персонал. Так что можно говорить не о 30 000, а примерно о 70 000 американцев. Много или мало? Только один вопрос — для чего? Посол ФРГ в США Эмили Хабер дала чёткий ответ: «Войска США находятся в ФРГ не для того, чтобы защищать Германию. Они там для того, чтобы защищать трансатлантическую безопасность».

Гитлер и теперь живет всех живых. Божок нацистов не умер. Он и его чёрные дела живут сегодня в мозгах каждого русофоба, ненавистника и завистника России. И нам надо всегда об этом помнить.

РАССКАЗЫ

СНЕГУРОЧКА АДА

Ёлки в снежных тулупах теснятся по сторонам узкой дороги. Лёгкие санки летят вперёд. Комсомолка Ада Бравина весело смотрит по сторонам. Синие глаза блестят, лицо разругманилось. Ноги прикрыты бараньей шубой.

Ямщик на облучке молчит. Спина широкая, воротник высоко поднят, шапка заиндевелым мехом топорщится.

Комиссар Яков Маузер напутствовал в городе, говорил:

— Вы, товарищ Бравина, не робейте, за вами партия, вся громада советской власти.

Поручил вместе с Адой ехать другому комсомольцу, Сене Петрову, но тот, ленивый увальень, казался ей помехой. Агитировать не умеет, а если Аду крестьяне поддержат, создадут колхоз имени Тухачевского, то Сеню будут хвалить не меньше, чем её. Делить лавры с неуклюжим Сеней Ада не желала, и посоветовала ему сказатьсь больным, она одна съездит. Сеня не протестовал — в такие морозы лучше сидеть дома.

Ада догадывается, что Яков за неё беспокоится, поэтому Сеню ей как охранника хотел приставить. Но

ПРОЗА

прямо об этом не сказал, знал, что Ада обидится, вспылит. И будет права — разве она сама себя не защитит? Наган в кармане тулупчика — подарок комиссара, она в тире первый стрелок. Да и Тамбовская губерния притихла, давно никто не нападал на продотряды. А в селе, куда она едет, уже есть большевик, пожилой рабочий вернулся из Тамбова, Ада с ним знакома.

— Долго ли ехать? — спрашивает она ямщика.

— К полудню поспеем. Что-то выюга начинается. — Буркает он, не оборачиваясь.

И впрямь, серые тучи затянули небо, наплывают всё быстрее, порывистый ветерок бросает в лицо снежную пыль.

Ада снова погружается в воспоминания. Приехала она в Тамбов из деревни, поступила в училище. Сразу поняла, что может себя проявить. Происхождение надёжное — из бедноты. За веру, как иные, не цепляется. На праздничных концертах и споёт и речь скажет. Однажды в училище пришёл товарищ Яков Маузер выступать перед молодёжью. Статный, кудри чёрные, взгляд суровый. Аде он сразу понравился. Правда, звали её тогда иначе — Авдотья Коровина. Стыдно произнести. Это потом она имя поменяла, узнав, что такое возможно. Примером был товарищ Яков — кто-то ей шепнул, что раньше его фамилия была Мамзер, а ему нравились строки Маяковского: «Тише, товарищи. Ваше слово, товарищ маузер». Вот и назвался в честь стихотворения.

Разговорила с товарищем Яковым, а потом подружилась. Он говорил, что нужны советской власти люди, которые смогут крестьянам разъяснить пользу колхозов. Авдотье тамбовские хлебопашцы поверят — она местная. Направил девушку на курсы агитаторов. Обещал рекомендовать в партию.

Ада решила, что новую жизнь надо начинать с новым именем. Тошно ей было в родном доме — маленькой избе с большой печкой. Только вспомнить, как жарко и душно там было зимой. В морозы мать загоняла в комнату и козлят и поросят, чтобы не застудились. Отгораживала их деревянной решеткой в углу, но те всё равно выбирались и бегали по полу, гадили.

На печи сидела бабка, зимой и летом в валенках, и наизусть читала псалмы. А мать возилась с младшими детьми — двумя мальчишками, и то и дело командовала: «Дунька, дров принеси, Дунька, помой вынеси, Дунька, пол подмети, Дунька, пшено перебери». Это ей — старшей дочери Авдотье.

Что в родном Узварово её ожидало? В прежние времена мог бы богатый мужик в жёны взять за красоту, а нынче всех богатых перевели, раскулачили. Вот и подалась в город.

А ветер крепчал и целый рой снежинок бросался на Аду. И тулуп, которым она ноги укутала, и её тулупчик были облеплены снегом, и ямщик на облучке высился, как снеговик. — Долго ли ехать? — Прокричала она сквозь свист ветра.

— Скоро! — Гаркнул ямщик.

И снова — бесконечные повороты узкой лесной дороги. А кони уже еле плетутся, сани вязнут. Наконец вьюга угомонилась. Небо стало ясным. Оказалось, что солнце уже клонится к горизонту.

— Деревня! — крикнула Ада, указывая рукой на домики за стволами деревьев. Ямщик остановил сани, обернулся к девушке и с досадой бросил:

— Чёрт нас сюда занёс! Не Каменка это, а сельцо Волчий кут.

— Как это? Весь день ехали и попали не туда?

— Нечистая сила нас водила, вот что я скажу. И это не зря. Сейчас коней покормлю и обратно двинемся, путь на Каменку искать.

И словно в ответ на эти слова, снова подул резкий ветер, повеяло снежной пылью.

— Опять вьюга! — сердито бросила Ада. — Вы как хотите, а я замёрзнуть не хочу.

Ямщик вынул из саней торбы с овсом и поставил их под мордами лошадей. Те жадно захрустели зерном, иногда хватая губами лёгкий снег.

— Как бы не застудились, — бормотал ямщик. На Аду внимания не обращал. Та, откинув тулупы, вылезла из саней, прошлась вокруг. Наст был плотным, но иногда проваливался.

— Мы должны в селе отдохнуть. К тому же я могу побеседовать с крестьянами, рассказать им о колхозе. А потом двинемся в Каменку. — Предложила Ада.

— Отдохнуть в Волчьем куту? — Ямщик насмешливо смерил её взглядом. Потом полез в сено и вытащил обрез, положил на облучок.

— Что не так? — насторожилась Ада. — Вы, гражданин, мне угрожаете?

— Ополумели, барышня? Волчий кут — место поганое. Надо быть начеку.

Ада перевела дыхание.

— Там бандиты или белогвардейцы скрываются? — спросила деловито, нащупывая в кармане тулупчика свой наган.

— Нет. Просто народец скверный. Чаклуны, в Бога не веруют.

— И правильно! — воскликнула Ада. — Я тоже считаю, что Бога нет. Умный здесь народ, товарищ ямщик. Не верят в поповские сказки. Надо в Волчьем куту комсомольскую ячейку создать, колхоз построить.

— Какой комсомол, какой колхоз? — Ямщик с досадой махнул рукой, забрал торбы у лошадей и потащил их за повод, стараясь развернуть сани. Лошади вязли, но сани медленно описали полукруг и стали на старый след.

— Я никуда не поеду. — Резко заявила Ада. — Вы езжайте, если боитесь. Сегодня буду агитировать в Волчьем куту, а завтра найму здешнего мужика, чтобы в Каменку доставил.

Она протянула ямщику ассигнацию.

— Делай как знаешь, — пробормотал он. Взгромоздился на облучок, спрятал за пазуху обрез, огляделся и негромко крикнул лошадей:

— Пошли, родимые!

Те медленно повлекли за собой сани. Внезапно ямщик натянул вожжи, с трудом обернулся и спросил:

— Точно останешься?

— Да. Спасибо, что доставили.

Он покачал головой в мохнатой шапке и щёлкнул вожжами. Лошади двинулись, сани покатали и вскоре исчезли за высокими ёлками.

Ада направилась к деревне. На опушке снег лежал плотным полотном, ноги почти не проваливались. Ада весело разглядывала приближающиеся строения. Крепко мужики живут — дома большие, крашеные масляной краской, больше в синий цвет. Резьбой изукрашены наличники и крылечки. Заборы высокие, за ними высятся крыши сараев и амбаров. Слышно, как скотина мычит и блеет, куры кудахчут. У крайнего дома румяный старик с белой бородой набирал сено в кошёлку. Заметил Аду, воткнул вилы в стог и стал всматриваться. Девушка громко произнесла.

— Здравствуйте, товарищ.

— Здравствуй, девица, — приветливо ответил старик. Рубаха у него была красная, полушубок чёрный, а голова непокрытая, в седых кудрях. — Неужто пешая к нам пришла? В лесу заблудилась? — Потом снова подхватил вилы и произнёс: — Что я, право, в расспросы ударился? Прежде надо путницу приветить. Ступай за мной, красавица. Чайком согреться, отведаешь нашей снеди.

Ада послушно пошла за ним. На полпути остановилась, вспомнила, что приехала по делу и бодро произнесла:

— Товарищ, у меня из города задание. Слышали о колхозах? Надо собраться миром и всё обсудить. Новая жизнь настала. Не время чай гонять.

Старик остановился, нахмурился:

— Обижает, девица. Ты наш обычай уважь, а потом мы тебя послушаем.

Ада кивнула скорее, чем следовало — она замёрзла, проголодалась и решила не отказываться от угощения.

Старик пригласил её в избу на высоком подклете. Из дверей выглянула женщина, заполошно и радостно вскрикнула:

— Идут! Прислал-таки Карачун девку.

Ада удивилась:

— Вы что-то путаете. Прислал меня не какой-то Карачун, а товарищ Ленин и коммунистическая партия.

Но дед как будто не услышал.

В избе было жарко, пахло вином. Вокруг стола, заставленного блюдами и тарелками, сидели сельчане. Одежда добротная, богато украшена шитьём. У женщин на шее бусы, в ушах серьги.

— Здравствуйте. А что вы празднуете? — поинтересовалась Ада.

— Свадебку! — Крикнула хмельная старушонка в синей кофте поверх серого сарафана.

— Садись, — обратился к Аде старик, который её привёл.

К Аде пододвинули блюда и блюдца.

— Лосятина в клюквенной подливе. Рыжики солёные, маслята. Эту рыбу из города доставили. А эта из нашей реки. Пирог с курятиной. А вот блины с мёдом и сметаной.

— Наливочки ей плесни. — Перед Адой поставили рюмку с алым напитком. — Вот наливка вишнёвая. Вот водочка на облепихе. Вот на чёрной смородине.

Пар от яств дурманил оголодавшую комсомолку. Ада впи-лась зубами в ломтик сочного мяса. Потом потянулась к рыжикам, пересыпанным тонкими колечками лука. Но от наливки поначалу отказывалась — батя когда-то из-за пьянства помер, замёрз, возвращаясь из кабака.

В избе появился белокурый подросток с гармошкой, растянул меха и грянул хор.

От песен перешли к непристойным частушкам. Ада за-хмелела, вспомнила, какие свадьбы играли в их селе на По-кров. Она с другими детьми стояла у плетня и смотрели, как на скрипучем снегу под звонкую мелодию пляшут бабы и мужики. Иногда кто-то выносил детям кулёк со сладостями или звал в избу, но приказывал сидеть в углу, взрослым не мешать. Тогда Ада мечтала, что такая же разгульная свадьба будет и у неё. Но потом, в городе, поняла, что это пережиток. Можно просто сойтись с мужчиной, без глупого венчания и трёхдневной пьянки под гармонь. Перенести свой чемодан-

чик в его комнату в общежитии, как мечтала сделать она после знакомства с товарищем Маузером.

В гостях у него бывала часто, но мужского интереса к ней Яков пока не проявлял. Говорил о том, как много вокруг контры, как трудно сломить характер собственника, чтобы всё обобществить. Он уже многое сделал для революции. Мог бы жить в родной Одессе у тёплого моря, а мотался по всей стране. Где тяжело приходится Советской власти, там и появлялся товарищ Маузер. Под командованием Тухачевского боролся с Антоновщиной в Тамбовской губернии, много бандитов уничтожил. Герой.

Товарищ Яков горячился, ходил из угла в угол, стройный, в гимнастерке, тёмно-синих галифе и блестящих сапогах. Чёрные пряди падали на смуглый лоб. Глаза сверкали. Ада сидела за столом в белой кофточке и короткой юбке, сжав круглые колени. Накручивала на палец кончик золотой косы и вздыхала. Она тоже мечтала о мировой революции, но не меньше о товарище Маузере. Представляла, как убирается в его комнате, готовит ему что-нибудь вкусное, а потом идёт с ним под руку на собрание. А дети не нужны — это мешающее, загаженные пелёнки.

Она вынырнула из воспоминаний. Вокруг ухмылялись румяные рыла кулаков и подкулачников. Жрут в три горла, думала она, а в городе пролетариат, самый сознательный класс, голодает. И как до этого села не добрались продотряды? Излишки зерна и прочих продуктов нужно изъять! Нет, пока рано говорить об этом. Но чем же в колхоз их увлечь, если все и так не бедствуют? В каждом селе при создании колхозов опора коммунистов — голь перекатная, у которой своего хозяйства нет. А кто у чужих в батраках ошивается, обиду затаил на богатеев.

— Если свадьба, где жених с невестой? — наконец поинтересовалась она.

— В город уехали венчаться. К ночи будут, — ответила старушка в синей кофте. — Но без жениха и невесты и впрямь непорядок. Может, кто заменит их до вечерней звезды? За столом посидит, наши здравницы послушает.

— Я бы заменил жениха! — Быстро сказал старик в красной рубахе, который привёл Аду на свадьбу.

— Кто же невестой будет? — Старушка оглядела сидящих за столом девиц. У тех на лицах погасли улыбки, а одна встала и бочком выбралась из избы. Когда выходила, на гостей пахнуло морозной свежестью из распахнувшейся двери.

— Не заменит ли невесту наша гостья? — Старик вежливо поклонился Аде. Той предложение показалось нелепым. Но

тут к ней приблизилась старушка, поклонилась в пояс и попросила:

— Стань невестой, красавица. Заботы мало, чести много.

Откуда-то появился серебряный поднос с рюмочкой, который поднесли Аде. Она хотела было отказать, но решила, что надо потешить местных, чтобы стать среди них своей. Ведь она не взаправду станет невестой, а в шутку, на время, до вечерней звезды.

— Пойдём, нарядим да украсим тебя. — Бабы взяли Аду под руки и повели за собой в боковую комнату. Там, словно нарочно приготовленные, лежали голубой сарафан из плотной ткани, белая рубаша, вышитая голубым шёлком, налобная повязка с речным жемчугом и тонкая белая фата. Ада не успела оглянуться, как оказалась в старинном наряде. Волосы в городе она не остригла, несмотря на моду, — длинные, золотистые, они были заплетены в косу, скрученную в узел на затылке. Бабы косу распустили, расчесали, снова заплели с синей шёлковой лентой. Одна высоким переливчатым голосом пела:

*— Прощевай, милая Снегурушка,
прощевай, белая голубушка,
изо льда твоё кольцо обручальное,
белый снег твоя фата венчальная.*

Другая вдруг заплакала:

— И мою Ульянку так наряжали.

В комнату вбежал весёлый старик в красной рубаше.

— Зачем пригорюнились, бабоньки? Пойдём-ка по селу прогуляемся!

Они вышли к гостям. Белокурый подросток снова растянул меха гармошки, зачастил плясовую так, что на месте не усидишь. Люди толпой повалили из избы на мороз.

Ада не успела накинуть свой тулупчик, но ей было тепло. Пошли под горку к ёлкам.

— Мы икон не чтим, наш храм лес. Если кому кланяться, то солнцу красному, ветру буйному, морозу трескучему, — рассуждал рядом старик в красной рубаше.

— Природа вместо храма — это верно, — одобрила Ада. — Но и её поставят большевики на службу человеку.

— Не хочешь ли в лес прогуляться?

— Сейчас? Ведь уже солнце садится, — удивилась Ада.

— Недалеко, до заветной ели.

И пошли все гурьбой под гармонь. А солнце уже пропало за крышами и небо порозовело.

Аду вели под руки. В какой-то миг гармошка умолкла, и она услышала печальную песню, которую пели провожавшие ее женщины. Тут стало страшно. Куда ведут? Так холодно ногам в сапожках. На голове повязка с фатой.

— Я, пожалуй, вернусь, — сказала она. Но женщины крепче взяли её за локти и ласково заговорили:

— Куда ты, милая? Недолго осталось.

Они вошли в лес и, почти сразу свернув с дороги, очутились на поляне. Там в снег были воткнуты высокие факелы, бросавшие рыжие всполохи на облепленные снегом деревья. Посреди утоптанного круга стояла высокая ель. Сельчане стали украшать её, привязывая к колючим лапам синие ленточки, окручивая нитками стеклянных бус. Снова что-то пели, приговаривали, плясали. Ада вдруг ощутила слабость в ногах и села в снег.

«Почему я пьяная? Ведь только пригубила наливку. Стыдно перед крестьянами. Надо встать. А то скажут: вот тебе и агитатор!» Она ухватила за еловую ветку и с трудом поднялась. К ней подошла старушка в серой кофте:

— Устала, милая? Ты посиди, в ногах правды нет. — Легонько толкнула в грудь и Ада снова плюхнулась в сугроб.

Тем временем сельчане перестали кружиться в пляске и потянулись с поляны. Старушка обернулась к старику в красной рубахе и бросила:

— За сторожа остаёшься. Пока не уведёт Карачун.

Костёр на поляне горел ярко, старик ходил вокруг него, гулко хлопал рукавицей об рукавицу. Остальные шумной толпой направились к селу.

— Дед, помоги мне встать, — сказала Ада.

Дед достал из кармана загодя свёрнутую козью ножку, вытянул из костра веточку, прикурил и снова вернул в костер.

— Дедушка, встать помогите, пожалуйста.

— Зачем?

— Мне в село нужно.

— Там тебя не ждут. Отвели невесту к жениху на пуховую перину.

— Какая перина? Какой жених? Чушь не несите! — Она думала, что выкрикнет эти слова, но язык заплетался и получилось слабое бормотание. Но комсомольцы не сдаются.

— Я замёрзну, отвечать будете по закону. — Она возилась в снегу, жалкая, испуганная. Старик молчал, притопывал валенками. — Антоновцы недобитые. Ямщик знает, что я в Волчьем куту осталась. Меня будут искать. К стенке поставят всех.

— Ничего ты не поняла, красавица. — Весело сказал старик. — Нет нам дела до Антонова. И до товарища Ленина твоего тоже никакого дела нет. Наше село веру древнюю хранит, в других краях позабытую. Свои у нас преданья, свои моления. Зимой приходит в наши леса царь Карачун. В его власти морозы, вьюги, снег. Чтобы озимые не вымерзли, чтобы скотина не вымерла, чтобы народ в целости весну встретил, дарит село Карачуну красавицу. Замерзает девица под ёлкой, берёт её Карачун в жёны.

Он подошёл к снежной бабе, высившейся неподалёку, и стал смахивать снег с её головы.

Ада вдруг увидела синеватое девичье лицо с плотно зажмуренными глазами.

Старик наклонился, набрал горсть снега и грубо залепил лицо умершей.

— Это Ульяна. Девка из нашего села. Не приглянулась она Карачуну. Замерзла быстро, это верно, но морозы продолжали крепчать. Никогда таких не было. Стали мы за озимые хлеба бояться. И решили, что не понравилась Ульянка Карачуну, потому как была чернява. А ему бы с волосами светлыми, с глазами синими, как у тебя.

— И что потом делаете со снежными бабами? — спросила Ада. Она решила не сдаваться сну, говорить, заставляя себя думать.

— Начинает солнышко пригревать, сжигаем мёртвые тела на ложе из хвороста. Поминаем блинами, пляшем.

— Не жалко?

— А вам не жалко? — поинтересовался старик. — В соседнем селе продотрядники всё зерно выгребли, там сейчас с голоду мрут.

— Нечего было прятать от Советской власти. Ради идеи никого не жаль. Ради светлого будущего, — прошептала Ада, и ей захотелось прилечь, провалиться в мягкую одурь.

— Так и у нас будущее — светлей некуда! — весело сказал старик. — Тёплая зима, много снега — богатый урожай. А Карачун славный жених, лучше не сыскать. У него дворцы ледяные по всей Руси стоят. Жёнки в шёлк и в парчу наряжаются. Алмазы, жемчуг, серебро дарит им Карачун. Вместе с вьюгой катаются его бабы на тройках. Кони от северного ветра — поднимают выше леса стоячего, выше облака ходячего.

— Сумасшедшие, — выдохнула Ада.

«Где же вы, товарищ Маузер? Думаете, Ада спит в тёплой избе, а местные крестьяне вступили в колхоз имени Тухачевского? Когда начнёте беспокоиться? Когда отправите людей

на поиски товарища Бравиной? Только вас она вспоминает, замерзая в дремучем лесу».

— У нас в селе все колдовать умеют, потому властей не боимся, — хвастливо сказал старик.

— Мракобесы проклятые.

— А почему Ульянку ни лиса, ни волк не тронули? Потому что Карачуна все звери чтят. И тебя до весны не тронут. Облеплю снежком и будешь сидеть. Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? — Старик склонился к Аде, она ощутила запах водки, чеснока и какой-то нутряной гнили.

— Отойди, старый хрыч.

Старик ударил её дубинкой и крикнул:

— Отвечай: тепло, Карачун, тепло, батюшка!

Боль ощущалась тупо, спасал морок. В чёрном небе уже мерцали звезды и остро сиял месяц. В лесу послышался треск. Ада обернулась на звук. Ей почудились рога, осыпанные инеем, а под ними лицо. Это старик в снеговой шубе. Глаза шальные, руки ледяные.

Её сторож тоже услышал шум и шархнул в сторону:

— Неужто Карачун идёт? Никогда сам не являлся, — хрипло прошептал он.

С низко наклонившихся еловых лап посыпался снег, на поляну вылетел парень. Высокий, плечистый, в руках ружьё.

— Опять девку морозите! — Закричал он. — Управы на вас нет, душегубы!

— Ты чего расшумелся, Ванька? — с опаской, но зло спросил старик. — Благодарю, что мы тебя приютили — беглого бандита, беспачпортного. Нашёл кого жалеть! Это комсомолка из города, колхозы явилась строить. Не её ли дружки твоего батю в Сибирь загнали?

Парень перевёл дыхание, опустил ружьё.

— Помогите, — хотела сказать Ада, но губы шевельнулись беззвучно.

— Плевал я на большевиков. Вы Ульянку, мою невесту, заморозили. Довольно! — Парень снова вскинул ружьё.

— Ульянка была наша, сельская, над ней мирская воля свершилась, — не сдавался старик.

— Дед, я сейчас застрелю тебя, — оборвал парень.

— И что ты с ней будешь делать? Её опоили, не шелохнётся.

Старик отступил за костёр, смотрел, как парень пытается поднять Аду. Та хваталась за его рукава, и сама силилась встать на ноги. Наконец это удалось.

— Думаешь, избавление нашла? Карачун своё возьмёт! — крикнул старик.

— Отдай ей свой тулуп! — скомандовал парень.

— Куда же вы ночью пойдёте? — спросил старик, нехотя снимая тулуп.

— Не твоё собачье дело! — Парень схватил Аду за руку и потащил в лес. — Быстреей, быстреей.

Но бежать они не могли, брели в снегу по колено. Парень сорвал с головы Ады повязку с фатой, бросил в снег. Снял с шеи шарф:

— Голову покрой.

Ада хотела завязать колючий шерстяной шарф под подбородком. Но руки не слушались. Парень сам завязал шарф, сунул концы в ворот застегнутого тулупа, тяжёлого, пахнущего овчиной. В лесу стоял белый мрак, отовсюду торчали изогнутые сучья. Они лезли в лицо, упирались в грудь, цеплялись за ворот, хватали за обувь.

— Ты знаешь, куда идти? — спросила Ада, презирая себя за дрожь в голосе.

— А то. В Каменку.

— Я туда ехала, — вырвалось у неё.

— Зачем?

— По делу. — Она пожалела, что проговорилась. Перед ней был сын ссыльного, беглый, наверное, из кулаков.

— Дед сказал, что ты комсомолка.

— Но ты меня спас.

— Назло им, чаклунам поганым.

— Чаклуны, это кто?

— Колдуют. Всё село может колдовать. Поэтому их даже красные боятся. Морок могут навести.

— На тебя не навели.

— Я сам отсюда родом, знаю их шутки.

Ада бросала на него вороватые взгляды. Искала сходство с теми, кого разыскивает ЧК. Стало рассветать, скоро они выйдут к Каменке, и ей надо решать, как задержать его и сдать в милицию. Жаль, наган остался в тулупчике, а тулупчик в Волчьем куту. Парень ей помог, но ничего личного, у комсомолки — долг только перед Советской властью. Кто знает, чем займётся этот смельчак? Может быть, банду организует, начнёт мстить тем, кто его семью раскулачил.

Совсем рядом послышался вой. Парень оглянулся, как показалось Аде, испуганно.

— Волки? — спросила она.

— Нет, — хрипло сказал он. — Это ублюдки от волка и собаки, которых чаклуны держат. Хозяева течных сук в лесу привязывают. Иногда волки их сжирают, а иногда нет. И потом рождаются щенята. Они лаять не умеют, зато сильнее и хитрей собак.

— За нами идут? — Ада взбодрилась от ходьбы, пот стекал по спине ручейком.

— Приглянулась ты чаклунам.

— У тебя ружьё.

— Оно не заряжено. Я в лесу охотился. Патроны потратил. За припасом в село возвращался. Видишь, поймать нас и без колдовства легко.

Вдруг ельник расступился. Перед ними возвышалась насыпь с верстовым столбом в чёрно-белую полоску.

— Железная дорога, — обрадовалась Ада.

— И что? — огрызнулся парень. — До станции не добежим.

На открытый снег из-под ёлок вывалились несколько мужиков. На дыбы поднимались два оскалившихся серых зверя, но натянутые поводки сдерживали их.

— Не подходите! — Парень поднял ружьё.

— Верни девку Карачуну! — крикнул старик в красной рубахе, на нём был другой полушубок. Видимо, сторож позвал подмогу.

— Не верну!

В него тоже целились. И не из одного, а из трёх ружей.

— Ванька, опомнись. Мы тебе зла не желаем. И девке зла не желаем. Это честь.

Тут грянул выстрел.

— Поспешил ты, — с укором сказал старик одному из мужиков.

Парень упал ничком.

— Её назад поведём? — Один из преследователей указал на Аду.

— Карачуну всё равно, где невеста замёрзнет. — бросил старик. — А ну, давай мой тулуп, голубушка.

С Ады стащили тулуп.

— И сапоги снимите! — Аду повалили в снег и стащили сапоги.

— Сама сдохнет. А Ваньку сожжём, как полагаются.

Двое мужиков подхватили убитого, поволокли в чашу. Ада осталась стоять в сугробе по колено. На ней были только голубой сарафан с рубашкой, чужой шарф на голове и носки. Их когда-то связала матушка из белой овечьей шерсти.

Пошёл снег. Ада почти вползла на насыпь, поднялась и пошла по шпалам, стараясь не попадать на острые камни между ними. Ноги остыли и замерзли так, что сводило болью. Она пошла ещё быстрее и вдруг увидела свою длинную тень на вспыхнувшем снегу. Сзади нагонял паровоз. Ада обернулась, подняла руки, замахала, но тут же поняла, что не увидят её в светлом сарафане сквозь снежную пелену. Громада

паровоза надвинулась, яркий свет ослепил. Ада бросилась в сторону, мимо плыли щелястые теплушки. Всего пять вагонов. Она тянулась к ним, выбежала следом на полотно. Вцепилась в поручень, полезла и упала в открытую дверь. Здесь было темно и холодно. Она села, повела рукой в темноте и наткнулась на твёрдое холодное, ощупала и поняла, что это лицо. В ужасе вскочила.

Состав плавно поворачивал на юго-восток. Месяц заглянул в вагон. Ада увидела у своих ног мертвеца, и в глубине вагона лежали мертвецы. Крайним был товарищ Маузер с белым лицом и чёрными губами. Растрепанные волосы вмерзли в тёмную лужу на полу. Ада закричала и едва не выпрыгнула из вагона, но снаружи тоже была смерть.

«Товарищ Маузер, как вы оказались здесь? Зачем отправились с красноармейцами по лесным дорогам? Наверное, опять банда напала на продотряд. Я думала, вы в Тамбове читаете возле керосиновой лампы. А вы лежите на железном полу бездыханный. Но вы бы сказали: отставить панику, товарищ Бравина. Снимите полушубок с мертвеца, он ему больше не нужен».

Состав катился, вздрагивая на стыках рельсов, и месяц прыгал следом, как заяц. Слезы катились и ресницы обмерзали. Не спать, не спать...

Огоньки в щелях теплушки, много света снопами из темноты.

— Смотрите, девка.

— Замёрзла?

— Живая, в чём душа держится. Так с мёртвыми и ехала.

— Может, у неё тут свой кто-нибудь? Ты чья будешь?

— Не помню... — мычит она. Но кто-то её узнаёт.

— Это Коровина. Наша, с Узварово.

Куда-то несут, растирают окаменевшие ступни, мнут занемевшие руки в горячих ладонях. Но ей уже жарко, она бежит по лесу, а позади бегут чаклуны и волки. Где-то за высокими ёлками хохочет огромный старик с дикими глазами:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

В мёрзлом вагоне индевеют мёртвые красноармейцы. Железный пол, кровавый лёд. Прыгает месяц вслед за вагоном. Несёт угольным дымом от паровоза — чёрным в чёрную ночь.

Но вот за окном весеннее солнце, дрожит ветка с молодыми листьями.

— Дунька, ты где была?

— Не знаю.

Свесив ноги в валенках, она сидит на полотах и сосёт карамельного петушка. Мать тащит из печи противень с караваем, согнув худую спину. На печи не страшно, сюда не сунется Карачун. В подпечье хрюкает поросёнок. По полу прыгают козлята.

— Дунька, на улицу выйдешь?

— Зябко.

— Когда ж ты согреешься? На, хлебца пожуй, горемычная.

ЗДРАВСТВУЙ, БАБУШКА!

— Надо готовиться, — строго произнесла остроногая, с лицом, будто сжатым в кулачок, Зинка Лебеда. И сидящие за столом бабки закивали. Речь шла о лежавшей при смерти соседке Елене Егоровне. Зинка Лебеда — её двоюродная сестра, считала своим долгом организовать родственнице достойные похороны. Старая дева, церковница, она всю жизнь крутилась около смерти — обмывала, читала, отпевала, и потом с азартом обсуждала покойников и похороны, приметы, при этом случившиеся, и сны про усопших, по которым можно было судить, куда они угодили — в райский ли сад или в геенну огненную, где червь неумирающий и огонь неугасающий. Шла молва, что у самой Лебеды под кроватью стоит гроб, и как-то забравшийся в дом воришка, узрев хозяйку, в нём лежащую, постыдно бежал. Лебеда точно знала, что если привидевшийся во сне покойник просит есть, ему необходим помин, если одет в новую одежду, то ему на том свете хорошо, а если в лохмотья, то плохо. Говорили, что каждый правитель перед тем, как преставиться, непременно снится Лебеде и просил у неё блинов, поэтому Лебеда узнавала о переменах в Кремле прежде самих правителей.

Теперь Лебеде казалось важным, чтобы никто не осудил её саму, и двоюродную сестру погребли чин по чину. Всем в деревне известно, что если покойника хоронят под марш, то его душа поневоле пляшет вприсядку вслед за процессией — такое видение не раз представлялось прозорливым старцам. Поэтому хоронить подобает под молитвенные песнопения и причитания.

Зинка посовещалась с подружиями из церковного хора — толстой хитроглазой Татьяной Лисевой, кряжистой смуглой Дуней Ромашкиной и тихой белесой Марьей Просвирней, и было решено, что следует заранее попеть и поголосить.

— Репетиция! — уточнила Татьяна Лисева, завклуб на пенсии, и сейчас любившая всяческие мероприятия.

— А не грех ли? Жива ведь ещё Егоровна... — Заметила основательная Дуня Ромашкина, ради богоугодного дела оторвавшаяся от своего гигантского огорода.

— А потом поздно будет! — вспыхнула Лебеда. — Надо, чтоб люди добрые не хаяли нас, и новый поп не казнил!

Молодой священник прибыл в село на днях. Его ждала маленькая уютная церквушка и хор, состоящий из старух, что немного смутило матушку, окончившую школу регентов в Троице-Сергиевой лавре и мечтавшую о хрустальных голосах юных учениц. А здесь пели, как бог на душу положит, и мотивы порой напоминали небезызвестные народные — «Когда б имел златые горы» и «Выплывают расписные». Лебеда, много лет руководившая хором, увидела в матушке конкурентку, и на грядущих похоронах намеревалась показать, в том числе, и свои певческие способности.

Дом Лебеды соседствовал с домом её болящей сестры. Елена Егоровна слегла два дня назад и сразу заговорила о смерти, мол, чувствует, что скоро отдаст богу душу. Недаром и соседская собака сутками воет, уставившись на её окна, и часы сломались, и могила покойного мужа просела, словно ждёт второго гроба. И хотя молодой батюшка говорил, что все суеверия — чепуха, Елена Егоровна впала в уныние — уж больно много совпадений. Она пособоровалась, достала из глубины огромного старинного шкафа смертное — новое бельё, платье, тапочки. Попросила Лебеду пока не тревожить сына и невестку, а тем паче внука Мишеньку, но быть начеку. И теперь, чистая и благодная, лежала на кровати, устремив взор в потолок, но смерть не шла.

Елена Егоровна старалась настроить себя на возвышенный лад. Она надеялась, что встретится в раю со своими родичами, но в покойном муже уверена не была. И теперь её тревожила мысль — видно ли сверху, из небесных садов, глубины, где мучаются грешники. Она уже несколько раз складывала руки на груди и украдкой косилась по сторонам — нет ли рядом самой Смерти, которая некоторых посещает загодя, в облике высокой женщины, но ежели о ней никому не рассказать, можно прожить ещё долго, а уж коли сболтнёшь, кончины не миновать.

Стояла гробовая тишина. Вдруг откуда-то из глубины трёхкомнатного дома донеслась приглушённая, но развесёлая мелодия:

*Как получим диплом, гоп-стоп-дубай,
махнём в деревню.
Соберём чуваков, гоп-стоп-дубай,
распашем землю.*

*И будем сеять рожь, овёс,
ломая плуги.
Опозорим колхоз, гон-стоп-дубай,
по всей округе.*

Елена Егоровна приподнялась и огляделась. Старушка крайне благочестивая, она ни радио, не телевизора в избе не держала, считая, что подобная техника — от дьявола. И совершенно точно знала, что петь здесь некому. Но если это предвестие смерти, то за её душой точно идут не ангелы. Она представила, как из тёмной норы под домом, припрыгивая на козлиных копытцах, приближается когорта бесов, бречащих на балалайке, наяривающих на гармошке и насвистывающих на дудке — а какие ещё бесы могут быть на Руси? Её объял страх. Бедная Елена Егоровна вскочила с постели, сунула ноги в тапочки, схватила бадик для опоры и покинула дом. Она спешила к людям. На миру и смерть красна.

В это время в соседнем доме начиналась репетиция её похорон. Старушки уже основательно спелись, умилились, прослезились и Лебеда начала голосить:

— Ох, сестрица родная, на кого ж ты меня покинула?

— Стоп! — внезапно прервала её Татьяна Лисева. — Не верю!

Личико Лебеды ещё больше сморщилось от огорчения:

— Это почему же?

— Без чувства воешь. Как на зарплате!

Лебеда тяжело вздохнула и едва начала:

— Ох, горе-горькое, беда неминуемая...

Но подруги уже вместе замахали руками:

— Не так!

— Не то!

— Да чего же вам нужно? Или как в сериале?

Тут Лебеда, кстати, вспомнила одну псевдоколхозную эпопею, где молодуха хоронит мужика, убитого бандитами, аккуратно рванула блузку на груди, прижала кулак ко лбу, тоненько взывала без слов, а потом с надрывом выговорила:

— За что же мне это? Сестрица милая, сколько пережили с тобой — и войну, и голод, а преставилась ты...

— В перестройку! — подсказала Лисева, которая выписывала газету «Советская Россия» и точно знала, кто во всём виноват.

— Какая перестройка? Она закончилась давно. Сейчас стабильность! — поправила заядлая телезрительница Провирня.

— В стабильность померла, — неуверенно закончила Лебеда. — Не звучит как-то...

В это время Елена Егоровна, которая домой возвращаться боялась, обошла двор и решила проведать сестру. Она побрела к калитке Лебеды, когда слух её был поражён звучащими из открытого окна, завешенного кисейной шторой, воплями и молитвами.

— Неужто преставилась Зинаида? Но ведь только утром навещала меня, — ужаснулась Елена Егоровна. — А мне не сообщили — наверное, решили больную не тревожить.

Она собралась с духом, чтобы войти, но тут услышала разговор — в комнате явно находились несколько человек.

— Зина, а дом-то Елена кому подписала? — спрашивала, судя по голосу, Татьяна Лисева.

— Внуку, — ответила Лебеда. И Елена Егоровна порадовалась, что двоюродная сестра жива.

— Если захочет продать, пусть скажет мне — я дочке куплю, — продолжала Татьяна.

— Он продавать не станет, хочет после армии сюда вернуться. Родители у него в райцентре, а он, вишь, у бабки жить привык. Елена говорит, фермерством займётся. Малый работающий — сейчас отцу помогает скважины на воду бурить по всей области.

Елена Егоровна довольно улыбнулась. Семнадцатилетний внук и правда всем вышел — хозяйственный, добрый и умом Бог не обидел. Когда бы ни приехал, что-нибудь ей дарит. То кофту новую, то сапоги, то шаль. И продукты возит.

А в избе Лебеды тем временем продолжалась беседа.

— У Егоровны много вещей знатных — я помню, — пискнула Просвирня. — Ты шальку её мне не отдашь? Егоровна говорила, что с Москвы внук привёз, узор на ней очень красивый.

— А вот и отдам! К чему жадовать? — заявила Лебеда.

Елена Егоровна за окном нахмурилась и крепче сжала бадик, служивший её опорой.

— А пальто? — поинтересовалась Лисева.

— А сапоги? — пробасила Ромашкина.

— Я вас не обижу. Всем буду распоряжаться. Внуку её тряпки ни к чему. Наверняка дом сторожить попросит, я туда квартирантов пушу или запасы хранить стану. Но что-то мы заговорились. Надо же отпеть Лену честь по чести.

И хор с чувством завёл «Со святыми упокой».

Елена Егоровна, от возмущения ощутившая необыкновенный прилив сил, решительно распахнула дверь, в два шага миновала коридор и вступила в комнату, подняв бадик над головой:

— Живую хоронить вздумали! Ах, бесстыжие! Добро моё делят загодя!

Просвирия аж покати́лась с лавки. Ромашкина в страхе крестилась. Лисева схвати́ла со стола тарелку и закрылась ею. Только Лебеда не оробела:

— Так мы же ради тебя стараемся! А что до тряпок — к чему они тебе там-то нужны будут? И дом? Но ты, вижу, на поправку пошла, садись, чайку налью.

— Не стану я твой чаёк пить, — многозначительно произнесла Елена Егоровна и вышла. Дома она нагрела чайник, достала любимую чашку, положила на блюдце горсть конфет и собралась полдничать. Как вдруг снова глухо, дико зазвучало:

*Как получим диплом, гоп-стоп-дубай,
махнём в деревню.
Соберём чуваков, гоп-стоп-дубай,
распахнем землю.
И будем сеять рожь, овёс, ломая плуги.
Опозорим колхоз, гоп-стоп-дубай,
по всей округе.*

Но Елена Егоровна уже ничего не боялась. Грозно стуча бадиком, она обошла комнаты, заглянула во все углы и вычислила, что разухабистая песня доносится из шкафа. Хозяйка рывком распахнула дверцу. Третья полка, считая сверху, забитая стопками полотенец. Елена Егоровна перекрестилась и сунула руку в пропахшую нафталином глубину. Под ладонью задрожало что-то холодное, плоское. Она ухватила и вытащила на свет божий штуку со светящимся экранчиком, на котором мигала надпись: «Мишка». Ну, конечно, мобильник! Недаром внук в последний приезд учил её пользоваться телефоном, а она отмахивалась. Значит, оставил сюрприз. Она поднесла к уху аппарат, нажала нужную кнопку, неуверенно произнесла:

— Алло...

— Бабушка, бабушка, я тебе весь день звоню! Думаю — когда же найдёт мой подарок? Здравствуй, бабушка!

СНОБ

— Фу, беспородный! — Высокий мужчина притопнул на Шарика, который доверчиво виляя хвостом, приблизился к нему по осенней аллее.

— Вы что? — возмутилась Вера. Своего пса она взяла из приюта, но вовсе этого не стыдилась.

— Я же не ударил. Просто неприятно, когда рядом вертится такое убожество.

— А вы, наверное, аристократ? Трудно живётся в хрущёвке? — усмехнулась Вера. Она пару раз замечала, как мужчина выходит из соседнего дома.

— Хрущёвка — это временно. Я думаю о поместье на участке собственного леса, — заявил незнакомец и окинул её холодным взглядом серых глаз. Мужчина был хорош, но немолод — около пятидесяти лет. Вера в свои тридцать пять считала этот возраст рубежом между зрелостью и старостью.

Чёткие черты загорелого лица, тёмные брови вразлёт, короткие густые волосы с проседью, как волчий мех. Чувственные губы незнакомец сжимал в тонкую линию, возможно, потому что не желал демонстрировать ни малейшей мягкости. Джинсовый костюм, кроссовки. Джинса молодит. Фигура статная, наверное, когда-то увлекался спортом.

— Не стоит размениваться на посредственное. Нужно быть выше толпы, — продолжал он пафосно.

— И в чём это выражается? — Она подняла брови. Может быть, незнакомец — поэт? Такому, наверное, неуютно в их скромном городке.

— Например, вот моя машина. — Он махнул рукой в сторону стоянки, где тускло мерцал серебристый спорткар. — Скорость 270 километров в час. Таких в нашем городе только три. На трассе остальные тачки расступаются в стороны, как только завидят её хищную морду. На улицах люди шеи сворачивают, когда я еду. Это мой единственный друг. Кстати, как вас зовут?

Они представились друг другу.

Вера не разбиралась в машинах, но её заинтересовал сам Владислав или просто Влад. Он показал ей своё приобретение, стряхивая невидимые пылинки с серебристой краски. Вера изобразила восхищение. Но поняла, почему таких машин мало в городке. В салоне поместятся только двое. Мест для семьи, большой компании и даже для багажа — нет. Низкая, на грунтовой дороге машина пересчитает днищем все кочки. Сокровище Влада было вопиюще непрактичным и подходило, скорее, мальчишке-мажору, который хочет пустить пыль в глаза ровесникам.

— Эта машина выражает мой характер, — откровенничал Влад.

Какая философия заключалась в вытянутом капоте и маленькой кабине, он не уточнил. А если говорил о скорости, невелика честь обгонять местных обывателей, подумала Вера. Здесь не «Формула-1».

Название машины ничего ей не сказало, но дома она нашла его в поисковике, вышло немало ссылок и фото. Одно показалось знакомым — это был региональный сайт продажи подержанных машин, и там красовался спорткар, которым хвастался Влад. На фотографии из салона мелькнула знакомая наклейка с мордой монстра. Вверху подвеска — крошечный футбольный мяч. Цена была довольно низкой, а под картинкой надпись: продано. Видимо, объявление вот-вот удалят. Вера поняла, Влад не мог позволить себе машину с конвейера, поэтому купил подержанную.

Разумеется, при следующей встрече она промолчала о своём открытии. Поговорили о новостях, но Влад быстро вернулся к любимой теме.

— Брендовые вещи — показатель статуса. Я ношу только фирменное.

— Почему он любой разговор сводит к покупкам? — удивлялась Вера.

По её мнению, быть выше толпы означало не подчиняться диктату общества, иметь собственное суждение обо всём, наконец, реализовать себя как талантливый человек в сфере искусства, бизнеса или политики.

Конечно, если бы Влад не был высоким и симпатичным, она бы не слушала его подолгу. Но у него был медальный профиль и косая сажень в плечах, любой вздор из уст такого мужчины ласкает женский слух.

— Как наивно он хвастается, — думала Вера с улыбкой.

— Дорогие вещи без слов транслируют, что перед вами VIP-персона. — Влад поправлял новую куртку. Да, красивую. Но разве не такие же продают на местных рынках? Вера не могла по достоинству оценить его покупки. Она начала проникаться осознанием собственной серости. Ну правда, разве трудно зайти на сайты, где пишут о моде? Разве сложно самой закупить фирменных шмоток? Вера была достаточно обеспеченной, но не придавала особого значения одежде и аксессуарам. И если сидела в интернете, то на сайтах, посвящённых искусству.

А не презирает ли её Влад в глубине души? За обычные вещи, за незнание трендов и брендов?..

Через несколько дней, гуляя по центру городка, она заметила своего знакомого. Влад вышел из своей забавной машины и нырнул в одну из дверей старинного здания. Двухэтажное, облезлое, оно сохранилось с дореволюционных времён, и кто только не занимал его комнаты — чайная лавка, парикмахерская, химчистка, пивная. Над дверью не было вывески, но холодный свет потолочной лампы за мутным стеклом сигнализировал — здесь разместилась организация.

Вера отошла к киоску с газетами и стала искоса наблюдать. Наконец мужчина появился с большим пакетом и зашагал мимо, словно поглощённый мыслями о своём приобретении. Заинтригованная Вера перешла дорогу и медленно открыла дверь. Может быть, там продают что-то полезное? Навстречу пахнуло тухловатой духотой. Кондиционер не работал. Повсюду стояли коробки с яркими, смятыми вещами. Слева и справа на длинных вешалках висели вперемешку кофты, джемперы, брюки разных размеров, мужские и женские. В центре пёстрого царства суетились две продавщицы, одна пожилая с помятым лицом, другая молодая, бледная, с кругами под глазами.

— Здравствуйте. Это благотворительный фонд? — поинтересовалась Вера. Она решила, что груда поношенных, но чистых тряпок собрана для неимущих пенсионеров или многодетных семей.

— Добрый день. Здесь секонд-хенд. — Пожилая продавщица выпрямилась, утирая пот со лба.

Вера брезгливо коснулась мятого ценника на кофте с растянутыми рукавами. Оказалось, стоит эта потрёпанная дерюжка около тридцати тысяч. Продавщица пояснила:

— У нас только фирменные вещи.

Вера представила, как от этой кофты избавляется американская домохозяйка или как родственники умершей женщины сбывают с рук старую вещь, чтобы не напоминать об утрате.

Она отдёргнула руку. Но один плащ показался ей красивым. Вера взяла его, зашла в раздевалку, накинула на плечи. От ткани шёл тот же тухловатый запах, что и от остальных вещей. Вера поморщилась, сняла плащ, поспешно вернула на вешалку. Это хранилище понтовых обносок вызывало у неё отвращение. Лучше она купит обновку в обычном магазине, чем станет донашивать за незнакомцами. К тому же ей было непонятно, в чём ценность фирменных вещей, почему надо гнаться за ними, гордиться ими, страдать без них? В качестве? Но чем отличается вот эта белесая маечка, сшитая в Финляндии, от такой же майки из Иваново? Надписью на этикетке?

Влад, не имея возможности покупать новые фирменные вещи, ходил за ними в секонд-хэнд, брал ношенные иностранцами или богатыми русскими. В одежде с чужого плеча стареющий красавчик чувствовал себя респектабельным джентльменом или играл роль, ведь сам-то знал, где купил свой гардероб.

— Да, я понимаю, что у него комплексы, что он самоутверждается, но мне нравится его внешность, — делилась Вера с подругой.

— Знаешь, как это называется? Эмоциональное обслуживание. Ты тратишь на него время, а есть ли смысл? — спрашивала практичная собеседница.

— Мы просто болтаем, — оправдывалась Вера.

Когда речь зашла о личной жизни, Влад тоже не ударил лицом в грязь.

— В начале «нулевых» мной увлекались победительницы конкурсов красоты. Например, мисс Саратов. Я учился в этом городе. Но тогда мне дала отставку дочь местного олигарха, а я из принципа решил жениться на ней. Завоевать «золотую девочку» оказалось сложно, но вскоре после свадьбы она наскучила мне. Потом были ещё два брака. Теперь я свободен и связываться с кем попало не намерен.

— Вам нужна особенная женщина, — униженно поддакивала Вера. Понимала, что Влад заметил её симпатию и сразу дал от ворот поворот. Она злилась, но не могла победить завистности от случайного знакомого. Пыталась представить себе его новую спутницу. О, это должна быть интеллектуалка и красавица, типа начинающей преподавательницы университета или молодой, но уже состоявшейся бизнес-леди. Гордая и холодная, как он, безупречно стройная и шикарно одетая. Ведь у него такие запросы!

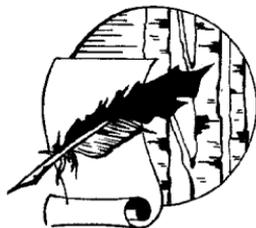
И грянул гром. Вера увидела Влада под руку с высокой блондинкой. Пухлые гиалуроновые губы, татуаж бровей и прочий «улучшайзинг» были налицо, этого и следовало ожидать.

Влад едва заметно кивнул Вере, впрочем, кивок мог предназначаться старухе, которая сидела рядом с ней на лавочке. По спине блондинки спускалась длинная толстая льняная коса. Вера тяжело вздохнула. Старуха проводила парочку цепким взглядом, а потом обратилась к Вере.

— Видела? Повёл свою. Тут в соседней квартире шалман был, проститутки жили. Уж как мы боролись с этим безобразием, заявления писали. Наконец, куда-то перебрались. А эта краля у них «мамкой» считалась. Ох, и бывалая... Он-то знает?

— Знает. Он любит подержанные вещи, — с деланным равнодушием заметила Вера. — Но коса у неё красивая, правда?

— Искусственная, как моя челюсть, — ухмыльнулась старуха.

Андрей ПОПОВ

И МОЛИТСЯ ДУША...

* * *

Слишком много страха и сомнений,
Слишком мало правды разглядишь...
Ночь приходит —
И шагают тени
В бледный свет приютов и жилищ.

И в квартирах страсти и разлуки
Начинают с ясным днем расчет,
И шумят от пустоты и скуки,
От ничтожных мыслей и забот.

Кто-то, может, вспомнит, что в начале
Было Слово, а не хлеб и сон?
Для кого написаны скрижали
Воли Божьей.
Для каких времен?

Слишком много ночи и разлада,
Только, может, на сердечном дне
Зажжена смиренная лампада
О прошедшем безвозвратно дне.

* * *

Пост Великий! И деньки вешние.
А с утра душа болит — мается.
И стоят на исповедь грешные,
Потому что надо им каяться.

Их не радуют что-то новости,
Ускользает, словно дым, истина,
Не выходит у них по совести,
И тогда лечит душу исповедь —

Не от бедности, не от вируса,
А недуги лечит сердечные.
И на грешников смотрят с клироса,
Не святые смотрят, а певчие.

И у них не всё в жизни сходится,
И они порой тоже падают.
Но им скоро петь Богородице —
Богородице Дево, радуйся!

Петь, что радость придёт нездешняя —
О земном только зря хлопчете...
И пришли на исповедь грешные,
И я тоже встал, грешный, в очередь.

* * *

Мобилизацию Бог объявил.
Что же рассеян ты, скуп и уныл?

Что-то не понял из прожитых лет?
Выкинь подальше свой белый билет.

И толерантность гони. Это долг.
Не театральное шоу, не торг.

И не плацкарта куда-то в Ростов.
Это повестка. Ты — воин Христов.

Время поступков. Не греческий миф.
Веры, любви и надежды призыв.

Вечность ведёт тебя за горизонт.
Душу спасай. Собирайся на фронт.

Время поступков, молитв, блокпостов.
Мобилизация, воин Христов!

* * *

Приходит час.
И время станет строже.
И остановит ход своих минут.
И мертвые услышат голос Божий —
И оживут.

Приходит час.
Пусть время еще длится.
Года уже, как будто миг, бегут.
И прах людской готов восстать в гробницах
На Страшный суд.

Мир раздражён,
Тревожен, ненадёжен —
Ему уже мечталось — и не раз,
Чтоб мертвых разбудил бы голос Божий
В последний час.

ВАСИЛИЙ БЛАЖЕННЫЙ

Плакал он возле жилищ лиходеев —
Жизнь их сгорит, словно в печке полено.
Скорбные ангелы в воздухе реют...
И целовал неприступные стены.

Может быть, ныне глядит он на дачи
И на дворцы, что сгорят, как солома.
Снова об ангелах скорбных заплачет...
Может, стоит он у вашего дома...

* * *

То зимой — дождь внезапный, то летом — снег.
Произвол полуправды и мелодрам.
И поэтому строю для нас ковчег,
Чтоб спастись можно было однажды нам,

Чтобы выплыть по смутным, как дни, волнам
К берегам надежды в постпотопный век.
Хоть на Ноя всегда находится хам,
Часто даже самый родной человек.

Верю, это не ты. Только ты верна.
Дождь польёт зимой, летом выпадет град.
И река войдет в город. Сгорит закат.

Небо вздрогнет. Коснется судьбы война.
И сожмётся время в беду, словно в ком.
«Есть у нас спасенье, — скажу я. — Идем!»

* * *

Птицы знают много о войне...

Наталья Зонова

Птицы знают больше о войне,
Чем в боях бывалая пехота,
Чем о ней понятно старшине,
Целям минометного расчета.

Разве можно разглядеть в окне —
В узкой щели дзота или дота,
То, что ясно только в вышине,
С точки зренья птичьего полёта?

Птицы видят пули и слова,
Как от залпа дальнобойных пушек
Не одна слетает голова,

Как растёт могильная трава,
Как рыдает юная вдова,
Как идут по сводам неба души.

* * *

Кто с расчетом, кто в хмельном запале,
Кто лишь за скупую похвалу
Предали Россию и продали —
И отдали мировому злу.

Предали таланты и вельможи,
И пропали бы — еще чуть-чуть...
Но война священная поможет
Нам из плена Родину вернуть.

Время неминуемой расплаты,
И в жестоком яростном бою
Возвращают юные солдаты
Преданную Родину мою.

Нет в округе доброго соседа,
Друга нет — лишь армия и флот.
Только верю, что грядёт Победа,
Русская Победа вновь придёт.

МОЛИТВА О РОССИИ

Помилуй, Россию, Боже — звезды ее и восходы,
Песни ее и молитвы, чистые души и воды.
И в трепет неодолимый введи чужие народы.

Познают они могущество крепкой Твоей десницы.
Возобнови знаменья — и жизнь наша возобновится
На землях и океанах, в селах глухих и столицах.

Наполни нас обетованьем — каждого и любого,
Найдут чужеземцы гибель на всех военных дорогах.
Познают, как мы, что кроме Тебя, нет иного бога.

И время ускорь, и вспомни страну святых и юродов,
Ратников, пятилеток, оратаев, газопроводов.
В трепет введи, Милосердный, ревность чужих народов.

* * *

Качнулось небо, как ладья
От всплеска моря у причала.
И ты проснулась от дождя,
О странном сне мне рассказала.

И в тихом голосе твоём
Мелькнула вера, как зарница...
И сон, разбуженный дождём,
Решил, что надо завтра сбыться.

* * *

Ненастный день — как ни смотри в окно,
Сплошная осень в нем неустраима.
Зато у нас с тобою есть вино,
И книги о любви необъяснимой.
Давай мечтать — небесным городам
Придумаем названия и детали.
И осени тебя я не отдам,
И ты не отдавай меня печали.
Давай гулять, где невозможна тьма,
Крутить обратно стрелку часовую.
И буду от тебя я без ума.
И в утренние губы поцелую.
Пусть осень и похожа на вдову,

Короткий день исчез в сырой аллее,
Пусть век ненастный — но еще живу.
И ты жива.
Что может быть светлее?!

* * *

Кто с утра выбивает мне двери?
Может, это ревнивый дурак?
Может, это не люди, а звери?
Кто долги не простит мне никак?

Не дает говорить с облаками,
Прерывает свободную речь.
Это чей из-за пазухи камень
Или чей из-за пояса меч

Дверь громит? Так не в силах соседи.
Может, тролли зырянской тайги?
Кто мешает небесной беседе?
Кто никак не простит мне долги?

Кто смущает мой чувственный трепет,
Что теряю от смыслов ключи?
Может, это Клааса так пепел,
Как патруль полицейский, стучит?

Кто стоит над моею душою
И не хочет простить мне вину?
Двери я осторожно открою,
И смотрю, как в беду, в тишину.

* * *

Ни в птице, что летит, крылом касаясь лета,
Ни в утренней звезде, ни в памяти времён,
Ни в книгах мудрецов не отыскать ответа,
Ответа не найти — зачем я был рождён?

И только самому врати душою надо
В звериную тоску, в распутия дорог,
В нежданную любовь, во все сомненья ада
И в городскую мглу, и в полевой цветок,

И в горькие слова, и в роковые числа,
И в облако надежд, что на семи ветрах.

И молится душа от осознания смысла —
Из праха рождены, чтоб возвратиться в прах.

И молится душа, что всё на свете этом
Уходит навсегда,
Предчувствуя свой срок —
И птица, что летит, крылом касаясь лета,
И городская мгла, и полевой цветок.

Чего же ты хотел? И твоего ухода
Ждут листопад и дождь, зарницы и мороз.
И молится душа. И говорит погода.
И трудно разобрать ответа на вопрос.

* * *

Деревня потихоньку гибла
От дураков и от дорог.
Деревне не хватало гимна,
Высокого, как сена стог.

Простого, словно день недели,
Родного, как коровий рёв —
Чтоб гимн бы этот все запели —
Все семь оставшихся дворов.

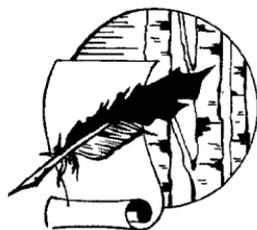
И от мелодии душевной
Смог осознать любой дурак,
Что гибнет русская деревня,
Но не сдаётся, как «Варяг».

* * *

Природы непонятная ошибка
Или ее таинственный расчёт —
Разбитая и клеенная скрипка
Звук более глубокий издаёт,

Чем новый инструмент.
И звук так чуден!
И слушаешь, и лечишь свой разлад...
Разбитые и клеенные люди
Бессмертными стихами говорят.

г. Сыктывкар

Олег ИГНАТЬЕВ

КРЕСТИЛЬНАЯ РУБАШКА

БАЛЛАДА О ЯБЛОНЕ

Когда запоздалым утром враги покидали город
Разграбленный и разбитый, познавший свою беду,
Они убивали кошек и жгли на пути заборы,
И только один каратель работал в чужом саду.
Он, видимо, был садовник, поскольку легко и точно
Обычным ножом солдатским обрезал фруктовый ряд,
И только у самой крайней, у яблоньки худосочной
Топтался довольно долго, хозяева говорят.
Он хитро пометил ветви, какие-то почки срезал,
Каким-то ему известным раствором смочил кору
И, хлопнув тугой калиткой, обитой листом железа,
Ушёл догонять собратьев по плахе и топору.
Он был золотым, тот немец, умельцем в своей округе,
Но лучше б не знать об этом! О, если бы раньше знать!
У яблоньки через годы, сквозь грозы, дожди и вьюги,
На свастику стали ветви похожими отрастать.
Они пучеглазо-нагло торчали в саду весеннем,
От них отлетали пчёлы, гудящие, как сверло,
Они отдавали силы крапивному запустению,
Им руки арийской шуткой, как судорогой, свело.
Я знаю, страданье можно почувствовать даже взглядом,
Но как передать страданье раненного ствола?
От ветра темнело небо, и лист одинокий падал
На будку глухой дворняги, и снова метель мела.
Хозяин махнул рукою — не дерево, а досада!
И мы обломали сучья, раскачиваясь на них.
А яблоне только это, наверно, и было надо...
О, как она плодоносит, ожившая для живых!

* * *

Ловя себя на выдохе ли, вздохе,
Осенним осыпaeмый листьём,
Я думаю, что нет такой эпохи,
Которую мы не переживём.

Все переждем, сдужим, ододем,
Рожая и крестя своих детей
С молитвой неизменной: «Святый Боже,
Спаси нас, грешных, милостью Своей».

* * *

Мне о счастье пели ковыли
В том степу, где всё для сердца мило.
Вот и жизнь всходила от земли,
Песенной исполненная силы.

С детства мне по вкусу молочай,
Корень камыша, паслён и кашка.
Славный мой, солончаковый край,
Ты — моя крестильная рубашка!

Память о минувшем распросив,
Сидя на завалинке у хаты,
Вижу, как бы ни был мир красив,
Сельские красивее девчата.

Может, наше небо ближе к ним,
Вишен и акации цветенье?
Красоты секрет неизясним,
Как неизяснимы сновиденья.

Только жизнь моя отнюдь не сон,
Хоть и были в ней свои химеры.
В этом тоже тайный есть резон,
Чтоб смотреть на мир глазами веры.

Вот мне и подумалось о том,
Что по жилам кровь течёт не пресной.
И что Русь извечно со Христом
Распинаема, чтобы воскреснуть.

* * *

Цари, священники, пророки,
Ткачи, жнецы и мукомолы,
Мы все, как бы в одном потоке
Одни используем глаголы,

Когда творим свои молитвы
И просим Божеской защиты
Всем воинам на поле битвы,
Теснящим вражеских наймитов.

Всем людям, Господу известным
С рождения и до кончины,
Кто силе радуется крестной
И не привык менять личины.

Кто не шагает с ветром в ногу,
Уныло опуская плечи,
И, если падает пред Богом,
То и встаёт Ему навстречу.

Кто знает: нет молений лишних,
И мысль заветную голубит:
Как мы ни любим наших ближних,
Господь их всё же больше любит.

* * *

Я думаю, что каждый знает,
Будь нищий он иль толстосум:
Не ум душою управляет,
Душа ответчица за ум.

О камни биться и о скалы
Удел волны, чтоб сильной стала.
Вот и Россия бьётся снова
За свой удел и Божье слово.

И вновь звучит подсказкой строгой
Один завет из прошлых лет:
Где нет любви и веры в Бога,
Там и в бою победы нет.

* * *

Год за годом — срок не мал...
Вечером сиреневым
Приплетаюсь на вокзал
За прошедшим временем.

Сколько видел мир земной
Демонов да идиолов,
Но, узрев тебя со мной,
Люто позавидовал.

Позавидовал, да так,
Что однажды вечером
Умыкнул тебя сквозняк,
Налетевший кречетом...

Вспоминаю образ твой
Неизменно девичий
И вздыхаю, ангел мой,
Сам себя жалеючи.

На ветру знакомый клён
Слипой обнимается...
С глаз долой! Из сердца вон!..
И — не получается...

* * *

Пролетье — ни лето, ни осень.
Туманом повитые дни.
Кору белолисток и сосен
Закатные красят огни.

Обычно в такую погоду,
Сердечную близость храня,
Ко мне собираются годы
И, молча, жалеют меня.

Как будто они понимают,
Что осень приходит тогда,
Когда о тебе вспоминают
Все те, кто ушёл навсегда...

г. Москва

Галина ПЫРХ,
член Союза журналистов России,
директор Межрегионального правозащитного центра
«Соотечественник», г. Новосибирск

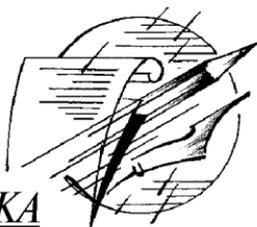
КАРАТЕЛЬНАЯ ПСИХИАТРИЯ — ОРУЖИЕ ЮВЕНАЛОВ

1

Напомню вкратце эту историю, ранее описанную мной в нескольких статьях. Почти два года тому назад, в октябре 2021-го, мальчик из многодетной семьи по имени Андрей украл у своей матери все ее золотые украшения. Отец его сурово наказал. В школе учителя заметили у него синяк и, вместо того, чтобы созвать педсовет, поговорить с родителями, попытаться выяснить, куда 9-летний ребенок девал украденное золото, тут же позвонили в полицию, департамент образования, в отдел опеки Дзержинского района Новосибирска.

Отец, Денис Б., на следующий день сам пришёл в школу, чтобы поговорить с учителями и объяснить причины случившегося. Но было уже поздно.

Через несколько дней, 11 октября, инспекторы ПДН и сотрудники опеки самоуправно, не имея на руках постановления главы администрации района об отобрании ребенка, не поставив в известность родителей как законных представителей, фактически выкрали мальчика из школы, провели экспертизу и так же без необходимых по закону документов передали его в ГБУ СРЦ «Виктория» — для детей, оставшихся без попечения родителей.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Спустя три дня отец был арестован у себя дома, причем арест проводился максимально грубо, с избиением, что нанесло тяжёлую психологическую травму его детям — 15-летней дочери и 5-летнему сыну, а также их беременной матери Юлии.

В тот же день при участии Уполномоченного по правам ребенка в Новосибирской области Болтенко Н.Н. была развернута настоящая кампания по дискредитации родителей. Однотипные материалы, в которых отец был представлен садистом-извергом, истязавшим невинного ребенка, вышли практически одновременно в 16 средствах массовой информации — городских, региональных, соседних — Бердска, Искитима, Омска, а также в федеральных. На следующий день эта же информация, с такими же обвинениями в «семейно-бытовом насилии», вышла еще в 8 СМИ. Тогда же Уполномоченный по правам ребенка в НСО провела встречу с начальником департамента образования мэрии Новосибирска, на которой потребовала обязать учителей следить за учениками, выявлять случаи «семейного насилия» и незамедлительно сообщать о них в полицию.

Помещенный в приют Андрей неоднократно допрашивался в присутствии следователя, представителя опеки и двух сотрудников центра «Виктория», но ни разу сам процесс допроса не был зафиксирован — по требованию представителя опеки, аудио- и видеозаписи не велись.

Также по требованию следователя следственного отдела по Дзержинскому району города Новосибирска СУ СК РФ по НСО лейтенанта юстиции Е.А. Чеботарева матери было запрещено видеться со своим сыном до июля 2022 года. Но и после разрешения на встречи их свидания проводились только в присутствии сотрудника приюта в течение 15 минут. Всего с июля по декабрь 2022 года Юлии разрешили увидеть сына 4 раза. Один раз ей было разрешено выйти с ним за стены учреждения на 2 часа.

Мать заставили пройти психолого-педагогическую экспертизу, которая не выявила у нее никаких нарушений поведения, в том числе какой-либо агрессии или неадекватности по отношению к детям. Никаких вредных привычек отмечено у нее не было. Тем не менее, сотрудницы опеки и приюта чинили ей всяческие препятствия в ее попытках общаться с сыном как лично, так и по телефону. Опекой и прокурором Дзержинского района Исаевой И.В. был подан иск о лишении отца и матери родительских прав на всех, уже четверых к тому моменту, детей.

В то же время опека Дзержинского района осенью 2022 года разыскала в Братске Иркутской области биологического отца Андрея, которого до того ребенок ни разу не видел и

который никогда не принимал участия в его воспитании и не платил алиментов. Ему были разрешены длительные, в течение нескольких часов, встречи с Андреем за пределами приюта. При этом никаких психолого-педагогических и иных поведенческих экспертиз с этим мужчиной не проводилось, о состоянии его психического здоровья ничего не было известно.

28 января 2023 года суд Дзержинского района принял решение передать мальчика из приюта матери на период до окончательного рассмотрения дела о лишении ее и Дениса родительских прав. Биологическим отцом была подана частная жалоба на это решение, в которой он всячески старался опорочить Юлию. На основании этой жалобы 21 марта судья Новосибирского областного суда единолично приняла решение отдать ребенка биологическому отцу, проживающему в городе Братске, за 2000 км от Новосибирска без проведения психологической экспертизы, даже не поставив мать об этом в известность.

28 апреля биологический отец забрал Андрея прямо из школы, о чём Юлии было сообщено только спустя два часа. При этом мужчина оставил телефон мальчика в школе, лишив его возможности связаться с матерью или бабушкой, проживающей в Братске. Таким образом, с 28 апреля по настоящее время матери ничего не известно о состоянии своего сына, о его здоровье, поскольку биологический отец агрессивно пресекает любые попытки родных связаться с Андреем. О том, что права матери на общение с сыном нарушены, известно всем соответствующим инстанциям, включая уполномоченных по правам ребенка в НСО и в РФ, но никаких действий для восстановления ее нарушенных прав не предпринимается.

За время пребывания в СИЗО Денис — здоровый до того мужчина, спортсмен, — заболел туберкулезом. 7 июня 2023 года после месяца полного отсутствия медицинской помощи он умер в филиале туберкулезной больницы ФКУ МСЧ-54 ФСИН России по НСО в возрасте 45 лет. Расследование этого случая, несмотря на обращение Юлии в ГУ ФСИН РФ, не проводилось.

В последнее время прошло два судебных заседания.

29 июня в Новосибирском областном суде состоялось заседание по иску отдела опеки и прокуратуры Дзержинского района о лишении теперь уже одной матери родительских прав. Так как объективных и законных оснований для этого не имеется, представитель администрации начальник отдела опеки Галынина С.В. настаивала на проведении уже психиатрической экспертизы под предлогом того, что «ей кажется это необходимым». Более весомых аргументов приведено не было. Тем не менее судьи согласились с этим пожеланием.

Кроме того, начальник опеки, стремясь представить семью неблагополучной, заявила, что мать лишает детей возможности получать медицинскую помощь, а старшая дочь бросила школу, что не соответствует действительности ни по одному пункту. Дети получают медицинскую помощь в той мере, в какой это необходимо, младшие сын и дочь прошли диспансеризацию, а старшая дочь окончила 9 классов на «4» и «5» и собирается поступать в колледж. Все подтверждающие документы были представлены Юлией в суд.

13 июля состоялось второе заседание по делу о лишении ее родительских прав, которое продолжалось 11 минут. На нем судьей было зачитано заранее подготовленное постановление суда о назначении Юлии психиатрической экспертизы, несмотря на то, что ею уже была представлена справка от психиатра об отсутствии у нее психических заболеваний. Ни один из аргументов защиты не был выслушан до конца и учтен.

Похоже, администрация Дзержинского района Новосибирска, которая в этой трагической истории нарушила все мыслимые и немыслимые законы — как юридические, так и чисто человеческие, — решила-таки добиться своего и окончательно уничтожить эту семью. А как проще всего это сделать? Элементарно — признать мать психически ненормальной

По совету адвоката, еще до второго заседания 13 июля, на котором судья огласила решение о направлении ее на психиатрическую экспертизу, Юля сама обратилась в лечебное учреждение к психиатру, и ей выдали справку: «Здорова. На учете не состоит». Впрочем, для всех, знающих ее, это и так очевидно. Поистине, надо обладать огромным запасом душевных сил, чтобы пройти через почти двухлетний ад клеветы, откровенного глумления, издевательств и оскорблений со стороны всех ярых «борцов за права и интересы» чужих детей, и не озлобиться, не ожесточиться, не утратить способности морально поддерживать других членов своей семьи, продолжать воспитывать сына и дочерей в любви и заботе.

Она до последнего поддерживала и своего мужа Дениса, осужденного по несправедливому обвинению в истязании сына как верная жена, как надежный друг, вопреки истеричным требованиям и даже угрозам со стороны прокурора и сотрудниц опеки: «Отрекись от него, а то хуже будет!» Не отреклась. Мало того, продолжает хранить память о нем в сердцах детей, не давая возникнуть и тени сомнения в том, что он был настоящим, любящим отцом, готовым на всё ради них — даже на смерть... В этом есть глубокая, истинно православная мудрость: они должны почитать своих родителей, прощая им их чисто человеческие недостатки.

Юля, думая о будущем своих детей, воспитывает в них почитание к отцу, что вызывает жгучую, какую-то иррациональную ненависть к ней со стороны женщин, работающих в опеке. Они будто мстят ей за то, что она не предала, что стойко переносит все беды, обрушившиеся на нее, начиная с октября 2021 года. Что до сих пор борется за своего сына Андрея, с холодным равнодушием оторванного от родной семьи и переданного, как вещь, практически чужому человеку. Теперь вот против неё решили применить «тяжелую артиллерию» — карательную психиатрию. Почему «карательную»? Да потому, что это излюбленный метод борьбы в нашей стране с инакомыслящими еще с советских времен. А она, с точки зрения новосибирских ювеналов, точно инакомыслящая.

Вообще, если вдуматься, то во всей этой истории очень много подтекстов. Помимо внешнего, чисто ювенального заказа на очередную раскрутку темы «семейно-бытового насилия» здесь можно обнаружить столкновение более глубоких смыслов: разных представлений родителей и женщин, занимающихся вопросами семьи по долгу службы, о самой сути семейных и детско-родительских отношений (что характерно, все официальные действующие лица, за исключением следователя, ведшего дело отца, — женщины).

Во-первых, за прошедшее время выяснилось, что у родителей, несущих не только сиюминутную, но и отдаленную по времени ответственность за своих детей, и официальных лиц, никакой, ни юридической, ни моральной ответственности за них и за свои действия не несущих, — различное отношение к проблеме наказаний за серьёзные детские проступки.

Во-вторых, у Дениса и Юлии оказалось иное отношение к таким понятиям, как «отцовское воспитание», «воспитание мальчика», чем у чиновниц, более привычных к понятию «женское воспитание».

В-третьих, как я уже говорила, у Юлии, состоявшей в законном браке, и у ее гонительниц разные взгляды на роль и место жены в семейной иерархии.

В-четвертых, вот это её неприемлемое, по мнению представительниц заинтересованных организаций, воспитание детей в почитании родителей.

Можно ещё найти «в-пятых», «в-шестых» и так далее, но и этого уже достаточно для того, чтобы признать Юлию, с точки зрения женщин, облечённых властными полномочиями, ненормальной. Патриархальной. Не соответствующей духу времени. Ведь, не дай Бог, она это своё видение семейных и брачных отношений передаст и своим дочерям. Лучше уж лишить ее этой возможности — чужими руками, через «нуж-

ный» результат экспертизы. Тем более что сделать это в рамках межведомственного взаимодействия в Новосибирске не так уж и сложно. Как в личной беседе сообщил один из ведущих медицинских специалистов города, у нас нет учреждений, куда бы он порекомендовал обратиться для проведения объективного обследования. Другими словами, местные врачи рискуют оказаться под административным прессингом в случае выдачи заключения, неугодного его заказчикам.

Это перед журналистами с высоких трибун легко рассуждать о «традиционных семейных ценностях», включающих в себя, между прочим, неотъемлемое право родителей самим выбирать методы воспитания и наказания собственных детей.

Это на педагогических семинарах для «галочки» можно выступать с докладом о роли отца в полноценном развитии ребенка. На деле же, покойный Денис своей отцовской «гиперопекой» дочери и сына вызывал неприкрытое раздражение у сеятельниц «разумного, доброго и вечного».

Сохранилась аудиозапись его последнего разговора со школьным социальным педагогом, где он говорит о том, что если уж учителя ничем не могут помочь в воспитании Андрея, то пусть хотя бы не мешают. Это его, отца, крест по жизни, ему его и нести. Но — нести не дали. Вырвали крест из рук, бросили в пыль. А потом и вовсе закинули куда подальше, чтобы не валялся под ногами, не мешал защищать «права и интересы» других детей.

Есть такая поговорка: «Чужую беду руками разведу, а к своей — ума не приложу». Большинство тех, кто все эти годы измывался над Юлей, кто злорадно хохотал, видя ее страдания, — несчастны в личной жизни. Одна потеряла ребенка во время беременности, у другой сожитель издевается над сыном, у третьей уже взрослый сын находится в колонии по обвинению в преступлении, связанном с наркотиками, у четвертой вообще ни ребенка, ни котенка... При других обстоятельствах их можно было бы пожалеть, если бы они, в своей бабьей озлобленности, не стремились выместить накопившуюся боль на других и не карали тех, кто на них не похож, используя служебное положение.

Так что эта неоконченная печальная история, по большому счёту, даже не о том, как разрушили семью, как сломали, скорее всего, на всю жизнь, психику ребенка, под предлогом его «опеки» и государственной заботы о нем. Как, вопреки всем педагогическим постулатам, внушили ему, что он, совершивший кражу у родной матери и оговоривший отца, не должен испытывать по этому поводу чувства вины, не должен чтить и уважать своих родителей.

И даже не о том, как, физически уничтожив главу этой семьи, теперь всеми силами пытаются сломать абсолютно нормальную, любящую мать, издевательски принуждая ее к прохождению совершенно ненужной никому психиатрической экспертизы.

Эта история — о противостоянии. наших семейных традиций и чуждых нам западных ювенальных псевдоценностей — «прав и интересов детей». Христианских заповедей уважения к родителям и антихристианских принципов предательства ближних ради собственного блага. Истинно женского отношения к супругу как к своей «второй половине» и феминистского взгляда на мужчину и обязанности жены.

Когда-то давно Достоевский написал: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

2

Эта почти двухгодичная драматичная ювенальная история по закрученности сюжета уже, наверное, переплюнула «Санта-Барбару». Вот только наблюдать за ней с попкорном в руках не получится. Потому что действующие лица — не плод изобретательной фантазии сценариста, а живые люди. И страдания главных героев — родителей и детей, — не наигранные, а реальные, как реальна и трагическая смерть их отца. И беззаконие, совершаемое на наших глазах теми, кто должен стоять на его страже и руководствоваться им во всех своих действиях, — тоже, к сожалению, реально.

Всё время, что я занимаюсь этим делом, меня мучает мысль: кто за всем этим стоит? С самого начала, напомним, кто организовал практически одновременный вброс информации об этой семье в 24 СМИ — местные, региональные, соседнего Омска и федеральные, кто организовал рассылку, кто направил авторов всех публикаций строго в сторону освещения ситуации исключительно в духе факта «семейно-бытового насилия»?

Кто намеренно затушеввал первопричину наказания мальчика — воровство золотых украшений матери — и не дал развить тему о том, что золото было отдано кому-то из учеников школы № 96, где он учился? Кому было невыгодно, чтобы узнали о том, что в этой якобы благополучной школе некие лица, выходит, вынуждают младшеклассников воровать у родителей?.. Почему никто не заинтересовался этим, не заинтересовался словами покойного Дениса, отца «жертвы насилия», сказанными по этому поводу на встрече с социальным педагогом школы еще 8 октября 2021 года? То есть за три дня до того, как ребёнок был фактически выкраден из этого учебного заведения сотрудниками опеки и инспекторами ПДН без необходимого по закону акта за подписью

главы администрации Дзержинского района Новосибирска? Почему на протяжении всего следствия и судебного рассмотрения дела на этот факт никто не обратил внимания?

Кому было выгодно максимально очернить родителей? При том, что они не стояли на учёте в ПДН и семья считалась — да и была по факту — благополучной?

Кому было выгодно запретить аудио- и видеofиксацию допросов 9-летнего Андрея следователем в присутствии сотрудницы опеки и двух представительниц приюта, в котором он содержался? Кто боялся свидетельств того, как именно выжимались нужные показания из запуганного ребенка? А кому было выгодно, чтобы каждое, неведомо каким путем полученное «признание» мальчика было воспринято судом как истина в последней инстанции, позволяющая не обращать внимания на любые факты, говорящие в пользу отца?

Кому выгодно было лишить мать возможности 9 месяцев общаться с сыном, но зато теперь позволить опеке голословно обвинять её в том, что она якобы в это время «оказывала на него давление»? Кому был выгоден беспредел, который совершался в отношении неё сотрудниками ГБУ СРЦ «Виктория» на протяжении всех страшных 15 месяцев, когда она, оставив рожденную в феврале 2022 года малышку на попечение старшей дочери, бежала в приют в надежде увидеть сына? Или хотя бы услышать его по телефону, в чём ей постоянно отказывали? Кому было выгодно разорвать близкие отношения между Андреем и его матерью, постоянно внушая ребенку, что она его не любит?

Кому, в конце концов, было нужно, чтобы Андрей, после всех невероятных усилий, предпринятых матерью для его вызволения из приюта, отправился к своему биологическому отцу, которого он прежде не знал, и его сожительнице в Братск, а не остался в родном доме, с братом и сестрами? И кто виновен в том, что психика мальчика скорее всего окончательно надломлена непосильными для его возраста испытаниями? Больше трёх месяцев сын не видел мать, не общался с бабушкой, живущей в Братске. Кому на руку эта насильственная разлука с родными людьми? Кому она необходима как доказательство полного разрыва «детско-родительских отношений» перед судом об определении его места жительства?

Вся эта история целиком состоит из одного беспредела — бездушного и жестокого, доходящего до полного абсурда. Но последние события даже меня, привыкшую, казалось бы, уже ко всему, шокировали и опять заставили вернуться к вопросу: «Кому это выгодно?»

Как уже было сказано выше, Юлии, матери Андрея и еще троих детей, по требованию начальника органа опеки Дзержин-

ского района Новосибирска С.В. Галыниной была назначена психиатрическая экспертиза. Это заседание продлилось всего 11 минут. Было ощущение, что судьи торопятся покончить с этим делом, чтобы не позволить защите сказать нечто такое, что придётся заносить в протокол, а это в дальнейшем может быть истолковано в пользу ответчицы, судьба которой уже ими пред-
решена. Ведь наш Новосибирский областной суд практически никогда не принимает решения не в пользу истцов.

Торопливым голосом зачитанное апелляционное определение вызвало вопросы, на которые не было ответов. Поэтому Юлия, спустя две недели, обратилась в суд с ходатайством о предоставлении ей возможности ознакомиться с материалами дела и протоколами судебных заседаний, прошедших 29 июня и 13 июля, а также выдать определение о назначении экспертизы. В тот же день, 26 июля, на ее ходатайстве появилась резолюция «Ознакомить», скреплённая квадратной печатью и подписью.

Но ни 26-го, ни 27-го ей не выдали обещанных копий протоколов и дела. Мало того, вопреки закону, который ясно говорит о том, что стороны имеют равное право на ознакомление со всеми материалами, относящимися к делу, ей было заявлено: «Протоколов мы не выдаем».

Наконец, 31 июля ей вручили копию определения с сопроводительным письмом в ГБУЗ НСО ГНКПБ № 3 о направлении дела для проведения судебной экспертизы «по иску органа опеки и попечительства администрации Дзержинского района г. Новосибирска к Б...ву Денису Валерьевичу (умершему, как мы знаем, 7 июня 2023 года) и Б...вой Юлии Алексеевне о лишении родительских прав и взыскании алиментов». Но самое поразительное даже не это, а то, что «Копии для сведения» были отправлены на адрес СИЗО-1 ГУФСИН России по НСО, в котором он находился с октября 2021 по сентябрь 2022 года, «для вручения Б...ву Денису Валерьевичу»...

Но и это еще не всё! Дата на этой потрясающей «сопроводилке» была небрежно исправлена на 27.07.2023, безо всяких там «исправленному верить», с заверяющей подписью. И вот здесь мы подходим к кульминации беспредела в отношении многодетной матери со стороны служителей закона.

На следующий день, 1 августа, Юлия получила на почте конверт с определением, где стояла истинная дата направления дела в психиатрическую больницу, которая объяснила ей категорический отказ в ознакомлении с делом и протоколами заседаний суда. Оказывается, дело было отправлено 11 июля, **за два дня** до проведения заседания!

То есть судьи сидели за пустым столом, не имея на руках никаких документов, кроме составленного ими и отпеча-

танного заранее определения, в котором, однако, указана дата 13 июля. Стало быть, все документы, которые Юля подготовила к этому заседанию, — копия аттестата старшей дочери, медицинские заключения по проведению диспансеризации младших сына и дочери, справка от психиатра об отсутствии у нее самой психических заболеваний — не были приобщены к делу просто ввиду отсутствия оно. Зато на экспертизу вместе с делом загодя было заботливо отправлено насквозь лживое «определение», изобилующее как фактическими ошибками, так и перлами типа «из заключения проведенной по делу судебной психолого-педагогической экспертизы усматривается...» В самой экспертизе многое из того, что «усмотрела» судья Л. В. Поротикова, отсутствует полностью или частично. Например, там нет упоминания о «тенденции к нарушению общепринятого стиля поведения и склонности к пренебрежению морально-нравственными устоями». Юлия — верующий человек, поэтому такое «усмотрение» для всех, знающих ее, звучит просто дико.

Но совсем дико и нелепо смотрятся вопросы, на которые должны ответить эксперты-психиатры. Дело в том, что составлены они опять же в нарушение всех и всяческих правил, т. е. таким образом, что заранее предполагают наличие у нее психического расстройства. Например: «Каковы индивидуально-психические свойства и поведение <...> с учетом поставленного ей диагноза, анамнеза, течения и прогноза течения заболевания», «способна ли <...> по своему психическому состоянию, с учетом поставленного ей диагноза, анамнеза, течения и прогноза течения заболевания, самостоятельно одна осуществлять свои родительские права и обязанности...», «может ли <...> по своему психическому состоянию, с учетом поставленного ей диагноза, анамнеза, течения и прогноза течения заболевания, представлять опасность, угрозу для своих несовершеннолетних детей при их совместном проживании».

При чтении этого документа — апофеоза творимого беспредела — набатом в голове бьется одна мысль: **кому это надо?!** Кто так торопится осудить Юлю и отобрать у нее всех детей? Кто заинтересован в том, чтобы окончательно разрушить эту семью и сделать детей сиротами? Чья злая воля стоит за действиями судей, которые ставят на кон свою репутацию (не говорю уже о «чести») ради того, чтобы выполнить требования опеки и лишить абсолютно нормальную, любящую, заботливую мать родительских прав? Что скрывается за упорным нежеланием признать очевидное, а также позволить Юлии ознакомиться с материалами дела? Кто так боится того, что она может там прочитать?

Трагическая «Санта-Барбара по-сибирски» продолжается...

СНЕГ

РАССКАЗ

Новогодние праздники прошли спокойно, по-домашнему, без особых гостей и длительных застолий. Погода стояла ясная и морозная. Выпавший ещё в декабре снег лежал непринужденно, спокойно, всем своим видом показывая, что спустился на землю надолго и никаких изменений в погоде в ближайшее время не предвидится.

Автотрасса, в отличие от первых зимних дней, была вполне пригодна для безопасного движения. Дорожные службы, в обилие посыпавшие её песочно-солевой смесью, и шипованные шины многочисленных автомобилей сделали свое дело — пробили едва образовавшийся ледяной панцирь до голого асфальта.

Владимир Фёдорович Осокин, полковник запаса, высокий, спортивного телосложения мужчина, вёл свой старенький автомобиль уверенно, можно даже сказать изящно, придерживая рулевое колесо лишь кончиками пальцев. Его прямая спина плотно прижалась к спинке сидения. Во всей его позе чувствовались спокойствие и надёжность. Редкие автомобили, пролетавшие навстречу, поднимали и закруживали в зимнем вальсе лёгкие снежинки, застывшие на морозной дороге.

ПРОЗА

— Можно я включу радио? — нарушая монотонный гул ветра и шёпот шин, спросила супруга Алла, сидевшая на переднем пассажирском сидении.

Владимир Фёдорович, не поворачивая головы, кивнул. Необычное спокойствие и отрешённость от всего происходящего охватили его. Больше месяца он сопротивлялся уговорам жены поехать в этот разрекламированный санаторий. Ему, боевому офицеру, прошедшему две войны и теперь уволенному в запас, не под силу было признать влияние возраста и необходимость прохождения каких бы то ни было медицинских обследований и процедур. Ещё с давних пор, когда он, молодой, безусый паренёк, стал курсантом Рязанского высшего военного воздушно-десантного училища, Владимир приучил себя начинать день с неизменной утренней зарядки, заканчивающейся обязательным контрастным душем.

В горах Приднестровья и Кавказа, в полевых условиях, где не было современного городского комфорта, душ с успехом заменяли воды горных ручьёв. Даже сегодня он был готов сойтись в рукопашной с любым юнцом из его прославленного гвардейского полка и доказать, что есть ещё порох в пороховницах старой гвардии и рано списывать его на покой.

Но военным медикам почему-то показалось, что он устал от бесконечной воинской службы. Они долго светили его своими хитроумными приборами, обстукивали резиновыми молоточками, заглядывали в глаза, а потом долго качали головами и сосредоточенно писали в его карту понятные только им одним иероглифы. Приговор был суров и однозначен.

Он бы никогда не смирился с ним, объяви его кто-нибудь из этих самоуверенных эскулапов, но возразить своему боевому командиру, с которым прошёл огонь и воду, и службой под началом которого безмерно гордился, он не смог. Генерал вызвал его в свой кабинет, долго расхаживал из стороны в сторону, задавая странные и несвязные вопросы, говорил о том, что служба его катится к завершению, не вечно же ему командовать, пришло время подумать и о гражданской жизни...

Выдержав паузу, он открыл сейф и достал бутылку подаренного кем-то коньяка. Разлил его в огромные не по «этикету» стаканы, долго молчал, видимо, подбирая слова, и, наконец, тяжело вздохнув, выдал:

— За павших!..

Не чокаясь, он опрокинул стакан, прижал рукав генеральского кителя к лицу и втянул носом воздух. Осокин каким-то пятым чувством ощущал, что командира давит непомерный груз, что он принял какое-то очень важное для них обоих решение и пытается собраться с силами, чтобы объявить его. Двадцать лет, пройдён-

ных вместе, связывали незримой и нерушимой нитью эти две души, отданные служению Отечеству. Развал страны, развал вооруженных сил, гибель товарищей в так называемых теперь локальных войнах оставили неизгладимый след в их памяти.

Осокин взял со стола свой стакан, молча одним залпом выпил чайного цвета, отдающую ванильным ароматом жидкость и, нарушая тишину, сказал:

— Не тяни, командир, я готов выслушать твой приказ.

В отсутствие посторонних он мог позволить себе обратиться к командующему не по уставу. Устав — формальность. Этих людей связывало нечто большее.

— Ты уже слышал, что нас выводят отсюда. Теперь это чужая страна, и мы здесь не нужны. В России у нас базы нет. Поэтому часть расформируют. Солдат и офицеров выбрасывают по дальним гарнизонам. У кого есть выслуга или проблемы со здоровьем постараются отправить в запас. Мы с тобой первые в списке, — генерал замолчал. Поставив пустой стакан на стол, он прошёлся по кабинету. — Я решил не дожидаться «приговора», подал рапорт. Отдохну полгодика, а потом пойду на выборы в Думу. Я еще покажу этим тыловым политикам, как надо любить Россию, — пальцы его непроизвольно сжались в кулаки, желваки заходили на скулах.

Осокин молчал. Он, конечно, предвидел такой исход, но в душе надеялся, что всё переменится, что те, от кого сегодня зависит судьба армии и страны, опомнятся и повернутся лицом к ним, верой и правдой служившим родному государству, готовым отдать свои жизни, выполняя приказ. Сегодня его седой командир развеял все его надежды. Никогда не ощущал он себя таким ненужным и одиноким. С курсантских времён в нём воспитывали чувство сопричастности к чему-то великому и огромному, осознание своей важности и необходимости общему делу защиты Родины предков от внешних врагов.

Теперь дети правителей страны припеваючи жили на земле потенциального противника, получали там образование, изучали его язык, разговаривая на своем родном лишь иногда с уже появившимся акцентом. Их папаши переводили в иностранные банки капиталы, невесть откуда у них объявившиеся в стране, где все сидели на окладах.

Он стал не нужным, как и его командир, как десятки его товарищей и подчиненных, сложивших головы в боях, названных красноречивыми журналистами «локальными войнами». Интересно, кто-нибудь спросил у вдов и матерей погибших, легче им от того, что их близкие погибли не в мировой войне, а в этих самых междоусобицах, выполняя свой воинский долг? Да разве только они стали не нужными?

Каждый день с экрана телевизора какие-то люди из правительства или из окружения президента заявляли, что стране не нужна такая большая армия, так как мы не собираемся ни с кем воевать. А разве армия необходима только для того, чтобы воевать? Его, Осокина, в Академии учили, что сильная армия одним своим существованием сдерживает противника от намерений вторжения, то есть служит миру. Да разве войны начинаются только по нашему желанию? Кто нас спрашивал в 1941-м, собираемся мы воевать или нет? Всё решили без нас. А что мы будем делать, когда появятся те, кто захочет с нами воевать? Собрать вооруженные силы с нуля? Это только разрушить легко и быстро, а на создание надёжной армии потребуются годы и годы. Что, противник будет ждать, пока мы восстановим свою обороноспособность?

Те же люди убеждали нас с телевизионных экранов, газетных страниц и с трибун, что нам нет необходимости развивать сельское хозяйство — страну накормит иностранный фермер; поднимать наши заводы и фабрики — всех оденут и обуят турецкие и китайские ремесленники; укреплять угольные шахты, потому что новоявленным «морганам» и «рок-феллерам» легче и быстрее зарабатывать свои капиталы на продаже алмазов, нефти, сибирских лесов и газа.

Но за этими словами стояло нечто большее. И Осокин понимал это. Вместе с колхозами, совхозами, шахтами, предприятиями, армией брошенными оказались люди, работавшие и служившие там. Их выгнали на улицу, ничего не предложив взамен, лишив средств существования. Им заявили, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих и, не научив плавать, умчались прочь на приватизированных катерах и пароходах.

Нашлись и такие, которым стали мешать пенсионеры, вечно требующие повышения пенсий и льготных лекарств. «Они слишком много болеют эти пенсионеры, им надо много дорогих лекарств, и они хотят получать их бесплатно». Из-за этого там, наверху, пришлось придумывать реформы, чтобы избавиться от этой обузы.

Наблюдая и переживая всё это, Осокин, скрепя сердце, вслед за своим командиром подал рапорт. Он понимал, что не мытьём, так катаньем военные чиновники вытеснят его на пенсию.

Жена Алла, успокаивала, как могла:

— Давно пора. Хватит, навоевался. Наконец заживём, как люди. Может, научишься спать спокойно, без ночных тревог.

Однако спокойный сон не приходил. По ночам он всё шёл и шёл в атаку, поднимая за собой залёгших под миномётным огнём солдат. Вдрагивал от разрыва гранат, свиста пуль снай-

пера, протестовал против предательского приказа об отходе и освобождении стратегически важных позиций, ругался со снабженцами, не доставившими вовремя продовольствие и обмундирование...

Жена просыпалась от его криков и вздрагиваний, гладила его рано поседевшую голову, шептала на ухо известные только любящим женщинам заклинания. Он успокаивался на время, но на следующую ночь всё повторялось.

Узнав от знакомых о санатории, расположившемся в удивительном древнем сосновом бору, Алла стала постепенно, исподволь готовить мужа к необходимости поехать туда. Она искренне надеялась, что лесной воздух, тишина и искусство врачей вернут мужа к нормальной спокойной жизни. Осокин долго не поддавался на её уговоры, но женщины знают тайные подходы к своим мужчинам, и крепость сдалась. Последним аргументом Аллы был рассказ о прекрасных лесных просеках, где можно каждый день ходить на лыжах.

Лыжи для Осокина были неизменной любовью, тянувшейся с юношеских лет. С тех самых лет, когда он, простой деревенский парнишка, первый раз катил с высокого берега незамысловатой русской речушки на простеньких деревянных лыжах, купленных отцом к празднику в райцентре.

И вот теперь они молча ехали на потрёпанных «Жигулях» по утренней зимней дороге в новую, неизведанную жизнь.

Алла слегка наклонилась вперед и изящным движением нажала кнопку автомагнитолы. Дисплей подмигнул ей разноцветными огоньками, и бодрый женский голос из аудиоколонок спросил:

— А как вы относитесь к тому, что с вопросами в нашу редакцию обращаются не только правоверные мусульмане, но и сторонники других религиозных конфессий?

— Господь один, — раздался в ответ хорошо поставленный мужской голос, — но множество дорог ведёт к Нему. Каждый человек ищет свой путь к Господу, и мы не вправе осуждать кого-либо в выборе этого пути.

Последние слова потонули в громких музыкальных аккордах, так называемой отбивке. Алла, не дожидаясь продолжения беседы, переключила радиоканал.

«Да, и вправду разные пути ведут к Господу», — подумал Осокин. В его памяти вновь всплыли искореженные трупы кавказской войны, глаза, захваченной в плен девушки снайпера, разгоряченные лица его бойцов и православные крестики на груди молодых, необстрелянных солдат, призванных из российской глубинки.

Дорога, как в ущелье, нырнула в чащу соснового леса. Зелёные великаны по обе стороны серой асфальтовой ленты склонили свои мохнатые ветви под тяжестью навалившегося на них снега. До санатория осталась всего пара километров.

Среди живописного соснового бора, на берегу старицы Оки возвышалось пятиэтажное здание санатория. В этом впечатляющего размером сооружении располагались и комнаты отдыхающих, и столовая, и административные помещения, и бассейн, и ещё множество процедурных кабинетов. При желании можно было весь срок пребывания обходиться без верхней одежды и, не выходя из помещения, принимать всевозможные оздоровительные процедуры, посещать столовую, бассейн и спортивный зал, а вечерами смотреть кинофильмы, концерты или танцевать. Но Осокина манили к себе лес с его заснеженными просеками да извилистая лента реки.

Их двухместный номер располагался на четвёртом этаже. В номере был душ и туалет, небольшая прихожая со встроенным шкафом для верхней одежды и уютная комната с двумя деревянными кроватями, двумя тумбочками, небольшим холодильником и телевизором. К радости Владимира Фёдоровича, в номере оказалась просторная лоджия, выходящая на реку. С её высоты открывался завораживающий вид на бескрайние, уходящие за горизонт заливные луга левого низкого берега Оки, извилистую Старицу, покрытую льдом, и островки кустарника по её берегам. Вдали блестели на солнце купола православного храма. Лучшего места для утренней гимнастики, без которой Осокин просто не мог себя представить, трудно было придумать.

Устроившись и показавшись доктору, Осокины спустились в столовую. Пришло время обеда.

За их столом, рассчитанным на четверых, оказались две пожилые дамы. Одна простоватого вида с минимумом косметики, вторая, напротив, отчаянно сопротивлявшаяся своему возрасту, с причудливо окрашенными волосами фиолетового оттенка, с солидным слоем то ли крема, то ли пудры на лице, яркими тенями вокруг глаз и неестественно багровым цветом губной помады.

Про первую Осокин сразу решил, что она приехала из какой-нибудь небольшой захолустной деревни, а вторая ему показалась городской, но не исконно, а переехавшей много лет назад в город из сельской глубинки и теперь кичащейся своим местом жительства.

Поскольку им предстояло встречаться за столом три раза в день в течение всего времени пребывания в санатории, то все решили, не теряя времени, познакомиться.

Городская дама была несколько манерна, тон её речи подчеркивал важность этой особы, но к Осокиным она была расположена дружелюбно, угадав в них людей образованных и культурных, что, видимо, отвечало её требованиям к кругу общения. Вторая женщина оказалась доброй и улыбчивой, она с первых минут напомнила полковнику его маму и их деревенских соседок. Говорить с ней было легко и приятно.

Первый разговор был обычным для таких случаев: давно ли приехали, откуда, на сколько дней, на каком этаже поселились, тепло ли в комнатах, куда выходят окна. Узнав, что лоджия комнаты Осокиных выходит на реку, женщины оживились.

— Наверное, вам из окна монастырь видно, — поинтересовалась Татьяна Петровна, та, что приехала из деревни.

— Монастырь? — переспросила Алла. Именно она старалась поддерживать разговор с женщинами. — Да, вдали видно какую-то церковь, но я не знала, что это монастырь.

— Это, матушка моя, монастырь, почитай, самый известный в округе. Там святой источник, к которому со всех концов люди стремятся. Его вода, говорят, и тело от разных недугов исцеляет, и душу очищает от грешных мыслей и поступков.

Осокин искренне удивился. Как же он сам не догадался, когда разглядывал сияющие на солнце купола. Он же много слышал и о монастыре, и об источнике, много раз проезжал мимо села, где они находятся, и даже искал удобный случай побывать там, а тут оплошал.

Дело в том, что между санаторием и монастырем нет общей дороги. К ним можно проехать только через областной центр, проезжая с одной автотрассы на другую, преодолев десятки километров. Так распорядились природа этих мест и Ока с её причудливыми изгибами, пойменными озёрами, старицами, протоками и заливными лугами. Но ему то не впервой было ориентироваться на местности... Осокин даже непроизвольно качнул головой от этих мыслей, и лёгкая улыбка застыла на его губах.

С того самого дня, выполняя привычный комплекс утренних упражнений на лоджии, он неизменно вглядывался вдаль, находя строгий силуэт главного собора монастыря с сияющими куполами. Белесое январское небо сливалось с заснеженной равниной, почти не образуя горизонта, и храм, казалось, парил в воздухе.

Уже через несколько дней эта притягивающая картина стала для Осокина неотъемлемой частью его бытия. Он срод-

нился с ней настолько, что даже не хотел думать о временности своего пребывания здесь, и к необходимости выполнения утренних упражнений прибавилась необходимость созерцания очертаний монастырских построек в окружении необъятных снежных просторов.

Пока он занимался утренней гимнастикой, супруга Алла нежилась в постели, сладко потягивалась. Только когда муж переходил к водным процедурам, она вставала, накидывала халатик, заправляла постели и начинала приводить себя в порядок.

К завтраку они спускались по лестнице, предпочитая ходить пешком, а не пользоваться лифтом. Где бы они ни появлялись, их неизменно сопровождали любопытные взгляды. Он — высокий подтянутый с густыми зачесанными на пробор волосами, тронутыми сединой. Она — стройная и элегантная, казалась особенно хрупкой и женственной на фоне его атлетической фигуры.

Наблюдая за их нежными и предупредительными отношениями, окружающие никак не могли поверить, что перед ними супруги, прожившие в браке много лет. Даже их соседки по столовой давно решили между собой, что отставной полковник приехал отдохнуть с очередной любовницей, а для прикрытия всем рассказывает, что это его жена.

— И по виду она явно моложе его, и он, глянь, как молодится: каждый день на лыжах ходит, всегда трезвый, подтянутый. Разве для жены так бы старался. Давно бы надоели друг другу, а эти как голубки, вместе не надыхатся.

И невдомек было этим «судьям», что, казалось бы, из долгой супружеской жизни не так уж много времени Владимир и Алла провели вместе. Особенности службы, бесконечные переезды из гарнизона в гарнизон, неустроенный быт и боевые командировки постоянно отодвигали их счастливую семейную жизнь на «потом». И тот счастливый период, который бывает у супругов в первые годы совместной жизни, наступил для них только теперь.

Они в санатории и вправду почти не расставались. Даже когда Владимир Федорович становился на лыжи, Алла обязательно выходила его проводить. Сама она плохо ходила на лыжах, но любила смотреть, как её супруг мастерски скользит по снежному полотну коньковым ходом.

Погода все дни стояла малооблачная. К обеду выглядывало низкое зимнее солнце, искря кристаллы снега и высвечивая янтарь сосновой коры, пахло смолистой хвоей, отчего лыжные прогулки становились особенно неповторимыми.

Недаром сосну называют деревом лыжника. В зимней графике слепящего белого снега и серых, без листвы, деревьев и

кустарников её зелень необычайно радует глаз, поднимает настроение, и усталость от пройденных километров переносится веселее.

В этом окружении первозданной русской природы среди январских снегов, которых не встретишь в южных курортных широтах, Осокина охватывал необычайный душевный подъём. Вот она, настоящая жизнь. Вот она, его земля, данная ему предками, природой, а может и вправду Богом. Живи и радуйся. Трудись и украшай её, защищай от врагов, передай детям такой же прекрасной, какой принял от отцов и дедов. Разве этого мало человеку? Почему зависть и жадность гложут людей, толкают по трупам к власти и богатству, заставляют ради своих одержимых идей разворачивать войны и революции, крестовые походы и джихады, прикрываясь при этом верой в добро и обещаниями счастья для других? Как научить их жить в мире и согласии с самим собой?

Разгорячённый лыжной пробежкой и сопровождавшими его размышлениями, Осокин возвращался в свой номер, где его уже ждала Алла, вернувшаяся с прогулки и заботливо приготовившая ему стакан сока.

Погрузившись в новую для них атмосферу, Осокины давно потеряли счёт времени, не вспоминали какое сегодня число и какой день недели.

В то утро он, как обычно, проснулся раньше будильника. Осторожно, чтобы не беспокоить супругу, вылез из-под одеяла, надел спортивные брюки, олимпийку и вышел на лоджию. Непривычная картина открылась его глазам: шёл снег.

Огромные хлопья кружили повсюду, возникая откуда-то сверху, из бледного, едва просветлевшего неба и, исполнив свой молчаливый танец, ложились на землю, ветви деревьев, крыши зданий....

Осокин сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, потянувшись всем телом, и приступил к выполнению привычных упражнений, следя за дыханием. Стрелки часов уже перевалили за восемь, однако плотные тучи и белая пелена снега не позволяли дневному свету взойти на трон. Настроения не было. Физические упражнения не приносили привычной бодрости. На сердце лежал какой-то тяжёлый груз.

Наспех приняв душ и переодевшись, Владимир Фёдорович и Алла спустились в столовую к завтраку. В холле четвёртого этажа в ожидании лифта собрались несколько человек. Они о чем-то бойко разговаривали, поздравляли друг друга с праздником, смеялись. Осокины, как обычно, пошли по лестнице.

За их столиком уже сидела добродушная Татьяна Петровна.

— Доброе утро! — первой произнесла Алла.

— И Вам доброго здоровья! С праздником!

Услышанное второй раз поздравление вернуло полковника к действительности.

— Какое сегодня число? — спросил он.

— Девятнадцатое, — отозвалась женщина.

«Девятнадцатое января, Крещение, вот в чём дело». — Осокин присел за стол, даже забыв ответить на приветствие соседки.

Храм! Он утром не видел храма. Снегопад заслонил его. Почему это произошло именно сегодня?..

Теперь он понимал, откуда взялась эта тяжесть в груди. Монастырские купола, ставшие для него символом чего-то надёжного, непоколебимого и вечного, сегодняшним утром были скрыты он него.

— Вы сегодня за водой в родник не ходили ночью?

— Нет, мы спали, — беззаботно ответила Алла.

«Да, мы спали», — мысленно подтвердил Владимир. — Нашел время спать».

После завтрака Осокины поднялись в свою комнату. Полковник подошёл к окну и замер, вглядываясь в даль. Монастыря не было видно. Снег по-прежнему кружил и кружил, создавая мутную завесу.

— Может быть, ты не пойдешь сегодня на лыжах? Посмотри, какая там метель.

Алла нежно обняла мужа за плечи.

— На лыжах? — переспросил Осокин, и, сделав паузу, добавил. — Я сегодня в монастырь пойду, к источнику.

— Это же далеко.

— Подумаешь, какой-нибудь десяток километров. Больше ходили.

От принятого решения он почувствовал прилив бодрости и сил. Камень упал с его души.

Осокин быстро собрался, взял лыжи и вышел из комнаты. Впервые Алла не пошла его провожать.

Спустившись к реке, Осокин прикрепил лыжи к ботинкам, огляделся, определил направление и двинулся в путь. Он знал, что отклонись он в сторону от выбранного маршрута, и перед ним на десятки километров раскинется изъеденная пойменными озерами и болотами равнина, без единого жилья, без какой-либо езженной или хоженной дороги, способной вывести его к людям. Но непреодолимая тайная сила

влекла его туда, где под стенами древнего Храма вырывался из земли на свет божий святой источник.

Русло Старицы было не широким. Его лёд спрятался под слоем снега. Противоположный левый берег невысок и полог. Форсировать эту преграду и выйти на оперативный простор не составило труда. Дальше полковника встречала бескрайняя снежная целина. Узкие беговые лыжи глубоко проваливались в её белую перину, превращая каждый шаг в тяжёлое упражнение.

«Это тебе не по накатанной лыжне гарцевать», — приговаривал про себя Осокин.

«Тут бы широкие охотничьи лыжи подошли. Да где их взять? Ничего, и на этих дойдём».

Здание санатория вскоре пропало из виду, и он остался один в непроглядных сетях снежной круговерти. Вокруг было многокилометровое, ровное, как стол, пространство без деревьев, домов и прочих ориентиров, а он всё шёл и шёл, стараясь удержаться на выбранном направлении.

Час пути показался невероятно долгим. Ноги отяжелели, словно к ним подвесили пудовые гири. Во всём теле появилась усталость, а в глазах поплыли круги от однообразия наблюдаемой картины и падающих на лицо снежинок.

Дерево лыжника, где оно? Хоть бы одно, пусть самое небольшое. С каким удовольствием он прислонился бы к его плечу!..

От неожиданности полковник замер на месте. Прямо перед ним в десятке метров сидела лиса. По её пушистой рыжей шерсти бежали волны. Это ветер ласкал её своими невидимыми пальцами.

Человек и зверь молча смотрели в глаза друг другу. Они стояли, не двигаясь. Наконец лиса поднялась и, как бы уступая дорогу лыжнику, отошла в сторону. Пройдя десяток метров, она остановилась и села на снег.

«Похоже, она ранена» — подумал Осокин, и охотничий азарт охватил его. Он повернулся к лисе и стал медленно, шаг за шагом, приближаться к неожиданному трофею. Первые секунды ему казалось, что она не обращает на него никакого внимания, но когда расстояние сократилось настолько, что он мог достать плутовку лыжной палкой, она поднялась и отбежала ещё на десяток метров.

Так повторилось несколько раз. Наконец лисице надоела эта игра, и она пошла прочь. Осокин попытался догнать её, но как только он прибавлял шаг, его случайная знакомая переходила на легкую рысь. В конце концов, она просто скрылась из виду.

Осокин ещё долго шёл по её следу, пока не понял, что встреча их закончена. В пылу погони он не заметил, что ветер сменил направление, и вместо мягких снежных хлопьев с неба сыпалась мелкая крупа, больно жалящая его щеки.

Полковник остановился и огляделся по сторонам. Вокруг него был всё тот же непроницаемый снежный мешок. Он понял, что сильно отклонился от своего маршрута, и теперь был только один выход: вернуться по следу к тому месту, где он встретил лису, и взять прежнее направление.

По проложенному следу идти было легче, чем по целине, но след был настолько извилист, что разогнаться по нему было невозможно.

«Вот плутовка, смотри, как закрутила, я и не заметил!» — удивлялся Осокин.

Между тем, падающий снег и поземка быстро заметали лыжню. Она становилась всё менее и менее заметна, а вскоре исчезла совсем. Надежда вернуться к месту встречи и оттуда продолжить путь растаяла.

Тяжело дыша, Осокин остановился и переложил вес тела на лыжные палки. Его одежда пропиталась потом и уже не защищала от пронизывающего морозного ветра. Усталость давала о себе знать. Он понимал, что не сможет долго плутать по бескрайней целине в поисках выхода. Сил для этого уже не оставалось.

«Степь да степь кругом...», — пришла на память любимая песня отца. «И дёрнула же меня нелёгкая погнаться за этой лисой! Забыл, куда шёл и зачем?»

Страшная досада охватила Осокина.

«Стыдно, стыдно. Взрослый человек, на светлое дело шёл в светлый праздник к святому источнику, и вдруг как легкомысленный мальчишка погнался за рыжим хвостом. Нет, не стоек ты в вере своей, товарищ полковник! Мечется твоя душа, и нет ей покоя. И непогода, и лиса эта — всё испытания тебе. А может, и не лиса это вовсе...»

Осокин поднял голову к небу — ни единого просвета, ни единого намёка на конец снегопада. Он тяжело вздохнул, переводя дыхание, и бросил безнадежный взгляд перед собой. Вдруг ему показалось, что в молочной дали колышется чей-то силуэт. Раздумывать было некогда. Собрав в кулак все свои силы и волю, он двинулся в ту сторону.

Через несколько минут он догнал человека, который бодро вышагивал по зимнему бездорожью. С облегчённым сердцем Владимир Фёдорович спросил его, как пройти до ближайшей деревни, а лучше до монастыря.

Добродушно щура глаза и улыбаясь, мужчина махнул рукой в сторону и обрадовал, что до села, где находится монастырь, отсюда километра полтора-два.

Поблагодарив неожиданного спасителя, Осокин пошёл в указанном направлении. Вскоре сквозь снежную пелену увиделись знакомые очертания храма и монастырских построек, а затем и сельские дома.

«Не обманул рыбачок!» — подумал Осокин и тут же осёкся. Почему он назвал повстречавшегося ему путника рыбаком. Он даже не рассмотрел его как следует. Тулуп помнит, бороду, улыбку, прищур добрых глаз — и всё. Были ли у него с собой рыболовный ящик, пешня или льдобур, он даже не заметил.

И, правда, странно: если не рыбак, не охотник, то как и зачем попал в такую непогоду в те глухие и отдалённые места? Не его же, заблудшего, спасти?..

Возле источника толпилось сотни четыре паломников. В основном женщины. Кто-то набирал воду, кто-то стоял в очереди у деревянного домика-купальни. Осокин пробился к роднику, зачерпнул воды одним из лежавших рядом ковшей и жаднопил, утоляя накопившуюся жажду.

Потом он робко подошёл к купальне, не надеясь выстоять огромную очередь. Но, на счастье, его позвал стоявший впереди невысокий мужичок, назвавшийся Николаем. Он объяснил, что в купальню пускают по несколько человек, естественно, отдельно женщин и мужчин. Скоро его очередь, но бабы его одного не пустят, надо собрать человек пять мужиков.

Вскоре подошла очередь Николая, из толпы быстро подошли ещё несколько мужчин, и все двинулись в купальню. Последним из этой компании шёл Осокин, держа на плече лыжи. Неожиданно ему преградила путь женщина впечатляющих размеров:

— А ты куда прёшь? — закричала она на всю округу. — Тут люди с самого раннего утра стоят, ждут, а он только подошёл и уже без очереди лезет! Да ещё с лыжами.

От навалившейся усталости и неожиданного напора женщины Осокин растерялся. Он топтался на месте, не зная, что ответить.

А может, молча уйти? Но куда он пойдёт, мокрый, уставший, проделавший такой нелёгкий путь ради возможности окунуться в этот святой источник в светлый день Богоявления?..

— Пропусти его, — слышалось откуда-то снизу и сбоку. — Он страждущий!

Осокин обернулся на голос. Перед ним стояла сгорбленная маленькая старушка в толстом белом платке и старень-

ком зимнем пальто с изъеденным молью воротником. Она строго посмотрела на женщину, и та отступила от двери.

— Иди, милый, иди, — подбодрила Осокина старушка.

Он с благодарностью посмотрел в её глаза, перекрестился и, склонив голову, шагнул в купальню.

«Господь один, но множество дорог ведёт к нему, и каждый ищет свой путь к Господу», — вспомнились Осокину слова проповедника.

ЭПИЛОГ

После первой литургии в новом храме священники во главе с владыкой и несколькими почётными гостями собрались на братскую трапезу. Дружно пропели «Отче наш», Владыка благословил стол, и не евшие со вчерашнего вечера сотрапезники приступили к кушаньям. Матушка со своими помощницами постаралась на славу. Всё было вкусно и сытно. Благо, пост давно закончился. Было и вино. Без излишества, но по малой толике всем. Пошли тосты по кругу: за здоровье и многая лета владыки, всех присутствующих и прихожан храма, благоустроителей и служителей нового дома Господня и за его процветание, за приумножение прихода...

Пошли тихие, неспешные разговоры. Чувствовалось благостное настроение у всех, кто прикоснулся сегодня к светлому таинству освящения престола в новом доме Господа, строительство которого шло непросто и долго в наше сложное время безденежья. С миру по нитке собирали, по копеечке.

Я посмотрел на главу района, ведь это он задумал построить храм ещё в первый год после избрания на пост. Не все тогда поддержали. Считали — не дело власти этим заниматься, прямых забот хватает. Ссылались на Конституцию, на разделение церкви и государства. А он упрямо гнул свою линию, убеждал, порою принуждал, искал спонсоров...

Глава поймал мой взгляд, улыбнулся и, догадавшись, о чём я думаю, тихо сказал:

— Да. Я доволен. Всё удалось. Видели, сколько людей собралось сегодня? Значит, всё не зря. Это моё главное дело, наверное, на посту сегодняшнем. Давно мечтал. Давно себе слово дал храм построить...

Он на секунду задумался, а потом рассказал историю, как однажды в Крещение пошёл на лыжах в монастырь, как лиса увела его с избранного пути, и как неизвестный рыбак, словно апостол Андрей, вывел его на правильную дорогу.

Борис БАЛЧИЙ-ООЛ,
Республика Тыва

ГЕРОЙ ХОНДЕЛЕНА

РАССКАЗ

Эрес Кужугет родом из села Хонделен в долине одноименной речки, которая впадает в реку Алаш. В годы Великой Отечественной войны трое добровольцев ушли из села на фронт, а всего из Тувинской Народной республики ушло более двухсот. Один из них — танкист Чургуй-оол Хомушку стал героем Советского Союза за форсирование реки Буг. Село Хонделен обычное, как и по всей России: со школой, клубом, почтой, магазинами. Многие занимаются животноводством.

Эрес был старшим ребёнком в семье. Обычный мальчик, такой же, как все другие сверстники. Отец Эреса был помощником чабана, а мать, имея пятерых детей, работала техничкой в школе. Школа была сравнительно небольшой, около двухсот учеников. В школе текла своя жизнь, и главным в ней была учёба. А кроме того, проводились внеклассные встречи, работали кружки и спортивные секции, особенно Эрес любил секцию борьбы. Во всех соревнованиях был активным участником, и когда ему оставался год до окончания школы, он стал кандидатом в мастера спорта по самбо.

ПРОЗА

Окончив школу с хорошими оценками, Эрес поступил в училище олимпийского резерва в Кызыле. И опять он преуспевал в учёбе и, как всегда, был самым активным. Выполнял норматив мастера спорта и по окончании училища хотел остаться в родном селе, но подошло время службы в армии.

Провожали его всем селом. Много звучало поздравлений и пожеланий от родных и одноклассников. Эрес дружил со всеми парнями, но перед девчонками робел, особенно с одной, которая провожала, Оюной. Подруга пыталась с ней о чём-то говорить, но она отмалчивалась и будто невзначай всякий раз смотрела на Эреса, а он к ней даже не подошёл, а когда вспомнил, она, наверное, обидевшись, сама ушла и подругу увела. Эрес переживал, и решил, что обязательно ей напишет со службы.

Призванные пополнили воинскую часть недалеко от Волги, где в степи показалось пустынно и неуютно. Эрес во снах возвращался на родину, видел её горы с шапками белого снега, таёжные леса, чистейшие голубоглазые озёра. Он видел себя мальчишкой, купался в холодной воде Алаша, на лошадях наперегонки скакал с приятелями. И вообще от таких снов казалось, что ничего нет лучше на свете, чем малая родина. В своих снах он продолжал витать над тувинскими просторами, у горизонта упиравшимися в небо, подставлял лицо скорому ветру, пригнувшись к шее скакуна.

Эрес долго бы скучал и утопал в воспоминаниях, но вскоре перезнакомился с парнями из разных областей и республик. Сдружился с Ренатом Залиловым из Казани, Мишей Суховым из Алтая, а позже с младшим сержантом мурманчанином Виктором Сорокиным, присланным после учебки.

Служба есть служба, шла она своим чередом: изучение устава, строевая подготовка на плацу, после присяги — стрельба, и в каждый выходной спортивные соревнования. Коренастый и цепкий самбист, на первом же соревновании в части он вышел победителем в абсолютном весе, хотя должен выступать в среднем, и стали поговаривать, что его возьмут в спортроту дивизии. Первым его поздравил младший сержант Сорокин. Он подошёл после награждения, похлопал по плечу и пожал потную крепкую руку:

— Молодец, Эрес! Как ты его! Где так научился?

— У нас любят бороться... Вот съездим ко мне на родину после службы — сам увидишь.

Эрес хотел сказать, что обязательно познакомит с Оюной, от которой он уже получил четыре письма и носил их в нагрудном кармане рядом с военным билетом, но постеснялся, не стал бахвалиться. Он перечитывал эти письма и ругал себя

за то, что не осмелился подойти к однокласснице на проводах, всё ждал подходящего случая, а случай так и не наступил. «Ну, ничего, демобилизуюсь — обязательно исправлю позорное поведение!» — решил он.

Однажды в часть прибыли офицеры из округа. Весенняя проверка. Приезжие офицеры заходили в спортзал, смотрели, как бойцы сдают нормативы по физподготовке, наблюдали, что-то записывая, за марш-броском, проводимом повзводно, вместе ездили на ночные стрельбы, а после устроили учения. В заключение был строевой смотр с исполнением песни, общее построение, на котором объявили результаты проверки. Рота старшего лейтенанта Самохина, где служил Эрес Кужугет, заняла второе место, а его отделение под командованием младшего сержанта Сорокина — первое. Оно отличилось по всем видам проверки. Виктору Сорокину приказом командира части по итогам проверки присвоили звание сержанта. Были поздравления, ребята выпустили боевой листок в честь отделения мотострелков. А Эрес от радости за командира исполнил горловое пение. Все, кто находился рядом, не удержались от расспросов.

— Как так можно — на одном дыхании выдать такие удивительные звуки?

Эрес сказал:

— Был бы инструмент — допшулуур, то получилось бы вообще классно! — и продолжил чудо-пение.

После построения и награждений — свободное время. В дежурке был установлен телефон, с которого можно звонить домой. Разрешалось до пяти минут каждому. Иногда ребята договаривались и свои пять минут уступали другому. Эрес поговорил на пять минут дольше за счёт Миши Сухова. Ещё в письме родители сообщили ему радостную весть — в семье родился мальчик. И вот теперь, в телефонном разговоре, Эрес, бывший один среди сестёр, оказался на седьмом небе от новости. Даже хотел придумать брату имя, но мама сказала, что у него оно уже есть: Маадыр, что значит — герой.

Служба шла неделя за неделей, в роте все ждали прихода лета, но планы и ожидания нарушились, когда их подняли среди ночи по тревоге и вывели в место сосредоточения, где посадили в машины и отправили на аэродром. На душе у всех сделалось тревожно и беспокойно, потому что никому не говорили, в какие края намечен рейс. Через пару часов, когда самолёт приземлился, они, сойдя по трапу, увидели, что оказались в совершенно незнакомом месте: стеной — кусты, вплотную — горы, и курится дымок в селении неподалеку... Тогда и услышали слово — «Чечня».

Вторая Чеченская война к этому времени официально завершилась, но оставалось много разрозненных банд сепаратистов, поэтому для их контроля беспокойный регион покрыли сетью блокпостов. На одном таком разместились сдружившиеся в части рядовые отделения сержанта Сорокина. В нескольких километрах от них находились «казармы», состоявшие из армейских палаток. В них отдыхали после возвращения с блокпостов.

В очередной майский вечер Кужугет с напарниками заступил в наряд. Обращали внимание и прислушивались к каждому шороху и незнакомому звуку. Местность была пересечённой, заросшая мелколесьем. Молодая трава росла вперемешку с прошлогодней, когда налетал ветер, всё вокруг шелестело. Особо обращали внимание на тревожное поведение птиц. И вообще старались на всё обращать внимание. Осмотрели блиндаж рядом с блокпостом и запомнили секторы обстрела.

Пулемётчик группы Миша Сухов — здоровенный, под два метра, на вид подвижный, но в душе спокойный. Больше слушает, чем говорит, а если и откликается, то лишь «да» или «нет».

Эрес — всегда с автоматом и две гранаты на поясе.

У Сорокина вооружение солиднее: автомат да плюс два гранатомёта наготове, хотя гранатомётом все умели пользоваться. На блокпосте проверяли машины, людей, документы. Блиндаж рядом с блокпостом стали называть «дозорным». Придумал это Мишка Сухов, по прозвищу Шкап. Все друг к другу стали обращаться по прозвищам. Сорокин даже обрадовался, что его называли не по званию, а по-свойски — Севером. У Рената кликуха Тихий. Только для Эреса пока ничего не придумали.

Чтобы не скучать, когда никого нет, проверяют себя:

— Стой! Кто идёт?

— Свои, — отзываются Север с Тихим.

А Миша на это:

— Стой! Стрелять буду!

— Шкап, ты чего? Берега попутал? — отзывался Север, и бойцы прыгали в окоп.

Эрес и Ренат тоже говорят мало, по характеру — молчуны. Но разговор друзей поддерживают. Ренат в семье был единственным ребёнком, может, поэтому и не разговорчивый. Отец у него — шофёр автобуса. Мама — учитель в школе. В семье Залиловых по вечерам пели песни на татарском. Теперь Ренат и ребятам иногда пел. Все были довольны.

А Виктор, то есть Север, гордился своими сёстрами. С большим удовольствием рассказывал про свою семью. Старшая —

Алеся — стала юристом. Светка — так звали вторую — музыкантом. Играла на аккордеоне. Отец же Виктора — инженер-металлург, начальник плавильного цеха. Как-то раз отец взял его в цех показать линии по розливу расплавленного оранжево-красного металла. Смотрел он на это издали и через стекло. Шумно и жарко показалось. Отец, неверное, хотел, чтобы сын тоже стал сталеваром.

Парни не заметили, как быстро пролетело время. Было уже около трёх утра, и они осоловели от бессонной ночи... Чтобы взбодриться, Север подошёл к Эресу, обнял его, будто в последний раз видятся, и сказал:

— Ты такой жилистый, а силища — как у Шкапа.

— А ты мне чуть ребро не сломал!

Прошло немного времени, и Эрес услышал подозрительные шорохи. Толкнул дремавшего Шкапа.

— Слышишь? — спросил он у товарища и указал в направлении оврага: там что-то мелькнуло.

Но вскоре разобрались — близко подошла лисица.

Эрес сразу вспомнил слова дедушки: «Если кто-то пошёл на охоту и наткнётся на лису — это очень плохо. Не будет удачной охоты. Лучше вернуться». И мысленно окунулся в прошлое: вспомнил дом, тайгу... Как пацаны из соседних юрт ходили купаться на Алаш. А вода в речке быстрая и очень холодная, таёжная. Ребятишки не рисковали искупаться, хотя были и смельчаки. Прыгнет кто-нибудь в воду и тут же выскакивает, торопясь к костру, чтобы согреться. Сидит потом, трясётся, зуб на зуб не попадает. Но зато — герой! В другие дни ловили рыбу меж больших камней. Речка там глубокая, а вода тёмно-синего цвета — даже смотреть на нее страшно. Как только наживишь червяка, так сразу рыба клюёт. У таёжных хариусов плавники чёрные, колючие и скользкие. Ребята нескольких поймают, выпотрошат и сразу же разгребают горящий костёр, чтобы запекать рыбу в золе...

Вдруг полетели птицы. Как они назывались, Эрес не знал, а на родине их звали ранними жаворонками. Ребята осторожно передёрнули затворы, приготовили гранаты. Надели каски, поправили «броники». Эрес достал из кармана оберег в виде трёх разноцветных камешков из Алаша, тихонько прочитал молитву, которой научил дед.

И вот они, незваные «гости» — бандиты.

— Подпустим поближе. Ждём... — шепчет Север.

И вскоре раздаётся отчётливый треск кустарника, и во весь рост появляются враги. У всех чёрные бороды, слышится тихий шипящий разговор. А главное — оружие в руках.

Шкап даёт очередь из пулемёта, чтобы не смогли развернуться и уйти, и Эрес нажал на спусковой крючок автомата, выцеливая в рассветных сумерках бандитов наверняка. Вскоре прибежали из блиндажа сержант с Ренатом, успели отметить двумя-тремя короткими очередями. Перебежками оказались в дальнем окопе и залегли. Отдышались. И опять затишье... Как будто бандитов уничтожили раз и навсегда. Но вот они вновь показались, а бойцы будто вросли в осыпающуюся землю. Один, пять, десять, пятнадцать... Начинает строчить пулемёт Севера, заработали автоматы, разрываются гранаты.

Эрес услышал рядом глухой хрип, оглянулся, а это Север лежит без сознания. Успел воткнуть ему шприц с обезболивающим и наложить пакет с обеззараживающим раствором на грудь. Крикнул:

— Несите раненого в блиндаж. Я вас прикрою.

Шкап и Тихий понесли раненого, а «духи» опять пошли в атаку. Эрес схватил пулемёт Михаила и начал стрелять. Но кончились патроны. А другого диска рядом не было.

Вскоре вернулись Ренат и Михаил. Каждым выстрелом накрывали бандитов. Эреса ранило в ногу. Пока Ренат строчил, он успел сам перетянуть ногу жгутом, и тут новое ранение — в грудь. Всё-таки примкнул полный магазин к автомату, оставленный сержантом. Попросил Рената уйти. Тот отказался...

Ренат подошёл к другу и услышал хрип, увидел его бледное лицо. Из рта сочилась кровь. Глаза смыкались. Эрес тяжело дышал, то терял сознание, то приходил в себя.

Жестом он показал, что патроны заканчиваются.

— Иди за патронами! — просипел он и махнул рукой в сторону блиндажа. И что-то прошептал, запинаясь, на тувинском языке — читал молитву. Ренат перебежками подобрался к блиндажу. В это время появились бойцы штурмового взвода и отбили атаку боевиков. Рядом с нашим бойцом лежало несколько бородатых трупов. Это был Эрес. Он подорвал себя и бандитов гранатой.

Когда начали зачищать место боя, нашли двух раненых бандитов. Они кричали, чтобы их пристрелили.

Один из бандитов заговорил по-русски:

— Мы подошли к нему, а он улыбается. Подошли поближе, чтобы рассмотреть. Он был тяжело ранен, но всё время улыбался. Вроде в сознании, но ничего не говорил. Лицо всё в крови. Его автомат лежал в стороне с разбитым прикладом. Хотели снять его на видео, нам платят за каждого убитого или взятого в плен. И откуда у него нашлась сила? Стиснув зубы, он хотел подняться, и раздался взрыв...

— Что это? — спросил Михаил у Рената, указывая на три цветных камешка рядом с Эресом, и Ренат, опустив голову, сказал:

— Это обереги. Когда мы в последний раз виделись, он вытащил их из-за пазухи, поцеловал и прошептал молитву. Еле шевелил губами.

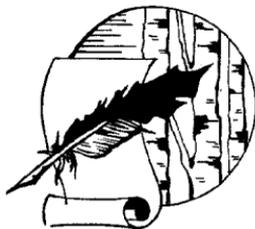
...Героя хоронили на родине. Эреса Кужугета привезли домой старший лейтенант Александр Самохин, рядовые Сухов и Залилов, а также двое солдат из Абаканского гарнизона.

Собралось много провожающих, всю церемонию похорон организовала местная администрация. Прибыли уважаемые люди из Великого Хурала, депутатскую группу возглавил уважаемый полковник, участник «горячих» точек. Вспоминали историю, героев-добровольцев Великой Отечественной и сравнивали Эреса с ними...

Местность, где хоронили героя, скалистая, могила копалась тяжело. Попалась глыба на том месте, где начали копать могилу. По обычаю предков, если уж где решили положить покойного, то менять место нельзя. Значит, нужно долбить камень.

Ренат рассказал всем, что, когда они копали окоп, где впоследствии погиб друг, там тоже оказалась большая глыба. Эрес сказал тогда: «Это моя крепость. Мой дом!» И как только мы заступали в наряд, он всегда разговаривал с ним, как с живым: гладил, что-то шептал ему и бормотал себе под нос.

На крышке гроба, накрытом флагом России, была положена фуражка. Прозвучала команда: «Пли!» — и звуки гимна смешались с троекратным автоматным залпом. Провожавшие Эреса в последний путь начали расходиться, лишь над могилой, слившись с тишиной, стояла одинокая девушка, и мало кто знал, что это Оюна, с которой Эрес полгода переписывался.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

МОЛИТВА И ПЕСНЯ

ХОЗЯЙСТВО

Натуральное хозяйство — дело сложное.
Деревенскую науку помню я:
всё, потребное для жизни, всё возможное
своеручно сотворить могла семья.

То при лампе, то при свечечке-огарышке
шерсть овечью наша бабушка пряла
и вязала всей родне носки да варежки —
вещи, полные сердечного тепла.

Зрели ягоды и овощи сезонные,
и сельчане, бережливые дотоль,
раскупали, автолавкой привезённые,
сахар, соду, дрожжи и, конечно, соль.

Остальное — от огурчиков до хлебушка —
сами взращивали, квасили, пекли...
Не дождался внуков дед — по маме дедушка:
прибрала война работника земли.

Так и стал отец главой семейства нашего —
ветеран, хозяин дома, педагог.
И досадно, что у бати, столько знавшего,
перенять и половины я не смог...

От отцов мы всё же переняли главное:
их умение выживать и побеждать,
ради выгоды не чествовать бесславное
и подачки не считать за благодать.

Соль земли — не перекупщики да комики,
но учитель, хлебороб, мастеровой.
К сложным будням суверенной экономики
привыкаем — нам такое не впервой.

РАТНИКИ

Не мир пришёл Я принести, но меч.
(Мф. 10: 34)

С долин и круч родной державы,
из тундры, степи и тайги
идут они дорогой славы.
Я слышу мерные шаги.

На них кевларовые латы,
что крепче рыцарской брони.
Они по званию — солдаты.
По духу — витязи они.

Не вижу, юны или седы:
в забралах лиц не разглядеть.
Идут апостолы Победы.
Так было, есть и будет впрямь.

Их ждут — в Орле, Чите, Надыме...
И молят Бога мир вернуть.
Но меч Христов простёрт над ними,
обозначая правый путь.

РАСПЛАТА

Пал на землю — безоружный.
Холодна земля.
Тронул щёку ветер вьюжный
и умчал, скуля.

Снайпер вырезал отметку
на цевье «винта»...
Получи, палач, ответку
с русского поста!

На посту стрелок не хуже:
белку в глаз бивал.

Земляка к ветрам и стуже
приучил Байкал.

Сибиряк по зову чести
прибыл на Донбасс
и себя на должном месте
чувствует сейчас.

За расстрел его собрата,
за свершение зла
палача ждала расплата —
и она пришла.

За бесплодые нив обширных,
за гряды руин,
за убийство граждан мирных
проклят бисов сын!

Трижды проклят наниматель
бестий всех родов —
нечисти, сквернящей мать
русских городов!

«ВОДЯНОЕ ПЕРЕМИРИЕ»

От Киплинга идёт поверье это,
что хищники в засушливое лето
не трогают, придя на водопой,
того, кто век питается травой.

И жажду утоляют без опаски
со львами лани — по закону сказки...
История красива, но, увы,
читать пока не выучены львы.

А вот сюжет иной: у водовозки
столпились люди — женщины, подростки;
безоблачен над ними небосклон,
лишь вьётся, будто чёрный ворон, дрон.

И то, что он вещает, слышит кто-то,
искусный в части чтения и счёта,
и этот кто-то, выполнив расчёт,
пришедшим за водою гибель шлёт.

С повадками не льва — скорей, гиены
заслуживает огненной геены
злодей, который хищника лютей:
он женщин убивает и детей.

9 МАЯ 2023

День Победы растянулся на года:
вновь наследники отеческих героев
зачищают от нацистов города,
горький дедовский урок всерьёз усвоив.

Мы сегодня отмечаем праздник, но —
торжествуя, поминутно помнить надо:
там, на фронте, льётся кровь, а не вино
и грохочет не салют, а канонада.

СПОДВИЖНИКИ

Если бы не было ратных побед,
кем бы себя ощущали сегодня
пастырь духовный и светский поэт?
Как бы звучала молитва Господня?

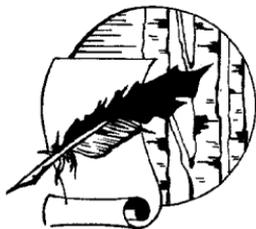
Если надломится, будто в тисках,
русский хребет в мировой костоломке,
петь и молиться на чьих языках
станут безродные наши потомки?

Равный с поэта и воина спрос:
в общем строю, что по-прежнему тесен, —
русич Бояна, державинский росс,
русский солдат из фатьяновских песен.

В слитной шеренге упасть не дадут,
с шага не сбиться помогут в колонне.
Отчая речь — и таран, и редут;
знамя — в атаке, броня — в обороне.

Приняли б, верно, другой оборот
битвы: на Воже, в Москве и под Плевной,
если бы силу не черпал народ
в грозной молитве и песне душевной.

г. Москва

Вера КЛИМКОВИЧ

Я ЖДУ!

ПЦУ ИУДЫ

На Лавре почерневшие кресты
Стыдом и горем прихожан покрылись.
И в дыры рукотворной пустоты
Влезают те, которые взбесились.

Их, будто бы от ладана чертей,
Корёжит от прекрасной русской речи.
На Банковской «под кайфом» лицейей
В воображенье расправляет плечи.

Но прихожан не молкнут голоса,
Моля о вразумлении паскуды.
Услышат и низвергнут Небеса
Не поцелуй, а ПЦУ Иуды!

ТЫ ЕСТЬ!

Все вокруг говорят — «Не жди!»
А я жду!
Все вокруг говорят — «Уходи!»
А я не иду!

Мне о чём-то сигналил гроза,
Кричит гром —
Я не верю своим глазам,
Слышу с трудом.

Если с неба льётся вода —
Просто дождь.
Кто-то скажет, что это беда.
Нет! Ложь!

Если солнце уходит в закат —
Это не «стоп»!
Возвращается солнце назад —
Будет восход!

Если сильно зажмурить глаза —
Ярче сны.
И суровее станет зима
В преддверье весны.

Что бы ни было — жду тебя
Смертям назло.
Потому, что иначе нельзя —
Всегда везло!

Мне рассвет, что тебя дождалась
Принесёт весть,
Потому, что лишь только так:
Ты — есть!

ВОПРЕКИ

Так почему-то испокон веков сложилось,
Что как-то все пути России нележки.
Но вот ведь, что бы и когда бы ни случилось,
Идёт всегда вперёд Россия вопреки.

Для русских нынче всё вокруг — одна засада,
И клещи санкций восхитительно крепки.
Спортсменам — ВАДА оказалась вроде ада,
И всё такое... но Россия — вопреки!

Они уже почти что взяли нас за горло...
Но распрямили снова плечи мужики,
Чтоб в землю нечисть эту утоптать повторно.
И вновь Россия **побеждает вопреки.**

Сошёл огонь!
А значит — дело верное!
И, значит, непременно мы дойдём!
Скажи, Господь, какой такую мерою
Измерить мир, в котором мы живём?

Снаряда взрывом иль слезами матери?
А, может, лучше песней соловья?
На что бездарно время мы потратили?
Куда катилась Родина моя?..

Чем больше в бесов стан уходит «братьев»,
Тем крепче **православная** семья.
И вновь Христос готов принять распятыё,
Чтоб возродилась Родина моя.

г. Москва

ЗАБЫТЫЕ ЖЕРТВЫ ОКТАБРЯ 1993 ГОДА

К 30-летию расстрела Дома Советов

Доколе, Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут?.. Станет ли близ Тебя седалище губителей, умышляющих насилие вопреки закону? Толпою устремляются они на душу праведника и осуждают кровь неповинную.

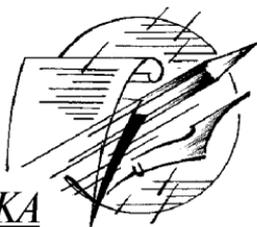
Псалом 93: 3, 20-21

Многие годы снайперы, устроившие охоту на людей в центре Москвы 3—4 октября 1993 года, именовались «неизвестными». Однако при внимательном изучении всей доступной информации «таинственные» стрелки приобретают вполне конкретные характеристики.

«Но кто-то посадил на окружающих крышах снайперов, — возмущался бывший руководитель администрации президента С.А. Филатов, — и они стреляли в военных, они стреляли в толпу. Это была чистая провокация, чтобы озлобить бойцов, чтобы не дать им возможность лояльно отнестись ко всем тем, кто был в Белом доме, и вывести их оттуда. Военных, видевших, как падают на землю их товарищи, друзья, провоцировали начать стрелять в находившихся в Белом доме людей» (Российская газета. 2013. № 221. С. 7).

Продолжение. Начало в 2006, 2009, 2010, 2013, 2018 гг.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Больше всего снайперов предоставил Израиль. Когда-то многие из них были гражданами Советского Союза, служили в Армии, получали спортивные разряды по стрельбе, окончили советские вузы. Между силовыми структурами России и Израиля была достигнута договорённость, что израильтяне-волонтёры в ходе переворота будут подчиняться непосредственно Министерству внутренних дел Израиля. Все действия на территории России координировались с руководителем Службы безопасности президента А.В. Коржаковым: прибытие в Москву, размещение в гостиницах, отъезд по израильским паспортам поездами в Бухарест, Варшаву, Берлин, а оттуда самолётами на место постоянного проживания. В задачу Коржакова входило обеспечение боевиков-гастролёров бронетранспортёрами при полном боекомплекте и снайперскими винтовками. Он же по согласованию с представителями МВД Израиля размещал снайперов на огневых позициях «в районе Белого дома». 28 сентября офицер Коржакова получил по доверенности на армейском складе в Алабино 50 снайперских винтовок. 1 октября посольский от Коржакова со склада дивизии им. Дзержинского вывез 52 снайперские винтовки (Матвеев Н. Показательный расстрел // Правда. 2003. № 113. С. 3; Мусин М.М. Месть президента, или Как расстреляли власть народа. М., 2009. С. 156; Столица. 1994. № 45. С. 8).

Свидетельствует полковник ФСБ в отставке Александр Михайлович Платонов: «Накануне переворота мы получили информацию о том, что, сделав остановку в Кишинёве, из Израиля в Москву прибыли около сотни спецназовцев. По имеющимся данным, многие в прошлом были гражданами СССР и хорошо знали русский язык. Не всем скопом, а несколькими группами, используя железнодорожный транспорт и гражданскую авиацию, они тут же, как змеи, расползлись по «щелям» в стратегически важных районах Москвы. В одной из таких временных «баз» мы решили задержать часть непрошенных «гостей», разместившихся в гостинице «Космос» (ведь рядом Останкинский телецентр). Соблюдая меры конспирации, <...> сотрудники моего отдела и АОБГ Управления нагрянули в номера этой гостиницы, числящиеся за боевиками Израиля. Однако, несмотря на внезапность, кто-то предупредил иностранцев, и в помещениях мы застали только недопитые, ещё тёплые чашки с чаем и кофе, свидетельствующие о бегстве субъектов международного терроризма. По «горячим следам» выяснили, что эта группа скрылась в миролюбивую организацию «Сохнут», имеющую в столице несколько своих зданий» (Платонов А.М. Тайная война

против СССР и России: начальник 1-го отдела по борьбе с терроризмом УБТ ФСБ РФ о лихих 90-х. М., 2016. С. 352).

В марте 2021 года, выступая в эфире интернет-канала «День TV», Платонов уточнил, что действия групп прибывших из Израиля боевиков Яков Кедми, руководивший в 1992—1999 годах израильской спецслужбой «Натив» («Тайная война против СССР. Ветеран КГБ раскрывает тайны Лубянки!» — интернет-канал «День TV», 29 марта 2021 года).

Офицеры разведки ВДВ уже после трагических событий сообщили писателю Александру Андреевичу Проханову, что в Москву за несколько дней до расстрела Дома Советов под видом спортсменов прибыли израильские спецназовцы из подразделения «Иерихон» (Проханов А. Хождение в огонь. М., 2013. С. 322). Недели через две после кровавой развязки Алевтине Александровне Маркеловой удалось поговорить с диспетчером (предъявила удостоверение) аэропорта «Шереметьево». Диспетчер свидетельствовала, что через грузовой терминал со спецгрузом из Израиля прибыл «Россей», откуда вышли израильские спецназовцы, одетые в российской военной форму. Их посадили в военные машины и увезли. Женщина пожаловалась Маркеловой, что не может спать, не знает, кому рассказать о том, что видела (из архива автора).

«Где-то 25 сентября, — вспоминал Олег Вячеславович Парщиков, — ночь, уже после полуночи. Я стоял, дежурил у баррикады, у Горбатого моста, у пандуса. У двадцатого подъезда был такой съезд, пандус. Я стоял просто и дежурил. Я заметил у себя на груди след такой, красненькое пятнышко, след от прицела лазерного. И по мне это пятнышко, так сказать, помоталось, т.е. испытывали меня на прочность. Но я стою, потому что деваться некуда. Фантастическая картина, у меня в голове серьёзность этого не укладывалась. И увидел, как очень смуглый, худощавый, мускулистый молодой человек с четвёртого этажа гостиницы «Мир» демонстративно перебрался с винтовкой с оптическим прицелом на шестой этаж этого здания по вертикальной стенке, буквально. Т.е. это, значит, человек-паук. Он шёл играючи по вертикальной стенке в армейских ботинках, как я по проспекту. Т.е., я говорю, у меня зашевелились волосы. Я сопоставил: вот она, мировая закулиса. И потом несколько раз видели и в камуфляже, и в гражданке вот этих вот ребят, очень смуглых. <...> Друг друга спрашиваем: кто это может быть? Говорили разное, начиная с того, что это чеченцы, послал их Дудаев. Я сказал: это не чеченцы, с чеченцами я служил в армии. Это очень смуглые люди. Говорили, что это еврейская организация «Бейтар». Если это евреи, то это не европейского типа евреи,

не одесситы, не те, кого мы знаем. Это очень смуглые люди, чернявые, не негроидная раса, вот средиземноморский тип. <...> И за эти данные я могу отвечать, я видел это собственными глазами. Ну достаточно много, это несколько десятков. Они особо не прятались, они перемешались, ходили, смотрели. Правда, подходили к баррикаде они без оружия. Ну вот люди подходят и молча смотрят тебе в глаза» (см. стенограмму заседания Комиссии фракции КПРФ по проверке обстоятельств совершения государственного переворота, повлекшего массовую гибель граждан в сентябре-октябре 1993 года в г. Москве. 20 ноября 2014 года).

1 октября Елена Алексеевна Сапожникова вместе со своей знакомой оказались около дома 13 по Дружинниковской улице. Из углового подъезда на пересечении с улицей Заморёнова выскочили двое в чёрных комбинезонах и танковых шлемофонах. Они были крепкого телосложения, со смуглыми лицами и смоляными кудрями; в глазах — злоба. Не сказав ни слова, неизвестные бросились вдогонку за убегающими женщинами, которым всё-таки удалось от них уйти (из архива автора).

Рано утром 3 октября (когда рассвело) Владимир Петрович Шубочкин наблюдал от Горбатого моста, как из гостиницы «Мир» через небольшие интервалы выходили снайперские группы. В каждой группе было четверо: снайпера с зачехлённой винтовкой охранял человек с автоматом, двое несли ящик с боеприпасами. Группы рассредотачивались в «районе» Дома Советов, занимали огневые позиции (из архива автора). 23 июня 2006 года бывший командир Добровольческого полка Александр Алексеевич Марков в беседе с доктором исторических наук Александром Владимировичем Островским рассказал, что вечером 3 октября на одном из верхних этажей здания парламента была обнаружена комната, которая могла использоваться снайперами (Островский-А.В. Расстрел «Белого дома». М., 2014. С. 308).

Израильские спецназовцы приняли участие в штурме Белого дома. Есаул Дмитрий Князев со своим товарищем Сергеем, бывшим «афганцем», 4 октября в здании парламента отбили атаку одной из таких групп. По словам Князева, нападавшие были в чёрных масках и хорошо экипированы; у всех пятерых убитых была «характерная семитская внешность» (Чёрная сотня. 1994. № 2. С. 2).

Командир «Альфы» Г.Н. Зайцев, прибывший на место событий по приказу начальника Главного управления охраны РФ М.И. Барсукова, по докладу своих подчинённых заметил несколько снайперских точек-лежек. Геннадий Никола-

евич обратился к подручному Ельцина: «Товарищ генерал! Обнаружили снайперов. Разрешите работать по ним моим подчинённым». Однако в ответ услышал категорический отказ (Платонов А.М. Кровавый оскал либералов // Русский Вестник. 2018. № 21. С. 3. С. 10).

Перед тем, как вывести группу сторонников Верховного Совета из Белого дома, офицер «Альфы» подошёл к депутату Ивану Кузьмичу Полозкову и сказал: «Вас будем выводить через заднюю дверь. <...> БТР подогнали к двери. <...> Там в гостинице «Мир» сидят израильские стрелки. У них есть фотографии, и они вас будут обстреливать поштучно. Примерно сотня фотографий у них есть» (см. видеозапись выступления И.К. Полозкова на вечере памяти, посвящённом двадцатилетию трагических событий сентября—октября 1993 года).

По свидетельству Олега Ивановича Чистоглядова, во время штурма здания парламента казакам удалось сбить снайпера с дома 11/2 по Дружинниковской улице. Знакомый офицер «Альфы» сообщил Виктору Михайловичу Сурженко, что когда взяли снайперскую точку на обувной фабрике им. Капранова, там обнаружили двух убитых снайперов. Они были без документов: нашли только оплаченные иностранные квитанции на гроб. Жительница дома 7 по Волкову переулку Наталья свидетельствует, что над их угловой квартирой с чердака (чердачное окно выходит в сторону Малой Грузинской улицы) стрелял снайпер, по которому тоже кто-то вёл огонь. Наталья видела, как стрелок уходил, спускался по лестнице (из архива автора).

По данным генерал-лейтенанта А.Ф. Дунаева (исполняющим обязанности президента А.В. Руцким он был назначен министром внутренних дел), в кровавых событиях осени 1993 года могли быть задействованы более 70 снайперов из Израиля (Мусин М.М. Указ. соч. С. 349—350). Полковник А.М. Платонов называет цифру — 100—120 человек («Тайная война против СССР. Ветеран КГБ раскрывает тайны Лубянки!» — интернет-канал «День ТВ», 29 марта 2021 года).

В октябре 2008 года в эфир «Народного радио» позвонил житель одного из домов, расположенных «в районе» Белого дома. Ранним утром 4 октября 1993 года мужчина вышел гулять с собакой. Невдалеке он увидел группу людей со снайперскими винтовками. Боевики разговаривали не то на румынском, не то на венгерском языке. Подполковник, прятанный вечером 4 октября во дворе жилого дома по переулку Глубокому, заметил длинноволосых молодых людей спортивного вида в камуфляже, которые заходили в подъезд с оружием, а выходили в гражданской одежде и без оружия.

По внешнему виду и поведению боевиков офицер определил, что они не владеют русским языком (Мусин М.М. Указ. соч. С. 378). Свидетельство офицера подтвердил и подполковник Юрий Николаевич Нехорошев, уточнив, что в 1993 году очевидец был подполковником МВД в запасе (из архива автора).

Помимо снайперов-гастролёров огневую поддержку обеспечивали и снайперы МВД РФ. Из числа добровольцев была сформирована группа, которая на Центральной объединённой военной базе МВД получила снайперские винтовки (Платонов А.М. Тайная война против СССР и России ... С. 360). Один из милицейских стрелков в разговоре со своим бывшим коллегой признался, что 4 октября ему выдали снайперскую винтовку, посадили на крышу одного из домов «в районе Белого дома» и сказали: «Постреливай» (из архива автора).

Впрочем, большинство погибших в Доме Советов — результат огневой поддержки штурма бронетехникой. Нина Васильевна Межуева ночевала на первом этаже здания Приёмной Верховного Совета. Утром прибежал парень, сказал, что «там БТРы наших убивают». Нина Васильевна вышла из Приёмной. Метрах в пятидесяти у костра лежал убитый мужчина в плащ-палатке (Нина Васильевна знала, что он из Краснодара; вероятно, погиб ещё перед атакой БТРов от выстрела снайпера).

Вдоль балкона здания парламента ехали 3 БТРа. В люке первого БТРа по пояс был виден человек в чёрной куртке, который вёл бешеную стрельбу из автомата, поворачиваясь на 180°. Межуева слышала, как навстречу БТрам вышел баюнист, который наигрывал и пел: «Наверх, вы, товарищи, все по местам». Вскоре песня оборвалась (из архива автора; свидетельство Н.В. Межуевой см. в фильме Студии православных фильмов во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова «Свидетельства защитников Дома Советов и очевидцев событий в Москве в сентябре—октябре 1993 года» — часть 6, 2014 год).

Сергей Васильевич Ерёмин около 7 часов утра наблюдал расстрел баррикадников из окна третьего этажа здания парламента. Просматривалось пространство между восьмым подъездом, зданием Приёмной Верховного Совета и Казачьей заставой. В течение 10 минут Сергей Васильевич видел гибель двух десятков баррикадников. Несколько человек лежали без движения около Креста и палаток (из архива автора). Виталий Александрович Смирнов пробивался от мэрии («книжки») в Белый дом. Недалеко от восьмого

подъезда на съезде в подвал лежали убитые — человек 10 (из архива автора).

С 6 часов утра до часу дня Александр Николаевич Николаев находился у решётки между гостиницей «Мир» и американским посольством. Затем Николаев перебежал к главному зданию посольства. Издалека видел, как БТРы открыли огонь по людям у решётки (там было человек 15—20). Даже через год на месте расстрела оставались клочки одежды (Восстание в защиту Конституции // 1993-2013.Ру [Интернет-ресурс]. Информация подтверждена Николаевым и в личной беседе с автором этих строк).

Группа защитников парламента, в которую входила Майя Александровна Алексеева, до полудня 4 октября передвигалась по этажам Дома Советов. В руках у Майи Александровны была рация. В эфир пробился голос: «Помогите! Горим! Много женщин, детей, у нас беременные. Нас заклинило здесь. Помолитесь за нас, нам уже не успеть». Человек, который связался по рации, дал координаты. Товарищи Майи бросились на верхние этажи, ориентировочно — 13—14 этажи, но не смогли открыть дверь. Из рации доносились вопли, крики, был слышен гул пламени (из архива автора).

Милиционер из оцепления свидетельствовал, что пленных, которых вывели из здания парламента и показали по телевидению (руки на затылке), когда стемнело, пригнали на стадион «Красная Пресня» и всех расстреляли (см. аудиоархив Светланы Матыгуллаевны Бухариевой; архив передан на хранение в Центральный государственный архив города Москвы).

Жители, примыкающих к стадиону домов, выходили на балконы, выглядывали из окон. Каратели кричали им: «Убейте с балконов, закрывайте окна, а то сейчас стрельбу откроем по окнам» (из архива автора). Местный житель рассказывал Виктору Владимировичу Аксютину (в 1990—1993 годах народный депутат России) о своей жене, которая выскочила из окна и начала кричать: «Что вы творите?!» Женщину убили (см. запись программы «Исторический поединок», вышедшей в эфир 4 октября 2018 года на телеканале «Царьград»). По словам местных жителей, убили двоих, которые наблюдали из окон за расстрелом на стадионе (из архива автора).

Несколько суток из Белого дома вывозили трупы. Вспоминает Геннадий Пермиловский, в 1993 году восемнадцатилетний солдат срочной службы войсковой части № 3335 (г. Тула) внутренних войск МВД РФ, личный состав которой с 4 по 7 октября 1993 года принимал участие в охране Дома

Советов: «Я видел, как грузили трупы. Их было очень много. Это были в основном гражданские. По крайней мере, они были без формы. Я видел 131-й ЗИЛ у Белого дома: открыли борт, было видно, что там лежат трупы, и ещё труп закидывали при мне, машина потом уехала. Многие ребята (военные), которые были чуть подальше, приходили, рассказывали, что они были в шоке от увиденного, что столько людей погибло. Когда мы вернулись в Тулу, к нам пришёл какой-то представитель из Москвы (потом нам сказали, что он был из КГБ), и мы все подписали бумагу о том, что не видели случаев мародёрства. Нам намёк был такой: ребята, зачем вам трудности нужны, случаев всяких несчастных много бывает» (Газета.Ru [Интернет-ресурс]. 2018).

По данным Николая Михайловича Харитонов (в 1990—1993 годах народный депутат России), погибших на баржах вывозили по каналу им. Москвы за город (см. фильм Вячеслава Тихонова «1993. Осень» — 2013 год). Сергею Николаевичу Бабурину рассказывали о двух помещениях, где после попадания туда снарядов всё было перемешано в кучу — остатки мебели с человеческими останками. Потом это всё собрали в полиэтиленовые мешки и вывезли на мусорные свалки (из архива автора).

В ночь с 9 на 10 октября (с субботы на воскресенье) студент Российского государственного медицинского университета Евгений Валентинович Ковалёв дежурил в Онкологическом центре на Каширском шоссе. Евгений несколько раз подходил к окну, когда на территорию Онкоцентра въезжала очередная грузовая машина, крытая брезентом (вероятно, грузовики направлялись к моргу Онкологического центра). Что было под брезентом, Ковалёв не видел (из архива автора).

Трупы защитников парламента сжигались в крематориях Николо-Архангельского, Митинского и Хованского кладбищ. Осенью 1997 года Валентина Александровна Вакуленко спросила директора Хованского кладбища: «Были ли массовые захоронения на Хованском кладбище после расстрела Белого дома?» Директор, немного подумав, ответил: «Были». На просьбу указать место захоронения, директор сказал, что этот вопрос не в его компетенции.

Летом 2003 года Вакуленко попросила рабочих Хованского кладбища (их было трое: русские, средних лет) показать место захоронения жертв октябрьской бойни. Рабочие указали Валентине Александровне на пустырь между дорожкой и бетонным забором (от второго входа на Западную территорию кладбища пройти несколько метров и повернуть немного напра-

во). Сказали, что крематорий после расстрела Дома Советов дымил и днём и ночью: «Мы задыхались от гари!». Из крематория подвозили пепел от сожжённых, который рабочие и высыпали в яму. Мощности крематория не хватало, поэтому многих погибших захоронили (хоронили в ящиках) на пустыре вдоль лесополосы (от главного входа на Хованское Западное кладбище — налево). В ямы хоронили и по два трупа. Позже там поставили бетонный забор. На месте тайных захоронений выросли молодые деревья (из архива автора).

Среди пропавших без вести оказалось немало жителей Московского региона. В октябре 1993 года капитан Министерства безопасности (МБ) Евгений Поляков (проживал в г. Щёлково Московской области) сообщил Юрию Алексеевичу Тимакову, что во время кровавых событий пропали пять жителей Щёлковского района Московской области (из архива автора).

25 ноября 2020 года депутат Государственной Думы ФС РФ Сергей Александрович Шаргунов направил в Главное управление МВД России по г. Москве запрос о двух москвичах, без вести пропавших 4 октября 1993 года — Андрее Юрьевиче Голикове и Константине Александровиче Баринове. В письме от 7 декабря 2020 года № 3/207721615234 за подписью временно исполняющего обязанности начальника ГУ МВД России по г. Москве генерал-майора полиции Игоря Викторовича Зиновьева сообщалось, что А.Ю. Голиков в розыске не значился, а К.А. Баринов «находился в розыске как без вести пропавший с 12 марта 1994 года по 17 февраля 2009 года».

Получается, что только через пять с половиной месяцев после исчезновения Баринов был официально признан без вести пропавшим. В документе констатировалось, что «розыск прекращён в связи с идентификацией личности» К.А. Баринова, несмотря на то, что мама Кости, Зинаида Алексеевна, после исчезновения сына больше никогда его не видела ни живым ни мёртвым (из архива автора).

На защиту Дома Советов приезжали патриоты из многих регионов России и бывших союзных республик. Вот что рассказал журналист Владислав Шурыгин: «Белый дом защищал один из моих знакомых, он учился в Академии. Если не ошибаюсь, он тогда был подполковником. И его отец, полковник, приехал из Минска. Вечером 3 числа сын ушёл на дежурство, потому что он ничего не мог сделать, он обязан был идти. А отец остался защищать Белый дом. И с тех пор он пропал бесследно. То есть он вообще исчез» (см. фильм Вероники Новиковой «1993-й: год кровавого перелома» — 2013 год).

В марте 2021 года я направил Владиславу Шурыгину письмо с просьбой сообщить дополнительную информацию о пропавшем без вести полковнике: «Здравствуйте, Владислав! К Вам обращается автор книги «Жертвы Чёрного Октября 1993» Валерий Шевченко. Многие годы по крупицам я собираю информацию о пропавших без вести защитниках Дома Советов. В фильме Вероники Новиковой «1993-й: год кровавого перелома» Вы рассказали о Вашем знакомом, чей отец, полковник из Минска, приехал на защиту Верховного Совета и после 4 октября пропал без вести. Если возможно, сообщите более подробную информацию — Ф.И.О. пропавшего без вести полковника, возраст».

Вскоре пришёл ответ от Шурыгина: «К сожалению, данных у меня в моём архиве не сохранилось. Мы готовили книгу в 1993–1995 годах вместе с Маратом Мусиным и все данные по этой истории я отдал ему. Потом, спустя лет десять, я просил Марата их найти, но он так и не смог их у себя найти. Обстоятельства того разговора помню отлично. Это был офицер, учившийся в Академии Фрунзе, родом из Минска. К нему приехал из Минска отец, полковник (или подполковник — уже не помню) запаса, который при начале событий почти постоянно был в «Белом доме». Сын старался быть с ним, но только когда получалось. 3 октября он заступил в наряд по факультету и не мог быть в БД. По его словам, его отец уехал утром третьего к БД и с тех пор он о нём ничего не слышал. Но, по его словам, кто-то из его знакомых по тем событиям, кто был с отцом в те дни, сказал, что видел его у БД уже после прорыва людей к БД. Вот всё, что у меня осталось. Ещё помню звание сына — майор» (из архива автора).

3 октября 1993 года после штурма мэрии С.В. Свойкин собрал из вновь прибывших на защиту Верховного Совета ополченцев отдельную казачью сотню. Казаки предъявляли удостоверения Кубанского и Донского казачьих войск. Сотню пополнили и москвичи. Некоторые казаки были одеты в камуфляж. На Новом Арбате удалось найти грузовик, на котором вповалку безоружные бойцы направились к телецентру в Останкино. В салон сели Свойкин и есаул из Кубани Николай.

В Останкино Сергей Васильевич доложил своему командиру сотнику В.И. Морозову: «Мною сформирована 2-я отдельная сотня. Господин сотник, принимайте командование». Затем Морозов посадил казаков (в том числе и новых) на грузовики. Когда примерно через час бойцов привезли обратно, у телецентра уже шла стрельба. Свойкин приказал своим казакам рассредоточиться вдоль дубовой рощи. Пока

Морозов и Свойкин ходили на переговоры с экипажами БТРов, пытаясь склонить военных перейти на сторону Верховного Совета, связь с другими казаками была потеряна. О дальнейшей судьбе ополченцев 2-й отдельной сотни Сергей Васильевич ничего не знает (из архива автора).

По оперативным данным МВД России, в здании осаждённого парламента находилось 30 человек, прибывших из Приднестровья с огнестрельным оружием (Некрасов В.Ф. МВД в лицах: министры от В.В. Федорчука до А.С. Куликова. 1982—1998. М., 2000. С. 272). Вместе с тем посольство Молдовы в Москве сделало заявление, что Белый дом защищали 150 приднестровских солдат и офицеров (Известия. 1993. № 194. С. 2). 2 октября 1993 года один из офицеров батальона «Днестр» подполковник Александр (фамилию не назвал) в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» заявил, что на защиту Дома Советов прибыли 150 приднестровцев (Всё о чёрном октябре. М., 1993. С. 9).

Дмитрий Юрьевич Соин (в 1993 году сотрудник Министерства государственной безопасности Приднестровской Молдавской Республики), побывавший накануне штурма в здании парламента, в 2018 году подтвердил, что российский парламента обороняли не менее 120 бойцов из Приднестровья (из архива автора).

Алевтина Александровна Маркелова 6 октября 1993 года дежурила на Дружинниковской улице. К Маркеловой подошёл мужчина, державший в руках большой портфель. Он сказал, что из груды пепла у торца дома 11/2 ему удалось вытащить документы, сохранившиеся при сжигании одежды расстрелянных защитников Верховного Совета. Алевтина Александровна направила того человека в Международный фонд славянской письменности и культуры, при котором действовал Общественный комитет по погребению убиенных (Маркелова состояла в Комитете). Через несколько дней Маркеловой и Елене Васильевне Русаковой удалось поговорить с руководителем фонда скульптором Вячеславом Михайловичем Клыковым. Присутствовало человек 10. Вячеслав Михайлович рассказал, что пригласил журналистов, которые пересняли удостоверения, найденные среди пепла от сожжённой одежды. По словам Клыкова, среди найденных документов оказалось много удостоверений приднестровцев. Кто-то спросил: «Где плёнки?» Вячеслав Михайлович ответил: «Они спрятаны в надёжном месте» (из архива автора).

Сколько же всего жизней унесла октябрьская бойня? В декабре 1993 года во время следствия, которое первоначально вели и сотрудники МБ, только Алексею Владимировичу

Кочеткову показывали от 180 до 200 актов судебно-медицинского исследования трупов гражданских лиц, погибших в разных районах города во время действия режима чрезвычайного положения. Среди жертв было двое неизвестных (один из них — пожилой человек, подобранный «скорой» на одной из улиц) (из архива автора). Николай Владимирович Кремлёв во время пребывания в следственном изоляторе МБ «Лефортово» в течение нескольких дней внимательно изучил 287 актов судебно-медицинского исследования трупов людей, чья гибель связывалась с кровавыми событиями в Москве. Николаю Владимировичу не удалось найти в предоставленных следствием документах описания тел тех двух стариков и женщины, гибель которых он наблюдал из двадцатого подъезда Дома Советов утром 4 октября (см. видеосвидетельство «Защитник Белого дома Николай Кремлёв в эфире «Время ПикТы» о событиях октября 1993 года»).

В первом докладе министру внутренних дел РФ Виктору Фёдоровичу Ерину указывалось, что у телецентра в Останкино погибли 196 человек (Платонов А. М. Кровавый оскал либералов ... С. 10). По данным полковника МВД в отставке Олега Тарасовича Сазонова, в здании парламента погибли 926 человек, в том числе трое детей (Воспоминания из ада: Белый дом, октябрь 93-го // Друг для друга online [Интернет-ресурс]. 2004). Общее число погибших в трагических событиях сентября—октября 1993 года составляет не менее 2000 человек.

В 1993 году архимандрит Кирилл (Павлов) говорил своим духовным чадам: «Да, хребет России почти сломали». Но русские люди верят, что подлинное возрождение России впереди.

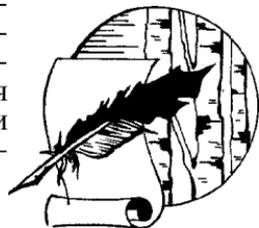
О ЛЮБВИ И ПАМЯТИ

Люди одно считают несправедливым, а другое справедливым в зависимости от условий места и времени.

Гераклит

1

И это первый разрыв *памяти*, без удержания которой невозможна правда времени, истории, судьбы. Если бы мы научились любить память, нам бы открылись неведомые материальному, бытийному миру таинственные нити, коими связано всё от начала начал. От Каина до Иуды через мириады катаклизмов до трагической ночи 29 мая 1453 года за 6 дней до которой в лунное затмение Константинополь накрыла ночь, невиданная миром после распятия Спасителя. От неё через все испытания Православия до первой великой Русской трагедии XVII века с убийством соловецких старцев, окончательным расколом и карой Божией — смертью Алексея Михайловича «Тишайшего» и Никона; с детоубийства Петром неповинного царевича Алексея и неизбежно последовавшим ровно через 200 лет ритуальным убийством последнего Цесаревича Алексея и всей Августейшей Семьи. Между этими двумя неразрывно связанными убийствами память откроет трагедию 1861 года —

ПАМЯТЬ

вторую Русскую революцию, после раскола 1666 года. И, наконец, к апофеозу грязного «серебряного» века с его основными инстинктами гомосексуализма и всеобщего саморазрушения. Но стоит любовью, энергией памяти, соединить искусственные разрывы, как высветится величайшая в мире Победа 1945 года и рожденный ею золотой век Советской культуры, что вопреки всем видимым материальным законам бытия с 1954 года в противоестественной для себя кислородной среде хрущёвской слякоти в 70-е годы достигла своего апогея.

2

Интеллигенция, вскормленная буржуазией, становится главным врагом своего народа.

Д. Неру

На экономическом форуме в Петрограде, появившийся там Эрнст (как олицетворение того, что культура — это продукт) безнаказанно оскорбил эти незабвенные 70-е и студию им. Горького. Но память поможет воскресить любимые народом фильмы, снятые выдающимися советскими режиссерами на этой киностудии именно в эти годы: «А зори здесь тихие» Ростоцкого, «Семнадцать мгновений весны» Лиозновой, «Любить человека» Герасимова, «Печки-лавочки» Шукшина, шедевр советского неореализма «Иванов катер» Осебяна и многие другие. Справка безграмотному и невежественному Эрнсту об отечественном кинематографе 70-х: великие наши экранизации Русской и зарубежной классики были созданы именно в ненавистные им 70-е годы. Вот лишь несколько из них: Шекспир — «Король Лир» и «Гамлет», Чехов — «Степь», две экранизации «Дяди Вани», «Моя жизнь», «Сюжет для небольшого рассказа», Тургенев — «Ася», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», Пушкин — «Метель», «Станционный смотритель», «Маленькие трагедии», три экранизации «Пиковой дамы», Гоголь — «Женитьба», «Мёртвые души», Лермонтов — «Герой нашего времени», Достоевский — «Кроткая», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Подросток» — всё это 70-е, публично оплётанные непотопляемым нашим телечубайсом.

Но бывают и иные разрывы памяти, оставляющие не раны, которые когда-нибудь заживут, а пустоту. Такая зияющая пустота навсегда осталась после взрыва самолета с Ансамблем Александра на борту. Это не его взорвали. Это взорвали мою Родину. С тех пор непоправимые потери национальной культуры множились и каждый следующий удар был

сильнее предыдущего. Им уже не нужно было подписывать «Письмо 42-х». Во-первых, потому что сегодня только в Москве их уже 42 тысячи по 42, а, во-вторых, большинство из них получают государственные ордена и награды за уничтожение культуры и образования даже сейчас, во время Войны. Никогда ещё они не обращали такого пристального внимания на *символы*, как теперь, — 10 миллионов и звание героев труда (!) за реставрацию картины, изображающей подлую несусветную ложь на Царя Иоанна Грозного. Репин — один из самых профессиональных художников своего времени, имея в виду техническое, прикладное, то есть владение ремеслом, но неизмеримо больший лжец, русофоб и ненавистник. И тут мы снова сталкиваемся с непревзойденными нашими двойными стандартами и желанием в одночасье прикончить двух зайцев. С одной стороны — возвеличиваем роль Репина в Русской живописи, а с другой снова демонстрируем ненависть к своей национальной исторической памяти. Великий Государь наш Иоанн Васильевич Грозный — наследник византийских царей и первый помазанник Божий на Руси, отравленный, как и супруга его, Анастасия Романовна, как сын его Иоанн и вся семья, кроме зарезанного Царевича Димитрия, — оставил нам **Образ Святой Руси**. Картина Репина являет собою *символ антимонархизма*. С точки зрения живописи — одна из самых слабых его работ и потому даже в запасниках не нужна. В Советском Союзе звезду Героя Социалистического труда вручали труженикам, то есть тем, кто выращивал хлеб, охранял и умножал Русские леса, династиями трудился на фабриках и заводах, великим режиссёрам и актёрам, внесшим огромный вклад в развитие театрального и киноискусства. Об уничтожении *Символа России* — Троицы Рублёва, мы писали в предыдущем номере «МГ» (смотрите статью Л.М. «Умозрение в красках»). «Ужасный век! Ужасные сердца!»

Бывшие наши соотечественники, что не раз ещё приползут к нам на коленях за помощью, обладают потрясающей памятью (в отличие от нас, увы). В посёлке Рудничном Вятской губернии есть необыкновенное кладбище военнопленных Первой Мировой Войны. До Ельцина на могилах стояли жестяные таблички с номерами, а при нём кладбище «украсило» огромное количество железных крестов — символа высшей воинской награды фашистской Германии. Против Российской Империи воевали также латыши. На этом кладбище под этими же крестами их 340... В 2014 году за одну ночь на кладбище появился памятник «Жертвам Первой Мировой Войны»! Оказывается, жертвы — это те, кто нас

убивал! Из 16 стран мира текли потоки денег на школу, прикреплённую к этому кладбищу, — ухаживать за... дорогими сердцу российским либералов могилами. Разумеется, всё это под патронажем «Общества всероссийского воинского мемориала». Уж сколько раз говорили и писали мы о том, что с **нашими** двойными стандартами не сравнится ни одна страна в мире. Ужасные американцы, в отличие от нас, ангелы — в 26 штатах, а это более половины континента, не только запретили аборт, но за такое преступление «мамочка» платит 9000 долларов и на 6 месяцев отправляется в тюрьму. В России же даже теперь, во время войны, фетальная «медицина» является третьей статьёй дохода после нефти и газа. Никто не хочет помнить о том, с чего начинал Иосиф Виссарионович — с введения уголовной ответственности за аборт, Хрущев — с отмены этого закона. Мы в 2023 году живём в хрущевской России.

3

Никакое богатство не сможет перекупить влияние обнародованной мысли.

А.С. Пушкин

С отрочества меня называли ходячим календарём. Но ведь для того, чтобы думать, говорить, и тем более писать о культуре надобно **любить Память**. Этому меня учили мои советские дедушка с бабушкой, у которых я воспитывалась с девяти месяцев до шестнадцати с половиной лет, пока меня почти насильно не отправили учиться в Москву.

Недавно в первопрестольной справляли очередной пир во время чумы — 90-летие «великого» «русского» «поэта» и «архитектора» Вознесенского. Три месяца в музее его имени экспонировалась выставка перформансов и инсталляций этого «выдающегося» автора.

И не могу не вспомнить о предстоящих юбилеях, которые не будут отмечаться с таким размахом, как юбилей Вознесенского. Два важных юбилея уходящего года, к счастью для нас, здравствующих писателей: 85-летие Юрия Михайловича Лощица и 75-летие Валерия Васильевича Хатюшина. Не стану дожидаться! Лощица люблю не только как поэта и замечательного прозаика, но и как земляка. Юрий Михайлович родился в селе Валегоцулово Одесской области неподалёку от мест рождения Анны Андреевны Горенко (Ахматовой), Сергея Фёдоровича Бондарчука и автора этих строк. Лощиц также дорог мне как редактор старой **настоящей** серии ЖЗЛ. Благодаря ему в этой серии вышла гениальная, так никем и не превзойдённая монография Юрия Ивановича

Селезнёва «Достоевский», выдержавшая 3 издания! У самого Лощица в ЖЗЛ вышли две книги, имеющие огромное значение для современной русской словесности — «Кирилл и Мефодий» и «Григорий Сковорода». Над «Кириллом и Мефодием» Лощиц работал 20 лет. А потрясающая монография, посвященная Григорию Саввичу Сковороде, вышла двумя изданиями. Не менее значима программная статья Лощица «Люди славянского возрождения», вышедшая в литературно-историческом альманахе «Великороссь». В ней слышится невыраженная словами радость от наших любимых славянских гениев — Шопена, Дворжака, Сметаны...

Я не филолог и не литературовед, а всего лишь музыкант, к тому же немало смущена тем, что в журнале Хатюшина дерзаю писать о нём, не задумываясь о том, что скажут «коллеги», а памятуя лишь о том, что «молчаньем предаётся Бог», и что с детства меня научили созерцать **Образ Правды**. Да и не смогу я лучше написать о поэзии Валерия Васильевича, чем это сделали две замечательные русские женщины — Наталья Егорова в статье «От Меня это было» и Людмила Воробьёва в статье «Души живая тайна. Философия любви в лирике Валерия Хатюшина» с гениальным, на мой слух, эпиграфом:

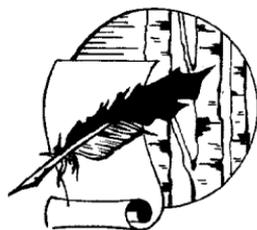
*Любить — самому в высоту подниматься
Тернистою, узкой тропой,
Любить — это в райские двери стучаться,
Другого ведя за собой.*

(Архимандрит Исаакий (Виноградов). «О любви», 1919 г.)

Эти волшебные смыслы звучат как эпиграф ко всему творчеству Хатюшина и в поэзии, и в прозе, и в публицистике. Но я скажу о его Даре Божиим в творчестве редактора. Даре редчайшем, ибо он сам поэт, печатает не только других, а восторженно находит самых лучших, со всех городов и весей. И воистину «ведёт за собой» в *Страну Поэзии*, открывая нам всё новые и новые имена. Читайте и прозу, и книги стихов Валерия Васильевича — «Вино и хлеб» и только что вышедшую книгу, само название которой звучит как музыка: «Третий снег», и это будет лучшим подарком автору к 13 ноября 2023 года. Многая и благая Вам лета!

Все древние армянские сказки заканчиваются одинаково: «С неба упало три яблока — одно рассказчику, другое тому, кто слушал, а третье тому, кто услышал».

Июнь 2023 г.

**СТИХИ
ПОЭТОВ РОССИИ**

Наталья МАКЕЕВА

СОБЫТИЕ

Мы возвращаемся в Историю —
всему на свете вопреки.
И нам кричат, что нет, не стоило
На битву поднимать полки.

Мы снова стали неудобными,
Мы снова встали в полный рост!
Берём своё, родное, кровное.
Наш выбор радикально прост:

Собрать разбросанные камни,
Собрать себя из тех руин,
В которых мы, казалось, канули,
Где ты — один и я — один...

Но, рождены земли просторами,
Где бродит вольная гроза,
Мы возвращаемся в Историю
Сказать своё большое «Да!»

КИЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

Давай пойдём на Киевский вокзал,
С которого нам в Киев не уехать...
Мне кое-кто сегодня рассказал,
И смысла нет держать в большом секрете,

Что Киев — наш, осталось только взять,
Что нас там ждут с надеждой и тревогой.
С надеждою на вежливую рать,
Тревогою, что ждать придётся долго.

Прекрасный, бесконечно русский град
Под властью обезумевшего сброда.
И кто теперь доволен, кто же рад,
Что обернулась бойнею свобода?!

Да, мы придём, как много лет назад, —
Под ветра вой и шорохи лесные,
Ведь тысячи и тысячи солдат
Приказа ждут отправиться на Киев.

На Киевском вокзале, как всегда,
Лишь постоим мы у табло большого.
Не наши уезжают поезда.
Но... подождём немного. Наши — скоро!

НА БЛОКПОСТАХ

На блокпостах — сиянье горних крыл
И крепкий чай, белёсый от сгущёнки.
Следы в седой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

— Кто здесь? — Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был, отпет по позывному..
Вон, за пригорком, несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

г. Москва

Наталья УНГЕРОВА

* * *

Покачнулась гордая планета,
Хрупкая, как шар из хрусталя.
На пододеяльнике — ракета,
Марс, Венера, Солнце и Земля.

Пальчиком покажешь синий спутник,
Зная без ошибки сателлит.
Это он тебя в ночи как будто
От тревог мальчишеских хранит.

Что приснится в этот день холодный
Необъятной маленькой душе?
Свет мой добрый, мир мой первородный,
Крепни с каждой ночью, хорошей!

Вот кольцо планеты — ты так любишь
Показать его на мой вопрос...
... В кулачке колечко приглубишь —
Значит, ты совсем уже подрос.

Горько сына отдавать невесте.
И еще горчее — не отдать...
Снова нам приносит утро вести,
Но не те, что хочется узнать.

Далеко в раздумьях убежала...
Сердце, сотвори же тишину!
Я не для того тебя рожала.
Я ль тебя рожала на войну...

г. Бар (Черногория)

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ

* * *

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба;
Надуманый страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и в тумане мерцающий лес.

* * *

Отцу

Кто вразумит нас Бога ради?
Осталось всё: вино, тетради,
В портреты втиснутые лица
И книга с загнутой страницей.
Остались в пачке сигареты,
Портфель, ремень, топор, кларнет;
В костюмы вешалки одеты...
Осталось всё! А батьки — нет.

г. Наро-Фоминск Московской обл.

Алексей СУТОРМИН

* * *

Со всем хорошим буду заодно:
Жизнь отстоялась, как вода в колодце,
И тёмное всё кануло на дно,
А светлое — со мною остаётся.
Теперь не так тяжёл нелёгкий путь,
И кажется светлей моя дорога,
И в будущее можно заглянуть.
Осталось только руку протянуть —
И дотянусь я до звезды с порога.

* * *

Я тебе благодарен, удача,
Неудача, спасибо тебе!
А без вас было всё бы иначе
В непростой, но счастливой судьбе.
Было всё: и смекалка, и сила,
Жизнь звала меня, в дали маня.
Ты, удача, меня возносила,
Неудача спасала меня.

Мои силы ещё не иссякли,
И живу я, волнуясь, любя.
Будто горец горячий из сакли,
Иногда выхожу из себя.
Пусть же будет всё так — не иначе,
Светит счастье, как искра в золе.
Ах, какая большая удача,
Что пришлось мне пожить на земле!

с. Новоюрьево Тамбовской обл.

Татьяна МАКСИМЕНКО

Вышло так, что мы с тобой вдвоём
скованы невидимую цепью,
как луна и этот водоём,
летнему дивясь великолепью.
Каждый день мы проживаем так,
словно он последний — чудный, дивный!..
Нам дано услышать пенье птах,
упоённых будничной рутинной;
налегке, без лишних слов, бродить
по густой траве; к макушке лета
прикоснувшись, грусть в душе будить:
всё проходит!... Что ж, пройдет и это.

г. Жуковский Московской обл.

Андрей СМОЛИН

НАВАЖДЕНИЕ

Уже не спится на веранде,
Пора, похоже, в старый дом.
Пусть пряным запахом лаванды
Пропахнет в доме всё кругом.

Лавандой густо пахнет кожа,
и губы нежные твои...
И, будто лето подытожа,
пусть сохнут синие цветы.

Ведь память оставляет мало:
слова... да запахи... да сны...

Представь теперь, что с нами стало,
коль ждём мы девственной зимы...

Уже не спится на веранде,
пора, пора нам в тёплый дом,
и пусть пропахнет он лавандой,
и счастье поселится в нём.

г. Вологда

Владимир ЦЫГАНКОВ

ПОЛЕ БОЯ

Не время спорить, чья вина...
Больнее боли
Идёт жестокая война
На поле боя.

Война жестокая идёт —
То мы... То наших...
За танком пашет нынче тот,
Кто землю пашет.

Когда всё будет позади,
Врага задушим,
Есть поле боя впереди
Ещё — за души...

* * *

«Быть иль не быть...» — не постигаешь в юности,
Душа иной материей кипит.
Я по своей тогда бурлящей дурости
Не долго думал: бить или не бить...

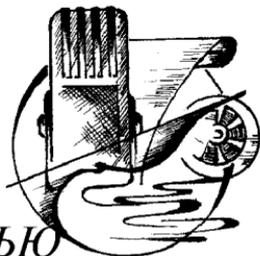
Когда сегодня часть пути отмерена,
И вражеский понятен стал гамбит,
Я говорю стране своей уверенно:
Конечно, бить, что означает — быть!

г. Омск

ВСЁ БУДЕТ ПО-НАШЕМУ!

Этот очерк я написала еще год назад. Но интерес читателя к материалу не исчез, а наоборот, возрос. Военный Игорь Ляпунов стал не только героем на полях сражений, но и в наших сердцах. После прочтения очерка меня спрашивают, а где сейчас несет службу Ляпунов? Жив? И я спешу ответить всем, кто переживает за моего героя: он жив. Все у него хорошо. Он назначен командиром саперного полка. Награжден вторым Орденом мужества. Получил воинское звание полковника. А пока мы вернемся на один год назад и окунёмся в тот вечер откровений...

Я готовлюсь к своему первому интервью с командиром сапёров Игорем Ляпуновым, выполняющим специальные задачи на Украине. И очень волнуюсь. Телефонный разговор назначен на 19 часов. Я организовала рабочее место на кухонном столе. На нескольких листах бумаги — пометки и основные данные по командиру, которого буду интервьюировать. Волнение нарастает. Вопросов много. А отведенного времени мало. И неизвестно вообще, сможет ли он выйти со мной на

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

связь. И каким этот телефонный разговор получится. Главное, чтобы человек на том конце провода раскрылся, доверился мне. Ведь мы впервые услышим голоса друг друга. А когда незнакомец задает чересчур личные вопросы, не все хотят откровенничать и впускать в свою душу. Надо видеть глаза.

До разговора остаются считанные минуты, и я в который раз смотрю на карточку с личными данными офицера и его фотографию. Невероятно, но этот молодой человек мне очень симпатичен. Фотография небольшая. На ней возле армейского стяга по стойке смирно, вытянувшись как струна, стоит красивый русский офицер. Военная форма в орденах и медалях. В 2014 году Игорю была вручена медаль «За отвагу», а в 2021 году он награжден медалью Суворова.

К слову сказать, мой герой действительно не только герой моего будущего материала, но и герой, совершивший немало подвигов в нынешней специальной военной операции. В конце мая 2022 года он был награжден Орденом мужества. Эта награда заслуженная и очень памятная.

Майор Игорь Ляпунов, заместитель командира 1-й гвардейской инженерно-саперной бригады, руководил отрядом разминирования, выполнявшим задачи по поиску и уничтожению инженерных боеприпасов и других взрывоопасных предметов. Двадцать третьего марта, будучи на очередном задании на территории Харьковской области, попал со своим отрядом в засаду. Четыре часа они сдерживали врага под минометным обстрелом, а также под обстрелом установками «Град» со стороны нацистов. В напряженной и опасной ситуации бойцы не сломались морально, и наш майор с наступлением ночи смог вывести людей и технику из окружения.

Забегая вперед, скажу, что о своих героических поступках в нашем телефонном разговоре Игорь даже не заикнется, и ни разу мы не коснемся этой темы. В нашем диалоге не будет ни одного намека на специальную операцию и каждодневный подвиг майора и его сослуживцев. Ведь подвиг — это не только бои или выполнение особо опасных заданий, а, в первую очередь, боевой настрой всей группы и отдельно взятого солдата. И в то же время — это слово. Верное слово командира, правильно подобранное. Оно — залог успеха и малой и большой победы нашей армии. Так вот, этот парень обладает невероятной воинской выдержкой и скромностью. И с правильными, верными, очень добрыми словами к своим подчиненным. Каждое его слово — на вес золота. Мы ведь в итоге смогли поговорить с ним обо всём, но подвиг и награду опустили в разговоре и даже забыли об этом, так было хорошо обсуждать мирные темы и вспоминать, вспоминать...

Нажимаю кнопки телефона. Идет гудок. А сама смотрю на фотографию майора Игоря Ляпунова. Так вот, значит, какие они, современные русские офицеры. Горделивая осанка, военная выправка. Мой взгляд задержался на лице Игоря. Сразу обращаешь внимание на взгляд. Не зря говорят, глаза зеркало души. От них исходит обжигающий лучистый свет. Я бы добавила, взгляд волевой, смелый, с вызовом. Взгляд обволакивает и берет в плен. А что еще, кроме глаз, привлекло внимание? Плотно сжатые губы. Приподнятый подбородок. Открытое, без хитрецы лицо. И снова глаза. Нарастает теплота и уважение к человеку, с которым никогда не пересекались наши жизни. И тут я услышала голос:

— Алло, здравствуйте, я вас слушаю.

Я представилась. И сразу в лоб, думаю, он же бывалый военный, не растеряется:

— Давайте начнем с ярких воспоминаний детства. Что прямо сейчас всплывает перед глазами, какой образ?

Слышу, на проводе небольшая заминка, молчит и тяжело дышит майор. Фоном звучит несколько голосов. Игорь, поспешил сказать:

— Сейчас найду уединенное местечко.

Я понимающе заулыбалась в трубку.

— Я помню мороженое на палочке. Особенно запала в память эта деревянная палочка в форме гитарки.

Эта «гитарка» прозвучала от него так по-детски сладко, наивно и непосредственно! Мы рассмеялись. Я вспомнила, что рядом с ларьком мороженого всегда продавали хлебный квас из бочек. На другом конце провода категорично сказали:

— Нет, помню только ларек с мороженым.

Игорь Ляпунов родился 22 сентября 1987 года в небольшом районном поселке Тюменской области. Родовой кирпичный дом в один этаж стоял, окруженный высокими яблонями. За домом раскинулся сад и огород. Два старших брата помогали родителям по хозяйству. Игорь же любил растапливать баню с отцом. Сидишь потом в парилке на полатях и вдыхаешь запах березовых лесов.

— А я чуть всю деревню не спалила, — вспомнила я, — на окраине было поле с сухой соломой, и я подожгла ее. Баловство чуть не закончилось трагедией.

— Ну, даешь!

Игорь заметно оторопел, прям восхитился моим плохим проступком. И мы почему-то снова рассмеялись.

Игорь пошел служить в Вооруженные силы России в августе 2004 года. В шестнадцать лет он поступил в Тюменское высшее военно-инженерное командное училище. Учебу вспо-

минает с восторгом и восхищением как нужное и фундаментальное в построении военной карьеры и получения основных знаний и дисциплин. Дед по линии матери прошел всю Великую Отечественную войну. Вернулся живым. Но Игорь выбрал профессию военного не по этому. Как вспышка в сознании. Это день присяги старшего брата. Игорю десять лет. Перед глазами ряды молодых военных курсантов. Все красивые. Все инженеры. Сама присяга как в тумане. И много мужественных, честных, сильных парней. Это была любовь с первого взгляда. Хочу быть сапером и всё. Так решил тогда и так сделал после...

— Когда я следом за братом поступил в военное училище, — Игорь аж тяжело перехватил ртом воздух, — нас повезли на озеро Андреевское. Там полигон. Побрили разом наголо всех. И вот смотрю вокруг, много лысых парней. Забавно, однако!

Игорь задумался. Тянулось наше молчание долго. Мне не хотелось нарушать это сакральное молчание, так нужное ему в этот момент. Он откашлялся и снова захватил меня своим обаянием и позитивным настроем. А ведь он был на Харьковском направлении. Сейчас им дали небольшую передышку. А он шутил и как-то так с иронией давал мне свои ответы. В каждом слове сквозила еле уловимая печаль и нежность. Он как будто держался, держался, точнее, держал всё внутри и вдруг выдохнул:

— Вот ты спрашиваешь, почему я стал сапером. Никогда не думал об этом. Мне нравится, что в нашем деле ставится много задач. Это интересно. Это захватывает. Всего намешано. Конечно же, много техники. Язык инженера — чертеж и формула. Надо, чтобы здание упало или в сторону, или четко вниз. Надо всё тщательно рассчитать. Пересчитать! Если вокруг стоят другие многоэтажки, надо так сделать и так подорвать, чтобы ни одна из них не пострадала.

Вступительные экзамены. Небывалое волнение. Мандраж. Игорь сидел за партой и строчил ответы. Рядом такие же абитуриенты. Все хотят поступить. А ему надо кровь из носа, надо стать военным. Почему-то вспомнил маму. Мама красивая, строгая. Всегда требовательно относилась к его учебе. Придет с работы уставшая, а первым делом проверит уроки. Игорь всегда учился хорошо. Троек в дневнике не было. Мама не терпела халтуры. Написал плохо, грязно, будь добр, перепиши с черновика всё на чистовую и, если надо, не один раз. Скрипят ручки о бумагу в аудитории, пишут абитуриенты ответы, спешат. А Игорь прикрыл глаза и отца вспомнил. Никаких наставлений глава семьи сыновьям не давал. Может, это и правильно. Не было в семье напряжения, гнёта.

Все три сына делали работу по дому хорошо и не из-под палки. В учебный процесс отец вообще не вникал, доверял им. Мама была и остается главной в семье, всем всегда она занималась, стояла у штурвала их семейного корабля. Родительская любовь скрепила их семью прочно, как цемент, никогда не было трещин среди родных, разрастались семьи сыновей, и отчий дом становился всё больше и больше.

А в старших классах Игоря прям пробило на физику. Взахлеб читал учебник, решал задачу за задачей. Внимательно внимал тому, что говорит учитель, бывший директор школы. Хотелось всё знать. Два предмета, физика и физкультура, стали ключевыми при выборе профессии. При поступлении в училище Игорь смог решить 10 из 11 предложенных задач в билете по физике. В графе ответа для одиннадцатой задачи, посомневался и написал легко и красиво строчки из стихотворения Лермонтова «Белеет парус одинокий». Преподаватель была ошеломлена такой кричащей лирикой в ответе. Физика и лирика — вещи несоместимые. Но нужные. Раз написал, не побоялся, значит, будет смелым командиром, подумала так и поставила оценку пять, но с небольшим минусом.

Тюмень. Учеба в военном училище. Преподавателей было много и у каждого свой подход, свои слова к студентам. Но Игорю запомнился начальник училища, генерал-майор Михаил Логинов. Для Игоря он стал непререкаемым авторитетом. Мужчиной с большой буквы. Настоящим мужчиной. Его слова сразу и навсегда попадали в сердце. Находили отклик, звали за собой. Идут годы, летят годы, а в ушах стоит этот голос и его слова. Умные слова. Ну и, конечно, не обходилось без вольностей, ребяческих выходок. На четвертом курсе Игорь решил сбежать в самоволку. Торопился на свидание к любимой девушке. Решился бежать в воскресенье в 12 дня. Не бежал, летел на встречу с любимой. Перепрыгнул через ограждение — колючий забор с проволокой — и снова побежал. А за «летающим» курсантом наблюдали из-за стекол «Волги» строгие глаза генерал-майора Логинова. В понедельник утром на разводе всего училища генерал обратился ко всем со словами: «Еду по Таврическому шоссе, смотрю, мой курсант бежит, хотел остановиться. В машине со мной сидит глава администрации. Он говорит: «А ведь красиво бежит!» И меня вдруг такая гордость взяла за своих парней. За тебя, Игорь».

— Похвалил, он меня, значит, — тихо сказал Игорь. — А я ему хочу сказать спасибо за всё.

В настоящее время для Игоря есть только один ориентир в профессии — это начальник инженерных войск Вооружен-

ных Сил Российской Федерации генерал-лейтенант Юрий Ставицкий. Со слов Игоря, авторитет этого генерала в армии непререкаем. Талантливый, строгий, профессионал своего дела генерал-лейтенант Ставицкий родился 21 января — это день, когда также отмечают и свой день рождения инженерные войска России. Игорь убежден, что это не случайное совпадение. Грамотного полководца им послал Бог. Это, уверяю вас, не пафосные слова. Игорь восхищённо сказал:

— Юрий Михайлович глубоко знает инженерные войска. Нам есть, на кого равняться. Можно сказать и так: у суворовцев был Суворов, а мы суворовцы Ставицкого. Для всех войск он наш генерал, наш любимый строгий отец. Он всегда находится с ребятами-солдатами. Не разграничивает звания. Так, я наблюдал, как он в трудные моменты боевых действий не прятался, находился на передовой со всеми трое суток, как все, был без сна и отдыха. А ему, заметьте, не двадцать лет. Эти действия со стороны генерала для солдата очень важны и показательны. Это поднимает боевой дух.

— А у тебя семья, дети есть? — поинтересовалась я.

— Есть семья. Трое детей. Два мальчика и девочка. — С гордостью проговорил Игорь в трубку, — А у тебя?

— У меня сын, 21 год, студент. Больше детей нет.

— Значит, еще будут, — весело и с напором выдохнул телефон.

— Нет, не будут, — тихо сказала я Игорю. — Больше не будет. Его папа, врач, умер в 2009 году, сердечная недостаточность.

— Понимаю тебя, — сказал солдат, и действительно, всё стало очень понятно. Одна простая фраза — и становится как-то легче. Понимаешь, ты не один. И он там понимает, что тоже не один. Люди могут помочь заживить раны. Даже на расстойнии. Даже не видя друг друга. Не зная.

— Мне не страшно умереть за Родину, за близких, за русских людей. Но страшно исчезнуть для семьи и детей. Страшно, что дети и жена останутся. Вот этого не хочется. Ведь моих детей никто не будет любить так же сильно, как я. Ни один отец на свете.

— Мой сын тоже всегда ждал папу, — сказала я.

Сказала я это Игорю и как попала в кокон доверия. Кокон сострадания. Стала понимать, что я не одна в этом мире. Вот есть русский солдат, и он думает так же, как я. Он знает мою боль, разделяет ее. Как будто он приложил листик подорожника на самое больное место на теле, и боль отступила.

Я ему поверила. Нельзя не поверить. И захотелось, чтобы он скорей вернулся к своей семье. Обнял жену и детей. Чтобы в этой семье была мама и был папа. Обычное человечес-

кое счастье. Простое и такое хрупкое. Чтобы эта семья надолго не расставалась.

— А как ты влюбился в свою жену? — с замиранием в сердце спросила я.

Я понимала, что это очень личное. Их маленький секрет. Но война всё обострила, всё открыла в человеке. И хотелось, чтобы Игорь вспомнил и это, рассказал мне о своей мирной жизни. Это придаст ему сил.

— Кольцо обручальное ношу с собой на цепочке. На пальце боюсь зацепить. Меня в одном интервью спросили, хотел бы я прожить еще жизнь, новую? Я им — нет, а зачем? Приезжаю домой, сидим с женой, а я ей говорю: «Танюш, а Танюш, что я в жизни сделал такое хорошее, что ты есть у меня».

От этого откровенно чувственного признания у меня пошли мурашки по коже. Это говорил офицер. Закрытый, закаленный трудностями мужчина. Но в его сердце жила и пела, как птица, любовь к его единственной любимой женщине, к его жене. Мне стало так радостно за неизвестную мне женщину. С красивым именем Танюша.

Игорь и Таня состоят в браке с 2009 года. Они расписались сразу после выпуска Игоря из военного училища. Свадьбы у молодых не было. Но им было и так хорошо вместе. Они знали, что это навсегда, на всю их долгую счастливую жизнь. Просто по-другому и не могло сложиться. Это же первая любовь. Самая сильная, самая большая любовь между мужчиной и женщиной. Такая любовь, какой ни у кого и никогда до них не было. Любовь без чужих глаз, без плохих слов, без предательства и грязи, без фальши. Всё как на ладони. Одна линия жизни на двоих до самого конца.

Я продолжала молча слушать Игоря. Боялась перебить. Его слова шли и шли на меня потоком. Это была исповедь зрелого, очень умного мужчины, у которого каждое слово как родниковая вода. Видела я такие холодные живительные струи родников только на рубцовской земле. На малой родине вологодского поэта Николая Рубцова. Били они из глубин земли и давали надежду. Живительную надежду на будущее.

— Это ведь я к ней тогда бежал «красиво», — и в его голосе было столько шепчущей любви и мечтаний. — Танюша очень хорошая мама. Хорошая жена. В меру строгая с детьми. Она у меня бухгалтер, юрист. И знаешь, сейчас чувство любви к ней испытываю даже больше, чем в первые годы знакомства. Любовь нарастает с прожитыми годами. Люблю делать ей подарки. Любуюсь, когда дарю ей розы или ромашки. А она меня целует и говорит нежно: «Игорёша».

— У тебя очень хорошая жена, — сказала я. Добавить тут было нечего.

А Игорь продолжал вспоминать:

— Знаешь, в гости не ходим часто. Наоборот ценим каждую минуту проведенную наедине. Любим посидеть вдвоём, поговорить, пообниматься. Взял с собой ее фотографию. Смотрят с карточки на меня ее любимые серо-голубые глаза.

— А у тебя какого цвета глаза?

— И у меня серо-голубые глаза! — Игорь выдержал паузу. — Мы с ней очень похожи. Внешне, мыслями, характерами. Иногда в шутку спорим, на кого из нас дети похожи. Но уши и нос точно мои!

— Конечно, уши и нос твои! — Мы уже не могли остановиться от заразительного хохота.

Дети Игоря не только повторили его внешне, но и характеры у них у всех стальные. Старший спокойный, дочь громкая и характерная в маму Игоря, а младший только еще богат научился — этому крохе всего год. При первой же возможности Игорь звонит домой. Услышит голоса детей и лепет маленького, и сразу исчезают сомнения, страх. Надо идти дальше, только вперед, выполнить поставленные задачи.

— А теперь расскажи мне про твоё 23 марта 2022 года, когда вы попали в засаду. Ты ведь на Украине с начала военной операции. И всегда выполняешь специальные задачи, а значит, рискуешь, отвечаешь за жизни людей.

— Такая работа у солдата. Мы тогда бегали постоянно, не спали трое суток. Ночью решил выводить ребят из окружения. Никто у меня не погиб. Чудо! Мой отряд шел по центру, два по флангам.

Паники среди военных в отряде Игоря никогда не бывает. А секрет — в профессиональной подготовленности и в выработанном характере. А еще помогает вера в Бога. Отец окрестил маленького Игоря в городе Ишим Тюменской области. Родная сестра отца стала крёстной. И с того момента Игорь знал — с ним рядом, в нём есть Бог. Каждый день Игорь читает молитву. С собой у него крестик, иконка и охранный церковный поясок.

— В критических ситуациях по-особенному верится, — я вжалась ухом в трубку, голос Игоря стал тише. Слова потрескивали, как масло в лампадке. — Перед важными мероприятиями ко мне подходят солдаты. Понимают, что идем на серьезное дело. Всё может быть. Один солдат подошел и спросил: «Ведь всё же нормально будет?!» И столько в его голосе надежды. Я не могу подвести, говорю ему, каждому говорю сокровенные слова: «Всё будет нормально, верь мне!»

Откуда в Игоре эта несломленная вера?! Этот стержень?! Духовная сила?! Кто дал ему такую власть знать, что всё будет хорошо. А он и правда знает и ведет своих солдат, ведет своей, только ему ведомой тропой. Безопасной тропой. Чутье как у животного. Острое чутье. Чувствовать кожей врага. Так делали его предки. Так делал его дед, вернувшийся с войны. Передал ему свой дар. Это чутье сильнее животного страха. Оно закрывает солдата. Дед прошел Великую Отечественную с деревянным крестом под рубашкой. Игорь идет со своим крестиком. Каждый несет свой крест.

— Ты помогаешь солдатам. Настраиваешь. А где сам берешь эту созидующую, светлую энергию?

— Что мне придает силы? О детях своих думаю больше всего. Надо вернуться к детям! Они ждут. Особенно дочь ждет, говорит: «Папа сильный и смелый». Дочь нельзя подводить.

Дети военных — это особая песня. Знают они не как быть военным, а как быть детьми военного. Папа всегда на службе или в командировке. Всегда на страже страны. Дети военных тоже становятся стойкими оловянными солдатиками. Мужественно стоят и ждут отцов. Дети у Игоря золотые. Все понимают. Не мешают отцу работать. Надо — значит надо. Отец научил не плакать. Приучил к спорту. Старший сын в 8 лет стал в Москве бронзовым призером по спортивной гимнастике среди детей. Сейчас дзюдо занимается. Дочь тоже в садике посещает художественную гимнастику.

— А что нашим солдатам сейчас нужно?

— Продолжайте нам писать письма.

— Писать вам письма?! — переспросила я.

— Очень помогают нам письма, которые получаем от школьников. Мои солдаты читают письма и отвечают детям. Отвечают на каждое письмо. Я ношу несколько писем с собой и часто перечитываю. Детские рисунки мы развешиваем на стенах блиндажа и смотрим на них. Это находит отклик в сердце. Ведь у каждого есть там и свой ребенок.

Мои глаза скользнули по стене. И остановились на часах. Восемь вечера. Мы проговорили целый час. Я не хотела прерывать разговор, но понимала, надо прощаться. У Игоря, видимо, не было рядом часов... Я спросила:

— А чему тебя научила специальная операция?

Игорь ответил мгновенно:

— Переоценка ценностей.

Ну и напоследок расскажу небольшую историю о доброте русского солдата, о взаимовыручке в экстремальных ситуациях. Игорь поделился со мной «маленьким» подвигом, незаметным вроде бы для других. Никто бы и не узнал о нём, и

остался бы этот подвиг неизвестным, если бы не откровенность Игоря. Этот подвиг медалью не отмечен. Герой этого подвига исчез. А подвиг его бесценен.

— Есть у меня, Миша-командир, подчинённый мой. В повседневной жизни один, а в сложных ситуациях — очень смелый. Это еще к переоценке ценностей. Он у меня молодец! В обычной жизни спокойный, молчаливый. Так вот, когда попали в засаду, он в перерыве между обстрелами подошел и, смеясь, говорит: «Тушенку будешь?!» Я попробовал и огрызнулся: «Не очень она вкусная у тебя!» А теперь расскажу, как неизвестный танкист этому Мише жизнь спас. Старший лейтенант Михаил Кондратьев получил задание разминировать противоположный берег реки при форсировании водной преграды. Когда перебежал ленту моста, попал на мосту под обстрел. Один из снарядов упал рядом с ним. Ударной волной Мишу отбросило с моста в реку. На нем тяжелый бронезилет, выплыть в этом нереально. Уходит Миша под воду. Тонет. А рядом танкист, увидел тонущего Мишу. Подбежал, лёг на мост и сунул руку в воду. И вытащил нашего Мишу за каску из воды. Миша, весь мокрый, побежал дальше и выполнил поставленную перед ним задачу. А танкист уехал. Приезжало к нам телевидение, Миша на всю страну этого неизвестного танкиста поблагодарил. Может, танкист Мишу узнал.

Пусть у танкиста тоже всё будет хорошо!

— Пора прощаться, — говорю я.

— Пора, — отвечает Игорь и добавляет: — Наши враги хотят, чтобы всё по-ихнему было, только так никогда не будет... Потому что нет такого слова, «по-ихнему»!

Наши телефоны разъединяются. Я в Москве. Игорь сидит в укромном месте и думает. Думает о жене и детях. Смею думать, что думает и обо мне и нашем разговоре. Посидела я за кухонным столом, взяла телефон и написала ему смс: «Игорь, спасибо тебе за откровенную беседу. Передам твое имя настоятельнице Горицкого Воскресенского женского монастыря и будут о тебе молиться во всё время специальной операции. Они молятся о военных. Напиши только, как вернешься домой. С уважением, Нелли».

Обещание свое выполнила. Матушке Тавифе сообщила имя солдата. Она отписалась, что помолятся. А следом прилетела смс от Игоря: «Спасибо тебе большое, спасибо! Всё обязательно будет хорошо!»

Если Игорь сказал, — значит, всё будет хорошо. Я ему верю. Верю, потому что это Игорь сказал.

ИНОАГЕНТЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

18 августа на сайте РБК появилась информация о том, что Минюст расширил список иноагентов, в который теперь входит и писательница Линор Горалик (Юлия Борисовна Горалик, 1975 г.р., имеющая двойное гражданство Израиля и Российской Федерации), о деструктивной деятельности которой не раз писали в сетевых СМИ.

В ноябре 2021 года, патриотическое литературное сообщество, многие школьные учителя и вузовские преподаватели были просто потрясены, узнав, что текст Линор Горалик включили в школьную олимпиаду по литературе Московской области.

О маргинальном литературном сообществе мы слышали и прежде, но чтобы их опусы продвигали в школьную олимпиаду, — это уже серьёзный повод задуматься: что-то не в порядке в Датском королевстве. Кто-то, видимо, уже списал со счетов русскую культурную христоцентричную традицию, в ограде которой сохранились и обрели голос малые народы. То, что тогда, в ноябре 2021 года, литературная общественность сплотилась, ощутив угрозу полного разрушения этой традиции, уже не вычеркнуть из русской истории.

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Началось это противостояние с аналитического обзора известного литератора и журналистки Елены Пустовойтовой о том, что собой представляет фасад современного литературного процесса в нашей с вами стране, опубликованного на сайте интернет-журнала «Молоко»

Елена Пустовойтова писала: «Константин Райкин на седьмом съезде Союза театральных деятелей России 24 октября 2016 года возопил против борьбы государства за нравственность в искусстве потому, что это была бы борьба против него, его собственного восприятия мира, которое лишено морали, нравственности, патриотизма, чувства Родины. «Не верю я этим группам возмущённых и обиженных людей. Это группы мерзких людей, которые борются незаконными мерзкими путями за нравственность», — это он, народный артист России, о нас, православных. Может себе позволить.

Но есть среди гораликов-райкиных и свои прямо-таки вожди. Вот, к примеру, Наташа Романова (Цай) — автор поэтических книг «Машина наваждения», «Ли Ху Нам», «Расписная стена», «Публичные песни», «Песня ангела на игле» — все вышли в издательстве «Борей-арт», а две новые книги стихов «Зверство», и «Людоедство» выпустило питерское издательство «Лимбус-пресс». По собственному признанию Романовой-Цай, в школьные годы несколько лет стихи за неё писала её бабка. Свои собственные были крайне неудачны, «это была не более чем гормональная поэзия, свойственная многим молодым девушкам». А в чём прокнулся талант? Что сделало её «очень известным авангардным поэтом»?

Мне пришлось долго ломать голову над тем, какой образец её творчества приложить к этой странице. Через колено срифмованная мерзость, замешанная на демонстративном сквернословии, оскорбляет. Прошу и вас потерпеть, иначе трудно будет понять, с чем мы столкнулись.

БОДИПОЗИТИВ

*Обрубок дерева валялся на пути,
от солнца и воды сошла на нём кора.
Отверстие сучка зияло посреди —
в излучине ствола разверстая дыра.
Мигранты с психами туда вставляли член,
справляя нищий свой потенциал,
бомжи, поэты под хмельком и все, кому не лень.
И даже мой отец не раз туда совал...»*

Далее автор статьи приводит и опус Горалик:

*Где Москва-река упадает в Лету,
о гнилую решетку клетчатые бока
обивает корабль складчатый,
и кривуль карандашный нежившего пассажира, —
безо рта, но с хером от пятой строчки и до полей, —
то как шмякнется плоской рожей, то глянет издалека
в глаз крысиный сводчатый, черный издалека,
а вблизи такой, словно глазика-то и нету.*

Эти строки Горалик — не самые агрессивные в её «творчестве» — можно найти на разных сайтах. Их не могли пропустить чиновники из Минобразования Московской области, отбиравшие авторов в школьную олимпиаду.

На доступном и сегодня любому школьнику антироссийском сайте также можно найти информацию об одном из романов Линор Горалик и Сергея Кузнецова «Нет»: «*Винрарный роман про недалекое будущее, где прон стал обыденным и легальным делом и норот бросился невозбранно реализовывать Правило 34 IRL. Чуть менее чем полностью состоит из стёба над ЕРЖ, фуррями, сексом всех мыслимых видов, этой страной, небыдлом, проном, шоу-бизнесом. Также присутствуют любовь, гуро, мусульманская Америка, геи-полицейские, мутанты, поголовная китаизация и ботинки с GPS*».

Когда я обратилась во всевозможные государственные инстанции и к министру просвещения РФ. С.С. Кравцову с открытым письмом, то получила ожидаемое. Но не от тех, кто по статусу должен отвечать за культурную политику в стране. Журналисты либеральной прессы в лице «МК» и «Новой газеты» (5 сентября 2022 года Басманный суд Москвы на основании иска Роскомнадзора аннулировал у «Новой газеты» лицензию СМИ в России) вместо того, чтобы рассуждать по делу, завизжали на все лады, что с моего открытого письма, названного почему-то доносом, начался повтор 1937 года и новые репрессии. Нас называли «душителями свобод», «пещерными людьми» и т.п.

В то же время начальник управления общего образования Е.М. Жданкина и председатель региональной предметно-методической комиссии Всероссийской олимпиады школьников по литературе М.А. Мишерина ответили мне, что стихотворение «Как в норе лежали они с волчком...», включенное в школьную олимпиаду, — «изящное, многоплановое и очень доброе». (К сведению, Мишерина Марина Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры речи и риторики факультета русской филологии Московского государственного областного университета.)

С этим же вопросом к министру образования Московской области И.М. Бронштейну обратился известный поэт и журналист, преподаватель МГУКИ Александр Бобров. Ответила ему начальник управления общего образования Е.М. Жданкина, что Горалик — лауреат премий «НОС» и стипендиат Фонда памяти Иосифа Бродского. Мы посмотрели роман, за который получена премия «НОС» и ужаснулись от патологического муссирования темы педофилии.

В следующем своём обращении к министру просвещения С.С. Кравцову, а также М.А. Мищериной мне пришлось напомнить, что российское общество сегодня стоит перед угрозой гуманитарного кризиса, о чём сказано в Указе президента РФ от 24 декабря 2014 года «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Поэтому, как сказано в документе, важнейшей целью государственной культурной политики является «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образов поведения». Так почему же Министерство образования Московской области не следует Указу президента РФ?

Внятного ответа не последовало.

Матерщинные опусы Горалик вынуждены были приводить авторы серьёзных статей в газетах «Советская Россия», «Слово», на портале «Столетие». Автор «Столетия» цитирует преподавателя вуза Михаила Морозова, который ввязался в диалог с защитниками Горалик на её страничке в «Фейсбуке» (запрещен в РФ; принадлежит корпорации Meta, которая признана в России экстремистской): «А вот чудесное стихотворение тоже про зверюшек. Можно в младшие классы:

*Что ж ты Родине на кровь не подашь?
Что ж ты, курочка, бычка не родишь?
Вон коровка барсука принесла,
Поросёночек яичко снёс,
...Вятский хорь ломает зубров по углам,
а муксун на лысуна попёр,
а порешня лахатка е...,
а харза нарвалу пасть порвала,
...Только ты одна, кудахчущая б...,
не умеешь ради дела умереть,
ради Родины родить му...ка...»*

Что заставило тогда, в декабре 2021 года, «Учительскую газету» поддержать «одну из ярчайших фигур современного русского литературного процесса в частности и процесса

культурного вообще» Линор Горалик, дав развёрнутое интервью с ней, когда даже на страничке Википедии Горалик значилось, что она выступает в поддержку ЛГБТ? В интервью «УГ» Горалик раскрыла свой художественный мир: «Ад для меня не важнее других пространств, где эти взаимодействия, эти проявления большого в малом осуществляются... острее, чем когда бы то ни было. И это завораживает и вызывает у меня постоянный и мучительный интерес: война (как в романе «Имени такого-то»), невозможные катаклизмы (как во «Всех, способных дышать дыхание») и так далее. Все это просто своего рода фон для того, чтобы говорить об обыкновенном и человеческом. Что же до других сегментов ада, М1 — сегмент «русский», вернее, завязанный на русскую культуру и повседневность: мне почему-то кажется, что в (моем) аду люди попадают в узнаваемый и родной для них мир».

И это — для сегодняшних школьных учителей? Для старшеклассников?..

Не для того ли младореформаторы и выбивали из школьной программы гуманитарную науку, начиная с сокращения часов литературы, чтобы сегодня в эти лакуны вливать яд растления и демонизации?

Впрочем, неудивительно, ведь «Учительская газета» под руководством Арслана Хасавова активно пиарила на своих страницах будущих иноагентов и ультра-либералов — Дмитрия Быкова, Виктора Шендеровича, Бориса Акунина, Михаила Зыгаря, Дмитрия Глуховского, Гузель Яхину, Тамару Эйдельман, Ирину Прохорову, Льва Рубинштейна, навязывая их педагогам в качестве «икон стиля» и «совестей нации».

За разъяснением, как могла такая «писательница» попасть в школьную олимпиаду, обращался к губернатору Московской области А.Ю. Воробьёву и председатель Союза писателей России — полковник запаса, писатель и военный журналист Николай Фёдорович Иванов. И ему ответили, что все вопросы — к региональной предметно-методической комиссии Всероссийской олимпиады школьников по литературе, т.е. к М.А. Мищеринной. Получается, никто ни за что не отвечает.

По тому, как чётко, не сговариваясь, реагировали думающие люди из разных профессиональных сфер, было ясно, что происшествие — из ряда вон выходящее. Далее последовало обращение литератора, журналиста Сергея Борисовича Скороходова в Роскомнадзор, в котором он указывал, имея в виду опусы Горалик, что «разрушение нравственности, которое несут в себе такие тексты, влечет за собой духовную

смерть человека и должно пресекаться немедленно и жёстко, как терроризм, поскольку это и есть терроризм, ничуть не менее опасный, чем бомба или нож, и даже более разрушительный именно потому, что духовный терроризм всегда прячется за вывеску либерализма, за право на свободу высказывания и ложный авангардизм».

В полученном им ответе из Главного управления МВД РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области значилось: «В результате проверки сведений о возможном нарушении действующего законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области не получено».

Далее С.Б. Скороходов обратился к Генеральному прокурору Российской Федерации Игорю Викторовичу Краснову. Вот фрагмент письма: «... Вызывает вопросы и то, что финансирует ненавистников и разрушителей русской культуры само российское государство. В тендерах Роспечати непременно участвуют два юрлица: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина» и АНО Содействия развитию теории и практики литературного перевода «Институт перевода», в учредителях которой находится всё тот же Фонд Ельцина. Шесть из восьми тендеров выиграл Фонд Ельцина, и два — «Институт перевода». Условия тендера на представление русской литературы за границей пишет Минцифры, где директором Департамента государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии работает Владимир Григорьев, назначивший директором литературных премий Татьяну Восковскую. Он же, Григорьев, состоит в членах правления Ельцин-центра, он имеет контроль над финансовыми потоками в области книгоиздата. Условия тендера на участие в зарубежных ярмарках пишет тоже он. В конкурсе участвует Ельцин-центр, которым управляет Григорьев, итоги подводит Григорьев, и он же выделяет государственные деньги на книгопроизводство, книгопрезентацию и книгопродажу».

Вразумительного ответа не последовало и на это обращение.

СВО стало смывать налезшую в нашу культуру грязь, и многое обнажилось в общественной и духовной жизни. Так, Линор Горалик создала антирусский сайт, о чём мы с преподавателем Николо-Угрешской семинарии, историком А.Ю. Соловьёвым писали на Русской народной линии в мае 2022 года, в частности, констатируя, что в статьях определённых авторов этого сайта проходят призывы к физическому, ритуальному устранению президента России В.В. Путина.

Такая вот школьная олимпиада с зайчиками.

В российской социальной сети «ВКонтакте» на странице Алёны Ткаченко размещены комиксы «Заяц ПЦ и его вообразяемые друзья», автором которых является Линор Горалик. Через эти изображения длительное время активно осуществляется пропаганда развращающих действий, сквернословия, асоциального поведения, циничного отражения материнства и детства, чрезмерной натуралистичности, подстрекательства к противоправным и антигосударственным действиям, суицида, оскорбления чувств верующих.

Получается, что должно было пройти полтора года войны, чтобы в Минюсте поняли, что враги не только где-то там, а в нашем собственном государстве управляют умами молодёжи через лживый литературный процесс!

Между тем, сайт с этими мерзостями был закрыт, а вот страничка «ВКонтакте» — доступна. И, разумеется, привлекает детей и подростков. Также доступен до сего дня сайт Горалик «для подростков» «Новости-26», где она знакомит молодёжь с новостями про «обстрелы мирных жителей Украины», а также с книжными новинками, представляя, к примеру, «книгу о любви» «Лето в пионерском галстук» (авторы книги внесены Минюстом в список иноагентов).

Вспомнились мне строки русского поэта еврейского (как и Горалик) происхождения Иосифа Уткина, написанные им в 1943 году («Русская песня»):

*Не звали нас и не просили,
Мы сами встали и пошли,
Судьбу свою в судьбе России
Глазами сердца мы прочли.*

*Не рвёмся мы в чужие страны.
Но сердцем чистым и простым
Родной земли живые раны
Мы не забудем, не простим.*

Несчастье, которое мы переживаем — с нашим образованием, с культурной политикой, с кадрами в министерствах — это наше общее несчастье, оно пришло в наши семьи, в школы. Поэтому и преодолевать его нужно всем миром.

Итак, несколько итоговых вопросов.

Есть ли у нас сегодня закон, запрещающий террористическую деятельность в сфере культуры?

Защищены ли мы и наши дети от новых гораликов, которых так рьяно взращивали в прежние времена при поддержке некоторых государственных чиновников?

Понесут ли наказание те чиновники, которые продвигали в образовательный процесс как образец для подражания юным умам «писателей», ведущих антигосударственную, антикультурную политику?

Кто придёт на смену этим чиновникам и этим «писателям», ведь до сих пор у нас нет внятной политики в сфере того же гуманитарного образования, а голос патриотических СМИ едва слышен лишь тогда, когда уже оставлены все возможные рубежи и отступить просто некуда?

О ЦЕЛЯХ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА»

1848 год в Европе был романтически назван «Весной народов». 175 лет назад «Весенний ветер перемен» первым затронул Италию: в январе в Палермо вспыхнуло восстание с требованиями экономических реформ и улучшения положения рабочих. Вскоре оно перекинулось на Милан, Венецию, Флоренцию, Рим и Неаполь.

В феврале в Париже, столице Франции, прошли массовые демонстрации с баррикадными боями («Февральская революция») с требованиями экономических и либеральных реформ и отставки правительства. В результате пала конституционная, весьма либеральная монархия и создана Вторая республика во главе с первым президентом Луи-Наполеоном, который через четыре года устроил переворот и провозгласил себя императором.

В начале марта в южных и западных государствах Германского союза — Вюртемберге, Баварии, Гессене, Саксонии и др. началась «Мартовская революция», возглавляемая профессорами и студентами с лозунгами национального объединения Германии, свободы печати и собраний. Была даже создана

УРОКИ ИСТОРИИ

конституция, провозгласившая Германию федеративной республикой, однако в следующем году революция была подавлена.

13 марта начались организованные сторонниками республиканского строя волнения в столице Пруссии Берлине, переросшие в вооруженные столкновения. В апреле восстание было жестоко подавлено, однако король Карл I всё же учредил парламент с ограниченной законодательной властью.

Одновременно в Великой Польше (Познанское княжество, отошедшее к Пруссии в 1815 г. по решению Венского конгресса) вспыхнуло вооруженное восстание с целью создания независимого польского государства. Пруссия, занятая внутренними волнениями и войной с Данией, решила «польскую проблему» лишь через год — не только независимости, но даже автономии поляки не получили.

В Австрийской империи произошла цепь восстаний. Началось всё 15 марта в венгерском городе Пеште. В результате император Австрии Фердинанд отменил крепостное право, налоговые привилегии дворянства и духовенства. Затем началось восстание в Хорватии с требованием независимости, затем восстание в самой Вене, затем во Львове с требованием объединения Галиции с Польшей, затем в Богемии (Чехия) с требованием признания автономии. Спас Австрийскую монархию от распада русский император Николай I, верный Священному союзу трех императоров (во время Крымской войны Фердинанд «отблагодарил» его). Однако венгры и чехи получили признание в качестве наций.

В столице Швеции Стокгольме 18—19 марта произошли беспорядки (подавлены армией). По городу были распространены листовки с требованиями политических реформ.

В Дании недовольство фермеров и либералов вылилось 21 марта в народный марш. Новый король сформировал новое правительство и принял новую конституцию.

В Швейцарии католические кантоны спровоцировали гражданскую войну с целью образования самостоятельного союза, но были побеждены протестантскими кантонами.

В июне в румынском княжестве Валахия (после русско-турецкой войны в 1829 г. оно получило автономию в составе Османской империи и находилось под протекторатом России) произошло восстание либералов и националистов, ставившее целями полную независимость, отмену крепостного права, ликвидацию привилегий бояр и административную реформу. В сентябре восстание было подавлено.

Беспорядки затронули Испанию и Португалию, но там они начались ещё в 1830-е годы и продолжались в 1850-е. Затро-

нули они даже «старую добрую Англию», однако решение конфликтов власти сумели «спустить на тормозах».

Даже этот беглый обзор вызывает недоумённый вопрос: как это практически одновременно почти во всей Европе произошёл революционный взрыв, потрясший основы государственности европейских стран? На первый взгляд, цели воставших были разными — и национально-освободительными, и национально-объединительными, и экономическими, и политическими, однако за всеми ними, как трояновы уши, торчала общая цель — пресловутые «свобода, равенство, братство» (мы помним, в какие реки крови вылилась она во Франции в 1789—1793 годах).

Современные школьные и вузовские учебники истории и всевозможные исторические труды объясняют одновременность событий тем, что, дескать, в каждой из стран Европы долго копились свои противоречия, которые и завершились революционными выступлениями. Но почему они произошли одновременно? Ведь даже пика солнечной активности в том году не было (он пришёлся на 1850 год). И почему они происходили по одинаковому сценарию, успешно опробованному почти за 60 лет до того во Франции? Об этом историки умалчивают.

А между тем проницательные люди ещё в то время сумели разглядеть движущие силы революционных событий. *«Мир управляется совсем иными людьми, о которых даже представления не имеют те, кто не заглядывает за кулисы»*, — сказал в 1852 г. в Палате общин Великобритании Б. Дизраэли, канцлер казначейства, будущий премьер-министр, будущий лорд Биконсфилд, крещёный еврей, принявший христианство всей душой, а не для проформы. (Его отец, как объясняет Британская энциклопедия, ушёл в своё время из синагоги, считая, что законы Талмуда «отрезают евреев от великой семьи всего человечества».)

Дизраэли один из первых указал на опасность мировых заговорщиков (глобалистов, по-современному): их *«влияние может быть установлено в последнем взрыве принципа разрушения в Европе. Здесь имеет место мятеж против традиции и аристократии, против религии и собственности. Равенство всех и отмена собственности провозглашаются тайными обществами... В союз с коммунистами вступают самые умелые дельцы и манипуляторы собственности; самые необычные и выдающиеся люди действуют рука об руку с подонками низших слоёв Европы»*.

В свете высказываний этого выдающегося мыслителя и опытного политического деятеля вовсе не кажется случай-

ным, что в том же 1848 году появился «Манифест коммунистической партии», написанный К.Марксом при участии Ф.Энгельса. Начинаясь «Манифест» словами: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма», а заканчивался: «Пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».

Большевицкая революция в России совершилась почти точно по лекалам Маркса—Энгельса. Что потеряли и что приобрели русские пролетарии после Октября 1917 года, хорошо известно по их многочисленным восстаниям в 1918—1920 гг. Хорошо также известно, в руках каких «пролетариев» оказалась власть в стране. Поэтому нельзя исключить, что под словом «пролетарии» основоположники исторического материализма имели в виду кого-то другого. Но в остальном «Манифест» заслуживает внимания.

Написанный местами в форме полемики с предполагаемыми буржуазными оппонентами, он полон недомолвок, искажений и передёргиваний. В частности, провозглашая уничтожение семьи, авторы утверждают, что она существует только у буржуазии, а пролетариат, мол, и так находится «в вынужденной бессемейности», и потому ему терять нечего. «...его [пролетария] отношение к жене, детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями». Почему так, объяснений нет, однако идея уничтожения семьи нашла горячих поклонников среди большевистских функционеров (А.Коллонтай и др.). Партийные же вожди поначалу заняли выжидательную позицию, а в конце 1920-х гг. от неё окончательно отказались, поняв, что в России этот номер не пройдёт.

Своеобразный «ход конём» сделан в вопросе общности жён: «...нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жён у коммунистов. Коммунистам нет необходимости вводить общность жён, она существовала почти всегда». То есть и здесь напущено туману, и читателю оставалось ломать голову: так будут общие жёны или нет? Этот вопрос в России с тревогой задавали и простолюдины, «Манифеста» никогда не читавшие, — рабочие и крестьяне, которых в 1918 году сбивали в трудовые коммуну. Большевикам приходилось давать обещание, что общих жён не будет.

Планируя «заменить домашнее воспитание детей общественным», фактическое отлучение детей от родителей авторы манифеста ловко обосновали «прекращением эксплуатации детей родителями», умолчав при этом, в чём же заключа-

ется эксплуатация и какие родители эксплуататоры — буржуазные или пролетарские. Эта идея нашла куда большую поддержку у большевистского руководства — ведь людьми, с милосердия воспитанными в казарме, легче управлять. Потому в 1920-е годы и понастроили в СССР «дома-коммуны» с общими кухнями-столовыми и детскими комбинатами, в которых детям предстояло находиться круглосуточно, и лишь кормящие грудью матери могли навещать своих младенцев. Но и эта идея, толком не реализовавшись и в начале 1930-х, заглохла.

Внимания заслуживает и ещё одна идея «Манифеста», касающаяся законов, морали и религии. «Законы, мораль и религия — всё это для него [пролетария] не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы». По поводу гипотетического обвинения буржуазных оппонентов о том, что «коммунизм отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того, чтобы обновить их», авторы вообще ушли от ответа, а постылись в протестные рассуждения о классовых противоположностях.

Насчет законов мысль, на первый взгляд, справедлива, ибо во все времена и во всех странах законы, даже самые демократические, принимаются в интересах правящего сословия. Однако авторы и словом не обмолвились об установлении каких-то иных (коммунистических) законов и иной (коммунистической) морали, т.е. открытым текстом призвали творить беззаконие и произвол, что и происходило в России в революционные годы. (Вспомним слова одного из руководителей ВЧК М.Лациса: «Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого».)

Что касается религии, особенно православия, то с этим «предрассудком» советская власть боролась почти все свои 74 года, особенно активно в 1918—1922 годах, в 1930-х и начале 1960-х годов, включая разграбление и уничтожение храмов, аресты и расстрелы священнослужителей и активных прихожан, однако искоренить веру так и не смогла.

Наконец, национальный вопрос. Ключевые слова: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего нет». Почему нет, прямой ответ отсутствует, но из всего предыдущего текста можно догадаться: потому что у них нет собственности. (Хотя можно также предположить, что слово «рабо-

чие» было условным названием каких-то других людей.) Из того же текста можно догадаться, что патриотами являются мелкие собственники — мелкие торговцы, крестьяне, ремесленники и т.д.: «Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны...»

Но следом же и противоречие: «Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока ещё национален...» То есть национальность у рабочих всё-таки есть, и она признаётся (а если есть национальность, то, значит, есть и отечество), но — как явление временное, а после завоевания мирового политического господства нации и отечества исчезнут.

Во что это вылилось на практике, показала 1-я Мировая война. С её началом все активисты II Интернационала разошлись по своим национальным квартирам, все они, наплевав на международную солидарность рабочих, желали победы своей стране — Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции. Одни только русские (точнее, российские) коммунисты желали поражения России и показали себя настоящими интернационалистами. Провалились также и все попытки создать из народов СССР «новую историческую общность — советский народ».

Так что же это за документ — «Манифест коммунистической партии»? Плод больших фантазий? Нет, мировой тираж этого документа уступает только тиражу Библии. Если внимательно его изучить, то становится ясно, что это — первое опубликованное изложение теории мирового заговора, теории варианта глобализации революционным путём под прикрытием защиты интересов пролетариата (те самые «свобода, равенство, братство»). Разрушение семьи, казарменное воспитание детей, поругание вечных нравственных ценностей, ликвидация религии, презрение к прежней культуре, уничтожение национальных различий и создание единой нации... Всё это нам уже знакомо, многое мы видим сегодня своими глазами.

Глобализации по-марксистски не получилось, и «Манифест» показал свою полную несостоятельность. Впрочем, существует и другое мнение. Этот документ был нужен для подталкивания революций («Каждая война, каждая революция, каждое политическое или религиозное потрясение в христианском мире приближают нас к тому моменту, когда высшая цель наша будет достигнута нами»). И здесь своё дело «Манифест» сделал.

Олег КАССИН,
председатель Общероссийского общественного движения
«Народный Собор»

ВЫВИХИ ИСТОРИИ ПОДЛЕЖАТ ИСПРАВЛЕНИЮ

Денацификация Украины должна быть осуществлена в пределах её современных границ. Оставление даже окраинных областей под влиянием враждебного нам коллективного Запада без проведения полной денацификации создаст постоянный источник напряжённости для всего окружающего мира. Очаг нацизма в Европе станет плацдармом для мирового экстремизма. Уже сейчас на Донбассе воюют наёмники из радикальных исламских и иных группировок, что показывает беспринципность и безответственность украинского политического руководства, его готовность сотрудничать с любыми экстремистами и террористами.

Сохранение неонацистов в какой-либо части Украины отдаст под их гнёт наших кровных братьев, которые будут подвергаться жестокому насилию и дискриминации за исповедование традиционных русских ценностей. Изуродованные нацистской идеологией, они станут пушечным мясом для геополитических провокаций как против нас, так и против других стран, ставших неудобными по каким-то причинам мировому жандарму, выкормившему современный украинский режим.

УРОКИ ИСТОРИИ

К тому же, учитывая поставки на Украину все более дальнобойных систем вооружений, становится очевидным, что даже небольшой сохранившийся там неонацистский плацдарм обусловит террористические атаки с него на мирные российские города, как минимум, до Москвы.

Западная граница Украины является тысячелетним рубежом между восточным славянством и более западными народами. Достаточно взглянуть на исторические атласы, составленные в советский период на основе академических исследований, многократно перепроверенных коллективами историков, чтобы убедиться в незыблемости этих границ, начиная с девятого века по настоящее время.

На прилагаемых картах видно, что Киевская Русь на западе доходила до окраины расселения восточных славян. Её граница практически точно повторяет современную западную границу Украины за исключением потери небольшой части территории, аннексированной Польшей во время порабощения древнерусских земель после крушения Киевской Руси в результате татаро-монгольского нашествия.

Нарушение геополитического рубежа Речью Посполитой, предшественницей Польши, покусившейся в трудную для Русского мира эпоху на южную часть древнерусских земель, стоило ей потери на несколько веков собственной государственности.

Геополитические рубежи такого ранга нельзя нарушать безнаказанно, и отход от них всегда будет только временным. Оставление нацистам любой, даже самой незначительной части Украины автоматически приведёт к эскалации усилий коллективного Запада по продвижению НАТО на восток, попыткам иных политических провокаций, толкающих мир на грань глобальных военных конфликтов. Денацификация Украины должна осуществляться на всей её территории вплоть до западной границы.

При этом, учитывая агрессивную позицию Польши в отношении России в настоящем военном конфликте, имеет смысл проведение ревизии всех взаимоотношений по исторически спорным территориям. Так, бывший одно время столицей Галицко-Волынского княжества город Холм (современный Хелм) был основан князем Даниилом Романовичем в 1239 году, но ныне находится на территории Польши.

То же самое касается и района города Белосток, отторгнутого от этого же княжества. В июле 1944 года город был освобожден Красной Армией и присоединён к Белоруссии. В рамках обмена населением с СССР 20 сентября 1944 года Бело-

сток с прилегающими районами был передан Польше, которая насильственно выслала оттуда белорусов и украинцев.

Белосток имеет особое значение как основа для прорубания так называемого Сувалкского коридора — сухопутного участка длиной около 100 километров, который мог бы соединить территорию Белоруссии с Калининградской областью России. В настоящее время по этой территории проходит граница Польши с Литвой.

Сувалкский коридор необходим для установления прямой территориальной связи России с её Калининградской областью, оказавшейся фактически в блокаде и ставшей предметом политических спекуляций со стороны Польши и прибалтийских лимитрофов.

Политическое искоренение нацизма, денацификация Украины до её западных границ — неперемное условие для установления прочного мира в Восточной Европе. Страны-агрессоры против Русского мира и активные пособники украинских неонацистов — такие, как Польша, Литва, Латвия, Эстония, после победного завершения нынешнего противостояния должны по результатам новой «Ялты» понести наказание, включая передачу победителям части территорий, необходимых для обеспечения долгосрочной безопасности Русского мира. Этого требует историческая справедливость, и такие решения оплачены жизнями многих тысяч наших солдат, павших в освободительной войне.

Без Сувалкского коридора существование Калининградской области будет постоянно осложнено, и проблемы этого анклава станут регулярным источником политической напряжённости.

Территория Сувалкского коридора, как и территория Калининградской области, была отторгнута крестоносцами и поляками у пруссов и ятвягов, которые подверглись геноциду и были в большинстве истреблены. Только часть этих народов, избежавших уничтожения и насильственной ассимиляции, спаслась от истребления бегством на территорию современной Белоруссии и вошла в состав белорусского народа. Современное Союзное государство Россия-Беларусь является историческим правопреемником пруссов и ятвягов и имеет право на восстановление исторической справедливости по устранению последствий перекройки геополитических рубежей посредством кровавых завоеваний Запада.

В историческом отношении Сувалкский коридор не имеет отношения к исконным территориям поляков, как и вся северо-восточная и северная часть Польши. Случайные выви-

хи истории подлежат исправлению для целей долгосрочного умиротворения.

К тому же, прорубание коридора будет содействовать разрушению фактически сложившегося неонацистского интернационала экстремистов, занявшего господствующие позиции в Польше, Литве, Латвии и Эстонии.

Для ликвидации этого крупного геополитического гнояника в центре Европы потребуются и иные меры, включая территориальные коридоры с целью аналогичного спасения русского населения, подвергающегося сейчас жёсткой дискриминации. Тот же латвийский город Даугавпилс (в прошлом — русский город Борисоглебск, а позднее — Двинск) на протяжении всей своей истории сохранял русское население, составляющее даже сейчас в нём большинство.

Для прочного урегулирования существующего конфликта на Украине необходимо принятие комплекса мер по устранению исторических перегибов во всём регионе, включая Польшу и Прибалтику. В противном случае под видом «украинских патриотов» диверсионные группы с сопредельных территорий ещё долго будут терроризировать украинский народ, о чём наглядно свидетельствует история бандеровцев.

ИСЛАМИЗАЦИЯ РОССИИ

Россия стремительно превращается в мусульманскую страну. По данным Левада Центра, с 2009 по 2012 годы численность мусульман в России выросла с 4% до 7%, в 2020 составила приблизительно 14% от населения страны. Большое влияние на процесс исламизации оказывает миграция, особенно нелегальная. Сколько нелегальных мигрантов из исламских стран на территории России, доподлинно неизвестно, поскольку актуальная статистика по данному вопросу в открытых источниках практически не публикуется.

Фертильность и рождаемость неисламского большинства граждан страны не позволяют обеспечить элементарное воспроизводство населения. Фактически продолжается вымирание всех значимых в масштабах страны этноконфессиональных групп, за исключением мусульман. При текущей динамике население России уже через 10-15 лет может быть на треть исламским, а к середине века мусульмане могут стать большинством.

При этом в российском исламском сообществе нет единства. Российские мусульмане — представители коренных народов

РУССКИЙ ВОПРОС

России, с социокультурной точки зрения находятся гораздо ближе к россиянам из других этноконфессиональных групп, чем к мигрантам-единоверцам. Это подтверждает ход СВО: десятки тысяч российских мусульман встали на защиту нашей Родины и проявляют массовый героизм. К сожалению, нельзя сказать того же про мигрантов или «новых россиян», недавно получивших гражданство. Случаи же участия мигрантов в СВО единичны, как и служба в рядах ВС РФ в целом.

Нет единства и между духовными общественными организациями российских мусульман. Крупнейшие из них — Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ России) под руководством Талгата Таджуддина и Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) под руководством Равиля Гайнутдина — выступают на разных позициях по ключевым вопросам и являются конкурирующими организациями. Так, ЦДУМ России фактически поддержало спецоперацию, издав фетву во Владикавказе о признании погибших на СВО шахидами, то есть погибшими за веру. ДУМ РФ, в свою очередь, хранит молчание, расставив приоритеты в пользу внутренней повестки.

На этом фоне мигранты, прибывающие в страну из Центральной Азии и Закавказья, не рассматривают российское исламское духовенство в качестве духовного авторитета, а по вопросам религии обращаются к своим имамам и муфтиям. В итоге сообщества мусульман-мигрантов замыкаются сами на себе и уже не могут адаптироваться и ассимилироваться даже в рамках российской исламской среды. Это приводит к тому, что десятки тысяч замкнутых мигрантских сообществ фактически невозможно контролировать, и уже никто не понимает, какую версию ислама продвигают в той или иной мигрантской группе. Наряду с этим мигрантами создаются молельные комнаты, закрытые секции единоборств, мигранты массово получают разрешение на травматическое и гладкоствольное оружие или приобретают его нелегально.

Сложившуюся ситуацию нельзя назвать по-другому, кроме как бомбой замедленного действия под российской государственностью. Фактически в мигрантской среде сформированы десятки тысяч замкнутых групп, рассредоточенных по всей России, со своим пониманием исламского вероучения, сильно отличающимся от принятого среди российских мусульман. Существует реальный риск массового перехода мигрантов к открытым формам протеста, в том числе связанным с насилием.

Очевидно, что продолжение миграционной политики открытых дверей уже в среднесрочной перспективе приведет Россию к катастрофе. При этом даже в случае изменения миграционной политики доля мусульман в обществе и, как следствие, их роль во внутренней политике страны будет продолжать возрастать за счет убыли других этноконфессиональных групп и высокой рождаемости у исламского населения. Это формирует запрос на новую, более качественную государственную политику для выстраивания взаимодействия и взаимопонимания с российскими мусульманами. Клубок десятилетиями копившихся проблем в этой области привел к тому, что в конце марта президент России Владимир Путин напрямую поручил силовикам и правительству разработать комплексные предложения по развитию миграционной политики, что в целом задало определённый вектор, но единого понимания, как решать эту сложнейшую задачу, нет до сих пор.

Наличие основных исламских учебных центров и мест религиозного поклонения за рубежом вместе с несколькими конкурирующими духовными организациями внутри России создали ситуацию, когда идеология российских мусульман фактически контролируется извне.

Во внешнеполитической сфере Россия последовательно развивает отношения с исламским миром, с 2005 года являясь наблюдателем в Организации исламского сотрудничества (ОИС). С другой стороны, кадровая политика на этом направлении вызывает много вопросов. Люди, отвечающие за взаимодействие с исламскими странами, не проявляют остро необходимой инициативы в продвижении российских интересов. Можно констатировать, что позиция России по ключевым религиозным вопросам просто игнорируется, а столь деликатная работа с мусульманским сообществом поддается непрофессионализмом и безответственностью поставленных на это направление чиновников.

Приведём несколько примеров. С 2019 года специальным представителем Российской Федерации при Организации исламского сотрудничества в г. Джидде является экс-глава Дагестана Рамазан Абдулатипов. При назначении на эту ответственную должность в Москве создана межрегиональная организация в поддержку деятельности ОИС, однако за 4 года каких-либо мероприятий с её участием замечено не было, равно как и деятельности Абдулатипова в Джидде. Кроме того, репутация политика подпорчена многочисленными криминальными скандалами, связанными с его родственниками.

Важный пост для российских мусульман — уполномоченного по делам Хаджа Комиссии по вопросам религиозных объединений правительства РФ занимает другой высокопоставленный российский политик — Ильяс Умаханов. Хадж — это ключевой исламский обряд паломничества в город Мекку, имеющий для мусульман огромное религиозное значение.

К сожалению, отвечающий за это важнейшее направление чиновник оказался замешан в скандале с обманутыми паломниками из Татарстана. Еще в 2017 году организаторы Хаджа обворовали сотни паломников, оплативших поездку. В результате люди никуда не поехали, у компании — оператора поездки — внезапно отозвали лицензию, а собственник убежал с деньгами. Нужно отметить, что эта поездка достаточно дорогостоящая, и многие мусульмане копят на Хадж всю жизнь. Срыв Хаджа для мусульманина — это чудовищное оскорбление религиозных чувств и личная трагедия. Такие случаи создают сильное напряжение в мусульманском сообществе, которое вызревает внутри годами и десятилетиями.

Семья Умаханова также тесно связана с уголовными историями. Например, его зять, боец стиля «муай-тай» Джамал Касумов обанкротил в 2015 году «Дагестанскую энергосбытовую компанию», где являлся и.о. управляющего директора и жёстко избил капитана полиции, который отказался «заять» дело. Нахождение на связанных с религиозной работой должностях скомпрометированных лиц с криминальными связями подрывает авторитет российской власти на международной арене и негативно настраивает мусульман по отношению к стране в целом.

Всё это, а также отсутствие адекватной религиозной и миграционной политики создает предпосылки к росту исламского радикализма внутри России, что зачастую идёт рука об руку с террористическими идеологиями. Несмотря на то, что в странах Средней Азии в целом общество традиционно, оно часто слишком легко воспринимает уродливые формы радикальных течений. Яркий пример — то, что происходило в Сирии. Очень много людей как из России, так и из Средней Азии примкнуло к запрещённой в РФ террористической организации ИГИЛ. Идеологическая лакуна часто заполняется чем-то диким, средневековым, а потом это всё направляется в Россию. Чтобы избежать этого, необходимы общие цели, нужно восстанавливать утерянные гуманитарные связи, идти по пути евразийской интеграции, ведь если, условно говоря, человек в Киргизии будет иметь нормальную работу дома,

ему никогда в голову не придёт бросить дом, семью и поехать на заработки в Россию.

На фоне военной агрессии Запада против русского народа страна оказалась лицом к лицу еще перед одним вызовом. Без решительных изменений текущей ситуации этно-религиозный баланс российского общества в ближайшие несколько десятилетий может быть полностью разрушен, что угрожает существованию Российской Федерации как государства.

Где же выход из этой опаснейшей ситуации, угрожающей самому существованию русских как государствообразующего народа? Жизненно важно продвигать традиционные ценности на основе православного христианства среди русского населения и других коренных народов России. Не вернувшись к традиционным ценностям, невозможно решить проблему низкой рождаемости. Приоритет должен отдаваться в первую очередь именно соотечественникам, русским, носителям русской культуры, или тем, кто солидаризируется с русским миром, а уж потом всем остальным. То же относится и к профессиональным качествам.

Как считает главный редактор портала «Евразия» Наталья Макеева, максимальный режим благоприятствования при получении гражданства, должен относиться в первую очередь к высококвалифицированным специалистам. Напротив, низкоквалифицированные иммигранты в Россию должны проходить максимально сложную процедуру получения гражданства.

«Необходимо привлекать в первую очередь через профильные отделы министерств тех людей, которые действительно нужны, — уверена Макеева. — Это будет в интересах нашего государства. Нам нужны специалисты, мы должны привлекать высокотехнологичных, высокообразованных людей из постсоветского пространства и из дальнего зарубежья».

Вообще говоря, для приглашения в Россию именно тех, кто имеет отношение к Русскому миру и стремится к восприятию русской культуры, необходимо уточнить само понятие «соотечественники». В настоящий момент неточность формулировок создает правовую неопределённость, чем активно пользуются криминализированные этносообщества, импортирующие под видом «соотечественников» совершенно чуждых, агрессивных носителей враждебного менталитета.

По мнению директора Центра геополитических экспертиз Валерия Коровина, понятие «соотечественник» происходит

от слова «отечество», «отче» — то есть «отец, первопредок». Таким образом, понятие соотечественник подразумевает под собой всех, кто разделяет комплекс ценностей культурного и исторического наследия наших русских предков, создавших общую культурно-историческую основу нашей общей государственности, объединившей множество народов и этносов на основе этой самой русской культурно-цивилизационной матрицы.

Без решения вышеуказанных проблем у России в долгосрочной перспективе просто нет будущего. Необходимо как можно скорее отказаться от самоубийственной миграционной политики «открытых дверей». При этом нужно учесть на государственном уровне интересы российских мусульман и проявить уважение к исламской части коренного населения России, наконец-то навести порядок в российских организациях, связанных с исламом. Это даст возможность избежать этноконфессиональных конфликтов и консолидировать российское общество.

Русская народная линия

КАК ЗАЩИТИТЬ ОСНОВНОЙ НАРОД?

После крушения Советского Союза, а точнее Российской Империи, в исторических границах во всех национальных республиках начался русский погром. Где-то он шел крайне жестоко, где-то менее жестоко, но русских стали гнать везде. Двадцать лет назад, проживая в Харькове, я очень остро почувствовал актуальность русского вопроса. Включился в общественную жизнь, создал организацию «Русь Триединая». Еще в 2002 году писал письма Путину о важности воссоединения триединого русского народа. Буквально кричал о надвигающейся угрозе и взывал что-то с этим сделать, защитить русско-культурный Харьков. В данное время вопрос с Украиной разобран, ясен. Решение этого вопроса — дело техники.

Цивилизационная война с Западом на той стадии, что всё уже очевидно, и инертная государственная машина целиком включена в эту повестку. За пределами России по украинским лекалам, конечно же, стремительно растет новая угроза — это Казахстан, который в данное время напоминает Украину позднего Януковича, запутавшегося в векторах развития. Казахстан, по сути, перенимает эстафетную палочку от практически уничто-

РУССКИЙ ВОПРОС

женных бандеровцев, но эта угроза внешняя. Однако самая страшная угроза — это нарастающая цивилизационная война внутри самой России.

Мигранты завезли в Россию свою картину мира. Очевидно, что в этой картине мира русский — лишний. Он должен отдать свое личное пространство новым завоевателям. Когда-то Броз Тито заселил албанцами Косовский край, исконно сербские земли. Албанцы расплодились, стали теснить сербов. В результате Югославия исчезла с карты мира, а колыбель Сербии — Косово — для сербов потеряна.

Корень сегодняшней проблемы России — в 90-х, когда миграционная политика была дана на откуп русофобам под кураторством исторических врагов России. Тогда этим вопросом заведовали советники Ельцина по нац. политике: Эмиль Абрамович Паев, Владимир Изявич Мукомель, Анатолий Григорьевич Вишневецкий (настоящая фамилия из той же серии). Директор центра миграционных исследований Дмитрий Полетаев, который в данное время ратует за привлечение в РФ африканцев, только от американского фонда Мак Артура получил почти 600 тыс. долларов. Что-то еще надо пояснять по поводу этого персонажа? Труд мигрантов интересен крупному капиталу, ведь работа мигранта обходится дешевле, чем коренного жителя России. Эту мантру недавно повторил Марат Хуснуллин (заместитель председателя правительства РФ), отметив, что труд мигранта бюджету обходится дешевле на 30% и посетовал, что мигрантов не хватает и надо бы завезти еще пять миллионов.

Хуснуллина можно было бы понять, если бы россияне, к примеру, как катарцы, были акционерами страны и, не работая, получали бы по миллиону рублей от национальных богатств. Но в нынешней схеме, когда национальные богатства принадлежат олигархам, русский народ оказался лишним на этом празднике жизни. По Конституции Россия кому принадлежит: гражданам России или олигархату? Чтоб таких вопросов не возникало, в 90-е годы и была отработана концепция завоза мигрантов. До недавних пор и в самой России всякое столкновение русских с многонационалами правоохранители списывали на бытовой конфликт. А если и усматривали признаки многонациональной розни, то виновниками записывали, как правило, русских. Так и появилась пресловутая «русская статья». Но сейчас, когда волна миграции буквально затопила Россию и без преувеличения стала главным вызовом существования страны, подход к проблеме национальных отношений должен в корне измениться.

Важно понимать, что всякая власть в любой стране начинается с драки за улицу. Тот, кто выиграл драку за улицу, в конечном итоге добирается и до верховной власти. В Герма-

нии нацисты через многочисленные драки с коммунистами, захватили контроль над улицей, а потом пришли к власти. То же самое произошло и на Украине в 2014 году. Первое, за что взялись путчисты, — это контроль над улицей. В феврале 2014 года в Киеве им это удалось сделать. Жесточайшие уличные столкновения с массой погибших происходили в городах Юга-Востока Украины. В конечном итоге жители Донецка и Луганска улицу удержали за собой, теперь эти города в составе России. А Харьков, Одесса, Николаев, Днепропетровск не смогли отстоять свои улицы от бандеровской орды. В результате — тотальный русский погром в этих городах.

В России сейчас начался этап той самой драки за улицу. Мигранты вытесняют русских с детских, спортивных, дворовых площадок. А тех, кто недоволен, избивают. Мигранты из Средней Азии у себя на Родине живут в условиях, где веками выработаны жесточайшие превентивные механизмы, сдерживающие разгул животного начала. Они не знают, что такое невидимая узда Закона. Понимают только когда всё предельно и наглядно явлено на примерах: тронешь женщину, придут родственники и без долгих философских прений — зарежут.

Без привычных механизмов сдерживания диких страстей, оказавшись в России, мигранты не способны управлять и распорядиться более высокой степенью собственной свободы, они не готовы поднять эту свалившуюся на них тяжесть. Эта свобода пьянит открывающимися возможностями, которых на родине нет. Если пьяного человека посадить за руль мощного автомобиля, он покалечится, а то и убьет себя и окружающих. Мотыльки на огонь будут лететь, пока у них есть возможность. Так и приезжие с Востока. При свободе действий у них возникает чувство эйфории. И эта волна нарастает.

Русские люди научились жить в большей степени свободы, здесь более мягкая практика общественного порицания, камнями на месте не забывают, а контролером является не только Закон, но и личная дисциплина духа. Но доброта, терпимость, щедрость русских воспринимается приезжими как слабость. Среди мигрантов действует принцип. Другим — всё, а врагам закон! Диаспоры защищают своих по принципу крови и происхождения, а не по принципу справедливости. Если в России насильник и сядет за изнасилование, то диаспора приложит все усилия чтоб сокамерники его поняли и простили.

Вопрос: насколько хватит русского народа гасить своей кровью эту волну? Диаспоры должны ощутить тяжесть принципа, по которому русофобия наказуема уже по самому факту русофобии. Конечно, Бог попустил России войну внешнюю и цивилизационную внутреннюю для мобилизации духовных

сил русского народа. Это сигнал русской молодежи — пора завязывать с татуировками, пирсингом, вредными привычками, моральным, духовным разложением. Сигнал к тому, что пора возвращаться из бесподобия в человеческий облик. Мужчинам — ориентироваться на мужское начало, а женщинам на женское. Пора думать не только о себе, но и научиться сплачиваться для парирования вызовов. И готовить себя к выполнению миссии, к которой Россия призвана свыше.

Иммунные силы государствообразующего народа уже активизируются. Происходит самоорганизация на местах, результативно работает «Русская община». Важно активировать казачьи организации. В перспективе казачество должно стать частью структуры МВД или Росгвардии, а казачий патруль должен стать таким же привычным, как и патруль полицейский. Инстинкт самосохранения начинает срабатывать и у правоохранителей. Многие задумываются, какой смысл продолжать брать взятки у диаспор, если завтра представитель диаспоры зарежет твоего сына или изнасилует дочь? А в условиях организованного погрома силовиков первых вырежут вместе с семьями. Недавний пример Франции являет, что и этого исключать нельзя. Материалы ТГ каналов «Многанационал» и «Русская община» — это буквально сводки с фронтов: убили, резали, скальпировали, изнасиловали.

Уже есть один по-настоящему положительный прецедент. Впервые в новейшей истории России в действиях мигрантов усмотрено разжигание межнациональной розни! В Хабаровске направили в суд дело по четверым мигрантам из Таджикистана, избившим русских по национальному признаку. На молодых бандитов из Таджикистана завели уголовное дело по части второй статьи 213 УК РФ: «Грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением насилия к гражданам по мотивам национальной ненависти и вражды группой лиц». Следствие уже закончилось, и материалы дела передали в суд для рассмотрения. Максимальное наказание по статье — лишение свободы на срок до семи лет.

Нужно, чтобы над каждым мигрантом дамокловым мечом с момента пересечения границы висела «русская статья» о разжигании межнациональной розни. В случае любого конфликта с русским эта статья должна автоматически включаться «бонусом» в общий пакет. Во-первых, это будет соответствовать действительности. Мигранты в большинстве своем приезжают сюда уже со сложившемся негативным представлением о русских и России. Многие уже заражены русофобией. Ведь их отцы избивали и гнали русских в своих республиках. Превентивная угроза наказания заранее рабо-

тала бы на предотвращение преступления. И пусть тогда адвокаты диаспоры доказывают, что в конфликте не было национальной составляющей. Каждый будущий приезжий, еще находясь в своем ауле, из рассказов своих соплеменников, которые вернутся в этот аул после отсидки в России по статье «За разжигание межнациональной розни», должен знать номер этой статьи и как она называется.

Наш подход должен быть таким: презираешь Россию, болеешь русофобией, живешь в чувстве ненависти к русскому народу — знай, это очень дорого обходится! Конечно, нужен комплекс мер. Первая и экстренная мера — это запрет ношения холодного оружия. Лично мне ножик в кармане на улицах Москвы ни разу не пригодился. Здесь не нужно даже резать колбасу. Везде есть пункты общепита. Приезжие должны всеми фибрами души постоянно ощущать, что они в гостях, что они в чужой стране со сложившимся веками жизненным укладом. Если они хотят жить по своим порядкам, то только у себя на Родине.

В Конституции записано, что русский народ — государствообразующий! Поэтому сохранение русского народа должно стать приоритетом государственной политики РФ. Отторгнутая тридцать лет назад от России часть русского народа (жители Новороссии) отстаивали свою идентичность и стали пассионарной закваской для всей России.

Тонкий культурный слой формируется столетиями, долго и сложно, но может быть мгновенно уничтожен. Так произошло в Риме, когда его захватили варвары, так произошло с Константинополем, когда его захватили турки. Какие культурные феномены, какие великие произведения могут принести нам мигранты из средней Азии? Чем они могут обогатить Россию? Недавно в сети появилось характерное видео: мигрант вел баранов по центру Москвы. А на другом видео в одном из дворов Москвы мигранты выделывают шкуры. В обозримом будущем мы увидим еще больше подобных картинок.

Прибывших к нам из Средней Азии нужно резко остужать действием суровых законов. В наши дни каждый мужчина до 50 лет, получивший российское гражданство, должен пройти через СВО. Лично я, прибыв в Россию из Харькова и получив российское гражданство, прошел СВО (имею медаль «За боевые отличия»). Мой зять после обретения российского гражданства тоже прошел через СВО.

В данное время Россия упростила получение гражданства гражданам Украины. Но проект Затулина о репатриации по облегченной схеме русских из других «независимых» республик уже два года лежит без рассмотрения.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ

Национальное единство России — важнейший императив, в этом вряд ли кто сомневается. Но только остается не вполне ясным: как можно и нужно понимать национальное единство? Что это такое? Почему и как его следует добиваться? Попробуем найти ответы на эти вопросы.

Национальное единство России можно понимать, к сожалению, двояко: то ли это единство некоей одной нации, имеющейся в стране, то ли некое единство многообразных национальностей, в той же стране обретающихся. Разберем оба варианта.

В данном случае, чтобы понять, что такое национальное единство, надо вначале разобраться, что такое собственно нация.

Прежде всего надо ясно понять и вытвердить: нация — это не население и не согражданство. Типовая ошибка многих теоретиков, не знакомых с азами этнополитики, состоит как раз в том, что они эти понятия путают, подставляя вместо нации то все население страны в целом (включая

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

даже неграждан), то всю сумму сограждан без различия народов (этносов), из которых она складывается. Дело осложняется тем, что в ряде стран, не имеющих своего государствообразующего народа, таких, как Франция, США или Канада, подобное понимание «нации как согражданства» закреплено обычаем, а то и законом, и воспринимается общественным сознанием как нечто само собой разумеющееся. Когда французы говорят о французской нации, американцы — об американской, канадцы — о канадской и т.д., они на деле имеют в виду именно согражданство — совокупность лиц с французскими, американскими или канадскими паспортами. Что приводит к очевидному абсурду, когда, например, негры или арабы, граждане Франции, именуются французами, хотя не имеют ничего общего с французским народом ни по происхождению, ни по культуре, ни по историческому пути. Нелепо и абсурдно, попросту противно здравому смыслу, когда цветные детишки во французской школе читают о себе по учебнику: наши-де предки галлы населяли такие-то земли... Но ничего с этим не поделаешь: однажды поставив во главу угла ложное тождество «нация как согражданство», эти страны широко распахнули ворота своей национальной идентичности и вынуждены пропускать в них теперь всех желающих, независимо от этничности и не спрашивая у тех, кто эти страны когда-то создавал. Джон Кеннеди не случайно говорил: «Мы, американцы, — нация иммигрантов». На деле же это не нация, а согражданство.

Опасность такого подхода прежде всего именно в том, что он рано или поздно вступает в противоречие с идеей национального единства, ибо принадлежность к той или иной расе или этносу — это такое «шило», которое не утаишь в мешке, и объективно существующие расово-национальные противоречия в один прекрасный день обязательно дадут о себе знать. Яркий пример — необъявленная расовая война, тлеющая в США и перекинувшаяся уже и в Западную Европу, как можно судить хотя бы по движению BLM, хотя и не только. Не менее яркий пример — распад «советского народа» (такой же псевдо-нации, а на деле — согражданства) на национальные составляющие и по национальным границам. Понятно, что столь дурные плоды не могло дать доброе дерево, поэтому здравомыслящие люди, а тем более ученые, не могут и не должны отождествлять нацию с согражданством.

Что же в таком случае мы должны считать нацией? На этот вопрос в русской науке есть вполне осмысленный и внутренне непротиворечивый ответ. Как резюмировал, с соответствующими ссылками, в своей докторской диссертации про-

фессор-историк А.И. Вдовин (МГУ): «В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали **определенную ступень в развитии народа (этноса)**, историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития **непременно с помощью обособленного национального государства**» (выделено мной. — А.С.).

Оставив в стороне историю вопроса, подчеркну, что для современного нам круга российских ученых, за вычетом окопавшихся местами экзотистов-конструктивистов, это понимание в своих главных, опорных тезисах — нация есть фаза развития этноса, в которой он создает свою государственность и обретает суверенитет — вполне утвердилось.

Указанные тезисы нашли очень весомую поддержку даже в среде ученых, далеких от этнологии и социологии. Я имею в виду монографию петербургских правоведов-цивилистов П.А. Оля и Р.А. Ромашова, которая так и называется «Нация. (Генезис понятия и вопросы правосубъектности)» (СПб, Изд-во Юридического ин-та, 2002). Авторы зашли к проблеме нации со своей, юридической стороны, перед тем проработав, однако, внушительный массив этнологической, социологической и социально-психологической литературы.

Оль и Ромашов пришли к выводу, что нация есть не только «сложная этносоциальная общность», но и «специфический коллективный субъект права», который «может выступать только как общественное образование с формально-юридически закрепленным статусом. При этом неотъемлемым ее свойством, позволяющим выступать в качестве самостоятельного субъекта межнациональных и национально-государственных отношений, регулируемых правом, является национальный суверенитет, обладание которым является основанием правосубъектности национального образования».

Очень ясно и понятно: есть суверенитет у этносоциальной общности — значит, перед нами нация. Нет такого суверенитета — значит и статуса нации у общности нет.

Логично, четко и понятно и дальнейшее рассуждение. В чём и как проявляется национальный суверенитет? Ответ: «Государство является основной политико-правовой формой реализации нацией своей правосубъектности, и в этом смысле нация может рассматриваться как государствообразующий этнос». Таким образом, тождество суверенитета и государственности, а также государствообразующего этноса и на-

ции представляется юридически безупречным. Что и требовалось доказать.

Интересно, что русские юристы, как выясняется, солидарно стоят на данном понимании нации... скоро уж сто пятьдесят лет. Практически идеальное и полностью соответствующее современному определению нации принадлежит известному правоведу XIX века А.Д. Градовскому, который еще в 1873 году отчеканил: «Совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого», которая при этом «имеет образовывать особую политическую единицу, то есть государство». Градовский прозорливо полагал, что народность есть «нормальное, естественное основание государства», а государство — есть «политико-юридическая форма народности». Если закрыть глаза на то, что автор, в традициях своего времени, пользовался термином «народность» вместо малоупотребительной тогда «нации», тут ни убавить, ни прибавить: нация как она есть.

Перед нами налицо, таким образом, вполне сложившаяся и разумная русская нациеведческая традиция. Будем же ее придерживаться.

Итак, фиксируем: **нация есть высшая фаза развития этноса, в которой он обретает суверенитет через создание собственного государства.** Перефразируя данную формулу, мы понимаем и принимаем вывод: **нация — это государствообразующий народ данной страны.** Коротко и ясно. А поскольку не в каждой стране таковой народ имеется, соответственно все страны мира делятся на две категории: на те, в которых есть нация, и те, в которых имеются лишь сограждане и согражданство как феномен, а нации нет.

И в таком случае, если мы хотим достичь национального единства, то под этим словосочетанием мы должны понимать внутреннее единство государствообразующего народа как единственной полноценной нации в данной стране. И задача должна ставиться так: сбережение и упрочение самоидентичности и солидарности государствообразующего народа. И никак иначе.

Приняв вышеприведенное определение нации как государствообразующего народа той или иной страны, мы с неизбежностью приходим к пониманию, что **единственная нация в России — это русский народ.**

Такое понимание вытекает из поправки в Конституцию России, принятой в 2020 году путем референдума, а также из разъяснений по ее поводу, данных Конституционным судом (КС) России в официальном Заключении от 16 марта 2020 года. В этом документе говорится: «Положение о русском языке

как языке государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов РФ (статья 68, часть 1, Конституции РФ в предлагаемой редакции), основано на объективном признании роли русского народа в образовании российской государственности, продолжателем которой является РФ». КС подчеркивает, что положение «не умаляет достоинства других народов, **не может рассматриваться как несовместимое с положениями Конституции РФ о многонациональном народе РФ** (статья 3, часть 1), о равенстве прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от национальности (статья 19, часть 2), о равноправии и самоопределении народов (преамбула)» (выделено мной. — А.С.).

Указанное разъяснение КС было вызвано необходимостью ответить на критику соответствующей поправки в Конституцию России и вообще формулировки о «государствообразующем народе», которая прозвучала со стороны ряда общественных деятелей и организаций республики Татарстан (муфтий Татарстана Камиль Самигуллин, совет Всемирного форума татарской молодежи и Всетатарский общественный центр. На заседании Госсовета Татарстана 12 марта против поправки выступили депутаты «Единой России» Рамиль Тухватуллин и Ркаил Зайдуллин, а также глава региональной фракции КПРФ). Но после выступления КС все эти и им подобные критики были вынуждены принять совершившийся акт всенародного голосования как должное. И теперь любые возражения против утвержденного в Основном законе значения для России русского народа как единственного государствообразующего стали юридически невозможны.

Необходимо напомнить, что данная поправка внесена в Конституцию по инициативе президента России В.В. Путина, который нашел нужные слова: «Статья 68. 1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». В этой формуле русские вполне ясно понимаются и трактуются: 1) как отдельный народ, а не какие-нибудь «россияне»; 2) как народ государствообразующий. То и другое крайне важно, и как раз всё это подчеркнуто Заключением КС.

Следует отметить, что решением КС произошло лишь юридическое подтверждение не только исторической истины, но и фактического положения дел, с которыми невозможно было спорить и до того. Роль русских, и прежде хорошо известная де-факто, отныне закреплена де-юре. Кратко это можно обобщать тремя доводами.

Во-первых. Не какой-либо другой, а именно русский народ, преодолев последствия татарского ига и активно размножаясь, направляя свои стремления на юг и восток, на север и запад, расширяя границы России, строил это государство. Порой опираясь при этом на поддержку других народов, входивших или желающих войти в состав России (например, башкир и др.), порой присоединяя их в ходе войн с другими странами (финнов в русско-шведских войнах или молдаван в русско-турецких и др.), а порой и подавляя их сопротивление (народов Кавказа, Сибири, Севера или Дальнего Востока и др.). Ни один другой народ, за исключением монголов времен Батые и его наследников, не пытался создать государственность на землях нынешней России, но монголы не справились с этой исторической задачей, а русские — справились.

Во-вторых. Гипотетическое исчезновение с лица Земли какого-либо из российских народов, за исключением русского, не грозит катастрофой всей России, не изменит ни ее границ и места в мире, ни культурного облика и значения, ни основного языка общения и т.д. И только исчезновение русских означало бы исчезновение России как таковой со всеми ее атрибутами от суверенитета и территориальной целостности до культурной идентичности. Без русских не может быть России, и это единственный в мире народ, о котором можно сказать такие слова.

Тезис о том, что русские — не только главные создатели России, но и единственная нация, без которой Россия не могла бы существовать в виде единого государства в ее настоящих границах, полностью подтвержден исторической наукой.

В-третьих. На русских, составляющих, по переписи 2010 года, примерно 81 % населения, держится экономика и обороноспособность России. Другие крупнейшие народы страны не сопоставимы ни по численности (татары 3,9 %, украинцы 1,4 %, башкиры 1,1 %, чувашаи 1 %, чеченцы 1 %, другие 10,2 %, неопределенные 3,9 %), ни по значению в экономической, политической и культурной жизни.

Россия — не Америка, жители которой есть «нация иммигрантов»: это страна русского народа. Народа, повторю снова и снова, государствообразующего. Фигурально выражаясь, русский народ — это тот сук, на котором сидят в России все остальные многочисленные коренные народы и национальные меньшинства. В какой бы части нашей огромной страны мы ни оказались, везде мы встретим русскую речь и русскую культурную среду, русскую ментальность, благодаря чему возникает чувство принадлежности к одной

нации, к одной стране. Ибо русская нация — это и есть единственная подлинная скрепа, связывающая всю Россию воедино, не дающая ей распасться на части.

Можно сказать и так: Россия есть государственно-политическая ипостась русского народа. Будет великая русская нация — будет и великая Россия. Не будет великой русской нации — от России останется лишь горстка разрозненных стран-колоний.

Что из сказанного следует?

Нация и государство находятся в неразрывном органическом единстве. Не укрепляя всемерно, не оздоравливая, не усиливая, не возвращая в первую очередь именно русский народ — становой хребет Отечества — мы не сможем укрепить, оздоровить, усилить и само Отечество. Благо русских, таким образом, есть благо всей России, в том числе всех населяющих ее коренных народов и национальных меньшинств. Зло, вред, причиненные русскому народу, оборачиваются злом и вредом для всей России. Первоочередная забота о русском народе, о его правах и интересах полностью оправдана целями и задачами общегосударственного процветания.

Поэтому нужно постулировать: консолидация нации (русского народа), ее сплоченность, особенно перед лицом испытаний — очень важная вещь. Внутринациональная солидарность помогает чувствовать себя среди своих в любом уголке нашей необъятной Родины, подвигает совместно воевать и строить, горевать и праздновать. Это чувство ничем не заменить — оно либо есть (и тогда у нации и страны есть будущее), либо его нет (но тогда нет и будущего). Когда мы говорим о национальном единении, мы должны в первую очередь иметь в виду консолидацию государствообразующего русского народа, который единственно только и есть искомая нация.

Какова роль гуманитарного образования в формировании и укреплении национального единства в данном «первом» варианте? Эта роль определяется, прежде всего, необходимостью укрепления культурно-исторического и языкового единства русского народа.

Что имеется в виду? Если бы сто пятьдесят лет назад кто-нибудь сказал, что украинцы и белорусы отделятся от русских, что будут созданы их национальные государства, в это никто бы не поверил. Но в течении долгих лет шла целенаправленная пропаганда, которую сначала вели австрийцы и поляки, а затем сторонники украинской этнократии, борцы за «незалежность и самостийность», чтобы разделить братс-

кие украинский, белорусский и русский народы. Им было невыгодно признание нашего братства, признание нашего родства.

А сейчас такая же пропаганда ведется уже в отношении казаков, поморов, семейских на Алтае, старожилов в Магаданской области, кержаков и так далее. То есть от русских пытаются отколоть всё новые и новые субэтносы, внушить этим субэтносам, что они — отдельные народы. При этом, конечно же, всячески вбиваются клинья, всячески пытаются противопоставлять тех же казаков и русских, всячески муссируются отдельные какие-то диалектические особенности. Ну, с украинцами получилось тут легче, украинский язык — все-таки не русский, он отличен во многом от русского. Но пытаются уже и какие-то диалектные отличия казаков или поморов чуть ли не выделить в такой этнообразующий, в этномаркирующий признак, и так далее. Заговорили уже о каком-то новоизобретенном «сибирском этносе»...

Всему этому необходимо противостоять, если мы не хотим в очередной раз потерять далеко не худшую часть своего народа. А ведь казаки и поморы — это всегда был, прямо скажем, авангард русского этноса, главный защитник русского этноса, не случайно они располагались на границах. Это были те люди, которые расширяли границы русского государства и русского могущества. И вот сейчас их пытаются от нас оторвать. Этому необходимо противодействовать.

Еще более важно создать платформу русского идейно-политического единства. Практика показала, что идейный плюрализм, амбивалентность, пропаганда «общечеловеческих ценностей» и демократических свобод отнюдь не способствуют национальному единению. Напротив, раздробляют его, в конечном счете аннигилируют. Опыт крушения Советского Союза показал также, что идеология и политика интернационализма, лежавшая в основе внутривнутриполитической деятельности коммунистов, была в корне ложной и губительно сказалась на судьбе СССР, в итоге с неизбежностью распавшегося по национальным границам. Чтобы избежать подобной судьбы для России, надо решительно избавиться от подобного подхода и всех его рудиментов. Заменив его русским национализмом в хорошем смысле слова.

Таким образом, введение в России единых идейно-политических, культурно-исторических и языковых стандартов посредством гуманитарного образования (исторического, филологического, богословского, философского, обществоведческого и т.д.) — есть осознанная необходимость. Только с ее помощью можно укрепить духовное единство русского

народа, народа государствообразующего для России, ее единственной истинной нации. Со школьной скамьи у всех русских детей должна формироваться общая ментальная матрица, позволяющая одними глазами смотреть на наше национальное прошлое и настоящее, чтобы совместно строить русское, а тем самым и российское будущее.

Возможно ли это? Опыт советского школьного воспитания говорит: да, возможно. Создание образцового советского человека в массовом порядке — признанный исторический факт. На этот опыт и следует ориентироваться, но только заменив некоторые постулаты такого воспитания, проявившие себя как несостоятельные: коммунизм и интернационализм. Понятно, что в политике должен произойти поворот к идеалу Русского национального государства.

Применив такой подход в образовательной гуманитарной политике, Россия быстро добьется максимальной консолидации русского народа (нации), составляющего свыше 80 % населения страны, т.е. ее основу. Это и будет национальное единение в первом варианте исполнения.

Второй вариант.

Часто приходится слышать и читать, что Россия-де — «многонациональная страна». Это утверждение антинаучно, юридически ошибочно и политически вредно. Авторы подобных заявлений в лучшем случае не понимают значения слова «многонациональная», они повторяют расхожую нелепость, с дальним прицелом запущенную в необразованную толпу. На самом деле для того, чтобы страну можно было признать мононациональной, вовсе не нужно, чтобы все 100 % ее жителей принадлежали к одному этносу. Для этого вполне достаточно 67 %. Так утверждает международное право. Если мы заглянем, к примеру, в документы старейшей и авторитетнейшей международной правозащитной организации «Freedom House», мы обнаружим там четкое и ясное определение: «Мы определили страны, где более двух третей населения принадлежит к единой этнической группе, как мононациональные, а те, где нет подобного большинства в две трети, — как многонациональные».

Русских в России более 80 %. Больше, чем евреев в такой этнократической стране, как Израиль. Больше, чем казахов в Казахстане, латышей в Латвии, эстонцев в Эстонии...

Итак, Россия — полиэтническая, сложносоставная, но всё же мононациональная, а не многонациональная страна. Эта идея должна постулироваться твердо и открыто.

Вместе с тем, не секрет, что на оставшиеся 20 % населения приходится, если верить последним переписям, 190 с лиш-

ним этнических групп, больших, малых и совсем крохотных, если считать как коренные народы, так и национальные меньшинства, имеющие свою национальную государственность вне границ России (армяне, грузины, евреи и мн. др.).

В силу данного обстоятельства существует второй вариант понимания национального единства России — как политического единства всех этих национальностей (не наций! — нация одна) на почве патриотизма и/или государственной лояльности.

На языке этнополитики такой подход обосновывается четким разделением понятий на два типа. В первом случае принято говорить о существовании «этнической нации, этнонации» (о ней говорилось выше), во втором — о «политической нации». Что собой представляет последняя и откуда она берется, как возникает?

Отличный пример для разъяснения подает в этом смысле современная Украина. Что, как мы видим, происходит в этой стране, вступившей в третью, финальную фазу этногенеза? Ровно три процесса: 1) достраивается этническая нация, в рамках которой действует идентификация «свой — чужой», исходя из принципа «крови», происхождения; 2) создается национальное государство в виде жесткой или смягченной этнократии; 3) на базе этих двух процессов выстраивается политическая (гражданская) нация, в которой действует идентификация «свой — чужой» уже по принципу гражданства, а точнее, подданства. Если, например, в этническую нацию входят только этнические украинцы, являющиеся таковыми по рождению, то в политическую нацию могут входить русские, евреи, татары, венгры, греки, болгары и т.д., живущие на Украине и исповедующие украинскую лояльность, украинский патриотизм, готовые защищать ее реальные или мнимые права и интересы. Этнонация является ядром, политическая нация — периферией; в этой паре первая есть субстанция ведущая, вторая — ведомая. Но на политической арене они в конечном счете выступают рука об руку.

Успешность украинской практики сегодня проявилась налицо с ошеломляющей очевидностью: мы видим, с каким ожесточением, с каким упорством и убежденностью отстаивают сегодня украинскую национальную независимость и государственность представители новоявленной украинской политической нации, включая самых настоящих этнических русских, добровольно пополняющих украинские нацбаты, идущих в смертельные атаки, не щадя своих жизней за «ридну нэньку Украину». Появление украинской политической нации — плод целенаправленной политики в области

украинского воспитания и гуманитарного образования последнего тридцатилетия.

Успех — критерий практики, а практика, как известно, — критерий истины. Неуспешная практика — неистинна, но успешная — истинна. Так что нам есть, с кого брать пример, у кого учиться, если мы хотим успеха в деле национального единения. Так диктует целесообразность.

По второму варианту национальное единение есть в России не что иное, как строительство политической (гражданской) нации, но не на основе пестрой и невнятной национальной идентичности без малого двухсот разных этносов, а исключительно на основе этнической русской нации. По такой методике и таким принципам, по которым на Украине успешно сформировалась украинская политическая нация на четко зримой платформе украинской этнонации. Роль гуманитарного образования в этом деле — это роль первостепенная, неописуемо важная. И она должна реализовываться централизованно и осмысленно, всеми возможностями, имеющимися в распоряжении государства.

Это значит, прежде всего, что ошибочная советская практика всемерной государственной поддержки различных нерусских национальных культур должна, наконец, навсегда уйти в прошлое. Разумеется, любой проживающий в России этнос, обладающий национальным самосознанием, имеет полное право поддерживать и развивать свою культуру. Но — по своей инициативе и за свой счет, если это ему угодно. Поскольку государственный интерес состоит отнюдь не в этом, а совсем в другом: в привитии всем российским этносам единой культурной матрицы, чтобы на ее основе воспитывалась лояльность к государствообразующему русскому народу, а через это — непременно через это! — лояльность к самой России. В то время, как постоянный акцент на культурной самобытности различных народов России работает во вред единому Российскому государству, воспитывая у этих народов излишнюю «зацикленность» на своей отдельности и самобытности, что в конечном счете приводит к национальной обособленности, разъединению, а в крайнем случае — к сепаратистским тенденциям, что мы видели на примере республик СССР, а сегодня видим на примере Татарстана, Якутии, республик Кавказа и др.

Это значит, далее, что в основу гуманитарного образования должна закладываться, прежде всего, русская классическая литература, музыкальная и художественная традиция. Необходима всемерная поддержка и культивация русских народных промыслов, включение их элементов в занятия

школьников на уроках труда. На уроках истории должно формироваться общее для всех понимание истории России как истории государствообразующего русского народа. При этом все оценки исторических событий следует подавать в одном ключе: насколько то или иное событие (например, Куликовская битва или покорение Сибири Ермаком) соответствовало миссии русских, которые создавали Великую Россию, исходя из своей интенции и возможностей. Обязательно следует подчеркивать и возвеличивать роль и деяния тех народов нашей страны, которые способствовали выполнению данной миссии, помогали русским строить и защищать Россию, например, в годы Великой Отечественной войны (это сильный прием в пропаганде национального единства). Но при этом роль русских как локомотива России, стоящих за всеми основными этапами ее развития и возвышения, должна всегда подчеркиваться и преподаваться подробно и основательно.

Итогом такой работы на поприще гуманитарного образования должно стать, как уже сказано, национальное единение по второму варианту — то есть слияние всех российских этносов в единую русскую политическую нацию, где русская этнонация будет играть роль ядра, а 190 с лишним других этносов помельче — роль периферии, главным историческим заданием для которой станет лояльность русскому народу. Вместе они станут одним целым.

Возможно ли такое единение на основе лояльности русским? На этот вопрос положительно отвечает опыт чеченского батальона «Ахмат», который сегодня на Украине воюет и умирает во имя торжества Русского мира.

Итак, мы видим, что в обоих случаях, идет ли речь о национальном единении внутри государствообразующего народа России или о национальном единении всех российских этносов вместе взятых, роль гуманитарного образования чрезвычайно велика. В обоих случаях преподавание истории, литературы, других общественных наук должно опираться на единую основу — русский язык, русскую культурную традицию и должно иметь своим результатом единую духовную матрицу, общую для всех граждан России. Только это сделает нашу страну непобедимой, устойчивой к любым невздам и потрясениям.

О ЦИФРЕ, МВФ И СУВЕРЕНИТЕТЕ

На пути к «дивному новому миру»

Более сотни центробанков в мире активно работают по теме CBDC. Это аббревиатура англоязычного термина Central Bank Digital Currency — «цифровая валюта центрального банка». Как в конечном виде будет выглядеть конструкция денежно-кредитной и финансовой системы, основывающейся на CBDC, никто пока сказать не может. Но чувствуется, что внедрение CBDC может привести к радикальнейшим изменениям не только денежно-кредитной и финансовой системы, но и всей общественной системы. Родится «дивный новый мир CBDC».

Некоторые идеи и проекты прошлого и настоящего могут стать важными элементами новой общественной системы, базирующейся на CBDC. Так, эксперты не исключают, что важным элементом «дивного нового мира CBDC» может стать система социальных рейтингов, которая уже начинает использоваться в Китае. Права граждан в части, касающейся владения и использования цифровой валюты, будут дифференцироваться с учетом их социальных рейтингов.

Среди экономистов многие десятилетия обсуждалась также идея так называемых тающих денег. Краеугольным камнем денежно-кредитных систем стран капитализма является процент (по кредитам, депозитам, финансовым инструментам). Именно он, по мнению некоторых экономистов, торМОзит экономическое развитие. Процент не надо отменять, но следует сделать его отрицательным. Деньги станут «тающими», появится понятие «срок жизни денег». Деньги нельзя будет использовать в качестве средства накопления, они будут выполнять свою основную функцию — средства обмена и платежей. «Тающие деньги» способны стимулировать экономику. Вот и разработчики CBDC считают, что цифровая валюта как минимум не должна прирастать процентом. Один вариант — у нее будет ограниченный срок использования. Другой вариант — отрицательный процент по цифровой валюте. В Китае уже объявили, что цифровой юань будет иметь ограниченный срок жизни.

Большинство центробанков планируют начать запуск CBDC как розничной валюты. Т.е. предназначенной для физических лиц. Им будут открыты счета в центральном банке, каждый человек получит свой «цифровой кошелек». А на какие цели может использоваться содержимое этого «кошелька»? Прежде всего, на непосредственную оплату товаров и услуг. Пока денежные власти всех стран говорят также о возможности свободной конвертации цифровой валюты в привычные деньги — наличные или безналичные. Последние можно будет по-прежнему использовать в качестве накопления путем размещения на депозитах коммерческих банков. Но это лишь на первых порах. Потом постепенно будут упраздняться наличные и обычные безналичные деньги. Останется лишь цифровая валюта — идеальный инструмент контроля и управления людьми. Это сегодня понимают даже не шибко грамотные люди. В целом ряде стран уже возникла достаточно мощная оппозиция цифровой валюте. Особенно в тех странах, где CBDC уже легализована.

Власти пытаются загонять людей в «дивный новый мир CBDC» как кнутом, так и пряником. Пряник может представлять собой «цифровой кошелек», на который перечисляются пенсии и социальные пособия. Так, в Нигерии, где цифровая валюта была легализована в конце 2021 года, люди не спешили обзаводиться «цифровыми кошельками». Власти страны объявили, что социальные пособия наиболее неимущим гражданам будут выдаваться через «цифровые кошельки». Таким способом удалось раздать 4 миллиона «кошельков».

Многие эксперты полагают, что «пряником», с помощью которого удастся завлечь в «дивный новый мир CBDC» поголовно все население, может стать UBI. Это аббревиатура еще одного англоязычного термина — Universal Basic Income. На русский язык чаще всего переводится как «Универсальный базовый доход» (УБД), «Безусловный базовый доход» (ББД) или «Безусловный основной доход» (БОД). Идея ББД носится в воздухе уже многие десятилетия. ББД — это регулярные одинаковые выплаты всем гражданам страны, независимо от их дохода, социального статуса, возраста и от того, трудится человек или нет. Образно выражаясь, ББД — это получение денег «ни за что». В целом ряде стран проводились и проводятся эксперименты по применению ББД на ограниченных контингентах граждан. Пока ни в одной стране мира полномасштабного (со 100-процентным охватом населения) систем ББД нет.

Сейчас становится вполне вероятным, что ББД будет вводиться в полном объеме (100-процентный охват населения), причем именно в качестве упомянутой мною «взятки». Я далеко не одинок в таких подозрениях. Так же считает английский эксперт Фрэнсис Коппола. Об этом он пишет в статье, которая в переводе на русский называется: «Как центральные банки могут использовать цифровые деньги для обеспечения универсального базового дохода». Автор статьи обращает внимание на то обстоятельство, что до сих пор во всех проектах ББД ключевую роль в распределении денег населению играет правительство и особенно министерство финансов. Ведь источником средств является государственный бюджет. Но правительство и Минфин не способны эффективно контролировать распределение ББД, т.к. не располагают в полном объеме информацией о каждом человеке. А вот Центральный банк будет способен контролировать всех, если будет создана всеохватывающая система CBDC. Итак, CBDC и UBI удачно друг друга дополняют. CBDC и UBI — две стороны одной медали. А вернее — одного грандиозного проекта, который можно назвать «цифровым дивным новым миром».

Реализация проекта ББД с опорой на государственный бюджет невозможна по той причине, что в большинстве стран мира бюджеты дефицитны. Проекты ББД потребуют таких денег, которые не способны обеспечить государственные бюджеты. А вот центробанки способны провести эмиссию денег для раздачи ББД через «цифровые кошельки». Правда, и в этом случае существует риск разгона инфляции. А ведь Центробанк должен контролировать инфляцию. Он это и

будет делать, как считает Фрэнсис Коппола. Каким образом? «Центральный банк может варьировать платежи, уменьшая их, если потребительские цены начали расти, или увеличивая их, если они падают», — говорит эксперт. Т.е. Коппола считает, что изначальная концепция ББД, предполагающая поддержание фиксированной суммы дохода, будет изменена, величина дохода будет меняться в зависимости от ценовой конъюнктуры. Автор считает, что система ББД, основывающаяся на бюджетных деньгах, очень неповоротлива, а вот система ББД, основывающаяся на цифровой валюте, гораздо более маневренна.

Конечно, между первоначальным пониманием ББД и СВДС существуют некоторые несостыковки. Эксперты считают, что концепция ББД неизбежно будет скорректирована и очень существенно. Об этом, в частности, говорится в статье «Программируемость СВДС нарушила бы безусловность УВІ». Ведь идея ББД обещает людям свободу и независимость, а идея СВДС, наоборот, способна лишить человека свободы и независимости. Идея ББД предполагает, что полученные деньги человек может использовать так, как желает. А в концепции СВДС деньги становятся «программируемыми». Старший Брат определяет, как может быть использована цифровая валюта данным человеком (с учетом его социального рейтинга). Очевидно, что такой доход человека уже нельзя назвать «безусловным».

Система ББД, находящаяся в ведении Центробанка, весьма напоминает ту, которую экономисты и финансисты называют «вертолетными деньгами». Автором термина «вертолетные деньги» считают известного монетариста Милтона Фридмана (1912 — 2006). В своей известной работе «Оптимальное количество денег» (1969) Фридман нарисовал такую картину: «Предположим, в один прекрасный день над некой общиной пролетит вертолёт и сбросит 1000 долларов США, которые, конечно же, спешно соберут члены этой общины. Предположим также, что все убеждены, что это уникальное событие, которое никогда не повторится». И далее он объяснял, как эти деньги могут помочь оживлению экономики. Из контекста статьи понятно, что «вертолетные деньги» — не бюджетные, а продукция «печатного станка» Центробанка. Т.е. еще более полувека назад зародилась идея, что Центробанк может напрямую распределять деньги населению, не прибегая к услугам таких посредников, как Минфин с государственным бюджетом и коммерческие банки.

Идея Фридмана неожиданно получила поддержку в начале 2000-х годов со стороны Бена Бернанке, впоследствии

председателя Совета управляющих ФРС США. В 2002 году он выступил с речью, в которой отметил: «Вертолётные деньги могут оказаться ценным инструментом. В экстремальных условиях такие программы могут быть наилучшей имеющейся альтернативой». С тех пор недоброжелатели прозвали Бернанке Беном-вертолётчиком. Правда, и Фридман, и Бернанке не ставили знак равенства между ББД и «вертолетными деньгами», поскольку ББР — регулярные платежи, а «вертолетные деньги» — эпизодические вбросы денег. Позднее другие экономисты синтезировали эти две идеи, предложив сделать «вертолетные деньги» регулярными платежами.

Итак, при некотором упрощении можно сказать, что система CBDC в ее завершенном виде — система тех самых вертолетных денег, о которых Фридман сказал еще более полувека назад.

В прошлом десятилетии Рэй Далио, американский миллиардер, основатель и управляющий хедж-фонда Bridgewater, не раз заявлял, что такие меры стимулирования экономики, как снижение ключевой ставки и количественные смягчения полностью исчерпали себя. Для стимулирования экономики потребуются нетрадиционные подходы. Об этих нетрадиционных подходах он пишет, например, в своей работе «Почему и как необходимо реформировать капитализм». В частности, центробанкам придётся напрямую финансировать государственные расходы с помощью электронных денег и направлять такие же электронные деньги непосредственно домохозяйствам, минуя каналы государственной финансовой системы. Тогда еще не было устоявшегося термина CBDC, Далио использует термин «электронные деньги». Но, по сути, он нарисовал принципиальную схему новой денежно-кредитной и финансовой системы, основанной на CBDC. Главное, что в этой схеме нет места не только коммерческим банкам, но и Минфину (казначейству).

Получается, что главным (а может быть, и единственным) институтом управления, будущим «дивным новым миром» станет Центральный банк.

P.S. Уже появляются серьезные исследования, которые продвигают идею запуска полномасштабного проекта UBI с использованием CBDC. В марте этого года Институт глобальных изменений, руководимый Тони Блэром, бывшим премьер-министром Великобритании, опубликовал доклад под названием «Предложение по введению универсального базового дохода на основе Web3»). Для справки: Web3 — будущая сеть будущей цифровой валюты Центрального банка Великобритании. Банк Англии очень активно ведет работы по запуску цифрового фунта стерлингов.

После 24 февраля прошлого года российские чиновники хором заговорили о том, что, мол, началось восстановление национального суверенитета нашего государства. По моему мнению, желаемое выдается за действительное. А кто-то говорит, что это не самообман, что чиновники занимаются пиаром и сознательным обманом.

Одним из важных проявлений сохраняющейся зависимости России от Запада является продолжающееся ее членство в международных организациях, через которые Запад небезуспешно управляет нашей страной. В течение двух лет так называемой «пандемии ковида» таким управлением Запад откровенно занимался через Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ). Он и сейчас управляет Россией через ВОЗ, но это не так бросается в глаза, как в период с января 2020 года по 24 февраля прошлого года.

Одним из главных каналов внешнего управления Россией остаются международные экономические и финансовые организации — Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), Банк международных расчетов (БМР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР).

Из каких-то международных организаций Россию исключили или пытаются исключить. Исключили, например, из «Арктического совета». От чего, честно говоря, нам не жарко и не холодно. В ряде организаций было принято решение о приостановке членства России. Например, в мае прошлого года такое решение было принято в Агентстве по ядерной энергии при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Весной прошлого года Генассамблея ООН проголосовала за приостановку участия России в Совете по правам человека (СПЧ). Кроме того, геополитические противники России пытались и пытаются исключить нас из таких серьезных организаций, как Совбез ООН и «Большая двадцатка», но без успеха.

Из каких-то организаций мы вышли сами. Например, летом прошлого года Москва приняла решение о выходе из Совета Европы (45 государств-членов, не считая России). Кстати, такое решение не означает самоизоляции России. Правительство и Дума сделали ряд заявлений, из которых следует, что Россия остается открытой к прагматичному и равноправному взаимодействию с членами организации по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Но вот явных признаков того, что Россию хотят исключить из ключевых организаций (в том числе названных выше международных экономических и финансовых организаций), не просматривается (истерические призывы Украины к такому исключению в расчет можно не принимать). Нет также явных признаков того, что и Москва решительно готова выйти из указанных организаций. Или, по крайней мере, приостановить в них свое членство.

Хотя отдельные политики пытались инициировать выход из таких ключевых организаций, которые используются Западом для внешнего управления Россией. Так, в марте прошлого года вице-спикер Думы Петр Толстой заявил, что России надо выйти из ВТО, ВОЗ, ЮНЕСКО. И даже поспешил всех обрадовать, что, мол, правительство России уже начало процесс одностороннего выхода из ряда международных организаций, включая Всемирную торговую организацию и Всемирную организацию здравоохранения. Однако эта информация не подтвердилась.

Особо хочу обратить внимание на вопрос членства России в МВФ. В декабре прошлого года в Думе был инициирован процесс выхода страны из этой организации, в которой Россия состояла на протяжении тридцати лет. На обсуждение был предложен проект закона «О признании утратившим силу Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 22.05.1992 года № 2015-1 «О вступлении в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития». Документ подготовили депутаты Государственной Думы из фракции КПРФ Г.А. Зюганов, В.И. Кашин, И.И. Мельников и другие.

Авторы инициативы считают, что дальнейшее участие РФ в организации не имеет смысла. «Пребывание России в МВФ не помогло предотвратить принятие санкций, которые явно противоречат основным целям и принципам данной организации», — указано в пояснительной записке к документу. Приведенную выше фразу хочется продолжить словами: «И вернуть Банк России под контроль государства, восстановив таким образом национальный суверенитет Российской Федерации».

Увы, продвижение указанного документа было заблокировано. Правительство представило свою отрицательную оценку законопроекта. Также и внутри Думы были такие же негативные реакции на документ. В частности, отрицательное заключение было дано Комитетом по международным делам ГД за подписью его председателя Л.Э. Слуцкого.

Еще одна попытка выйти из МВФ была предпринята в июле этого года. Группа депутатов от КПРФ представила законопроект, предусматривающий отмену решения о вступлении России в МВФ и Всемирный банк (МБРР и Международную ассоциацию развития) и денонсацию протоколов о вступлении в эти организации. Однако правительство России в очередной раз отреагировало очень оперативно на инициативу депутатов — в том же месяце. С таким же примерно заключением и с такими же аргументами, что и в начале года. Мол, Россия сегодня является кредитором указанных организаций и существует риск потери чистых активов в случае выхода. В отзыве правительства также отмечается, что МВФ и Всемирный банк являются важнейшими площадками для международного сотрудничества и развития экспертного потенциала России, в том числе и для пула валютных резервов стран-участников БРИКС. И как всегда, — дежурная фраза насчет того, что правительство уверено в том, что участие в МВФ и других международных финансовых организациях необходимо России для эффективного развития экономической политики.

Опять внутри Думы возникла мощная оппозиция инициативе фракции КПРФ. Так, заместитель председателя комитета Госдумы по экономической политике Артем Кириянов («Единая Россия») заявил, что Международный валютный фонд — важная переговорная площадка, поэтому России не следует выходить из этой структуры. Еще более категоричен оказался глава комитета Госдумы по финансовому рынку Анатолий Аксаков. Инициативу о выходе из МВФ он назвал «бредом».

Уже многие годы я слышу мантру насчет того, что, мол, МВФ и другие международные финансовые организации России нужны как площадки для отстаивания и продвижения национальных интересов. За три десятилетия членства РФ в этих организациях я не знаю примеров такого отстаивания и продвижения. Если бы такие примеры были, ими бы не преминули воспользоваться правительство, включая Минфин и МИД РФ, а также Банк России.

Не лишне напомнить и то, что Фонд несколько лет назад грубейшим образом нарушил свое правило не предоставлять финансовой помощи тем странам, которые допустили дефолт по своему суверенному долгу (на время урегулирования всех претензий в связи с дефолтом). В декабре 2015 года Украина отказалась погашать кредит Российской Федерации на сумму 3 млрд долл., выданный в декабре 2013 года. Между прочим, тогда МВФ признал, что долг Украины по данному кредиту

является суверенным. Однако позднее в нарушение своих же правил МВФ как ни в чем не бывало продолжал оказывать финансовую помощь Украине. Главный акционер Фонда (Вашингтон) продолжал давить на руководство этой международной финансовой организации, требуя оказать Киеву масштабную финансовую помощь. 22 марта МВФ сообщил о достижении договоренности с Украиной по четырехлетней кредитной программе на сумму 15,6 млрд. долл. Информированные источники сообщают, что в этом году на Украину будет перечислен транш на сумму 4,5 млрд. долл. Казалось бы, Россия могла и должна была защищать на площадке МВФ свои национальные интересы. Добиваться, с одной стороны, принятия решения о дефолте Украины в связи с отказом выплачивать долг перед Россией, а, с другой стороны, не допускать выделения гигантских сумм кредитов Украине в нарушение правил Фонда. Этого не было сделано. И даже, если судить по открытым источникам, не было даже попыток по отстаиванию интересов России.

Может быть, под позитивом следует понимать получение Россией кредитов и займов от МВФ? Так ведь с 2000-го Москва ни разу не обращалась к фонду. А в январе 2005-го погасила всю задолженность и уже давно сама выступает кредитором МВФ.

В истории первого десятилетия членства РФ в МВФ много странного и даже таинственного. Например, в 1998 году накануне августовского дефолта Фонд выделил России кредит на сумму 4,8 млрд. долл. Суммы поступили на счета Центрального банка и Министерства финансов. Но уже 14 и 17 августа 1998 года деньги были переведены в банки США, Британии и Швейцарии. Дальнейшая судьба денег неизвестна. 23 марта 1999 года депутат Госдумы Виктор Илюхин направил Генеральному прокурору России Юрию Скуратову письмо, в котором говорилось об исчезновении кредита МВФ, выделенного в 1998 году.

Расследования по данному вопросу были начаты по линии Генеральной прокуратуры, Счетной палаты, Государственной Думы, но вскоре (в 1999 году) были закрыты. Без обнаружения результатов. А вот за рубежом были расследования. Так, в начале 2001 года прокурор швейцарского кантона Тичино Лоран Каспер-Ансерме сделал ряд заявлений, что он обнаружил следы украденного кредита МВФ — по его данным, деньги из России в сумме несколько сотен млн. долларов в августе 1998 года проходили через счета нескольких швейцарских банков в кантоне Тичино. *«Швейцария — лишь транзитный этап для отмывания этих денег. Че-*

рез наши банки прошло 800 млн. долларов. Это много, но с российских счетов исчезло гораздо больше, миллиарды долларов», — отметил швейцарский прокурор. Об этой таинственной истории «сотрудничества» России с Фондом нам поведал бывший генеральный прокурор Юрий Скуратов в своей книге «Кремлёвские подряды. Последнее дело Генпрокурора» (2017 г.). Хотя и данная книга всех тайн не раскрывает. Известно лишь доподлинно, что к 2005 году Российская Федерация полностью закрыла свои обязательства перед МВФ по указанному кредиту.

Вместе с тем, имеется большое количество неоспоримых фактов, доказывающих, что МВФ является инструментом Запада, с помощью которого он осуществляет внешнее управление Российской Федерацией. Это можно проследить на примере Банка России, который находится под неусыпным наблюдением со стороны Фонда. После своего прихода на Неглинку Э. Набиуллина заявила о нецелесообразности поддержания валютного курса российского рубля и о том, что Центробанк займется исключительно «таргетированием инфляции». Всё это в духе «Вашингтонского консенсуса» — неписанных правил для стран периферии мирового капитализма, продвижение которых Соединенными Штатами возложено на МВФ. В 2015 году миссия МВФ в России исключительно была нацелена на то, чтобы перевести Банк России на рельсы «таргетирования инфляции».

О том, что Банк России продолжает оставаться под прищипом МВФ, свидетельствуют и события августа этого года, связанные с обвалом валютного курса рубля. Сейчас многие вспоминают лекцию, которую госпожа Набиуллина прочитала в МВФ пять лет назад. Текст лекции доступен, размещен на сайте Банка России. Правда, на сайте не были размещены ответы на вопросы после лекции, поскольку они очень уж раскрывают, на кого работает госпожа Набиуллина. Некоторые российские СМИ назвали это выступление «верноподданическим докладом», в котором она стремилась максимально выслужиться перед чиновниками курирующей Центробанк России организации (в то время, между прочим, США и их союзники уже вводили санкции против России и грозились их ужесточить). В частности, дама то ли жаловалась, то ли хвалилась тем, какие нагрузки ей приходится испытывать, защищая «независимость» Центробанка от российского государства: «Несмотря на то что независимость Банка России закреплена законодательно, нам пришлось доказывать ее перед лицом серьезного внешнего давления в 2014 году. Именно в этот период мы предпринимали реше-

тельные действия, которые подвергались жесткой критике со стороны бизнеса, части правительства, иногда общественности».

В условиях нынешнего валютного кризиса Банк России вместо того, чтобы ввести ограничения и запреты на трансграничные капитальные и валютные операции, он предпочитает повышать ключевую ставку. А всё потому, что он продолжает действовать по командам «оттуда», из МВФ. Одно из железных правил «Вашингтонского консенсуса» — недопущение контроля над трансграничными потоками капитала. Госпожа Набиуллина боится прилюдно даже обсуждать эту тему. А вот в лекции в МВФ, где все свои, Набиуллина похвасталась по поводу того, что с успехом отбивает любые попытки введения контроля над трансграничными операциями с капиталом и валютой: «В качестве одного из альтернативных решений (борьбы с инфляцией. — **В.К.**) предлагалось введение контроля за движением капитала. Банк России никогда не рассматривал такой вариант. Мы считаем, что контроль за движением капитала имел бы исключительно негативные последствия в долгосрочной перспективе, даже при положительном краткосрочном эффекте. Если бы мы прибегли к подобной мере всего один раз, инвесторы ожидали бы возвращения к ней вновь и вновь. А подобные ожидания могут вызвать значительное увеличение оттока капитала и усложнить управление волатильностью».

Пока мы не выйдем из МВФ и других международных финансовых организаций, никаких радикальных изменений в экономике, никакого реального восстановления национального суверенитета России быть не может. Надо продолжать продвигать инициативу по выходу России из МВФ!

ФИНАНСЫ ПОЮТ ФАЛЬЦЕТОМ

Мы уже привыкли к тому, что курс доллара является неким показателем финансового состояния страны. В июле текущего года обменный курс доллара составил сто рублей за один американский доллар. И достиг мартовского уровня прошлого года.

Однако тогда целенаправленная деятельность Центрального банка России (вероятно, с «подсказки» президента) привела к снижению курса в июле до пятидесяти девяти. Затем начался тихий незаметный рост курса резервной валюты. Напомним, что президент США Д. Байден после начала специальной военной операции пообещал довести этот курс до двухсот рублей за доллар. И сейчас можно сказать, что обещание американского президента наполовину выполнено. Глава ЦБ РФ Эльвира Набиуллина объяснила это тем, что на его рост повлияла нестабильная ситуация после мятежа Пригожина, а также изменение импортно-экспортного баланса российской экономики. И вообще, оказывается, в этом ничего страшного нет, потому что таким образом растёт поступление в бюджет от продажи полезных ископаемых за границу.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Надо сказать, что этот убийственный довод приводится везде и всегда, когда доллар сильно колеблется. Мол, для национальной экономики хорошо, когда национальная валюта слабеет по отношению к резервной валюте, коей является американский доллар. Чувствуете, куда ветер дует? Ослабление национальной валюты — это хорошо. Усиление доллара тоже хорошо. Но такие утверждения явно расходятся с установкой президента России В.В. Путина на деолларизацию российской экономики. Этот путь ослабления зависимости от доллара, несомненно, приведёт к оздоровлению отечественного хозяйственного механизма. Но, оказывается, не для всех это очевидно.

По Конституции (статья 75, часть 2) Центральный банк России является регулятором национальной платёжной системы, обеспечивающим защиту и устойчивость рубля. Эту же задачу ставит Федеральный закон «О Центральном банке РФ» (статья 3). Однако и в Конституции, и в законе утверждается положение, по которому ЦБ РФ свою деятельность «осуществляет независимо от других федеральных органов государственной власти». Возникает вопрос: наш ЦБ государственный или независимый? Может быть, в этом и лежит разгадка некоторых «непонятных» действий Центробанка?

В законе лишь уточняется: «Статья 21. Для реализации возложенных на него функций Банк России участвует в разработке экономической политики Правительства Российской Федерации... Банк России и Правительство Российской Федерации информируют друг друга о предполагаемых действиях, имеющих общегосударственное значение, координируют свою политику, проводят регулярные взаимные консультации». То есть Центральный банк участвует в разработке, информирует и координирует. В Государственную Думу ЦБ предоставляет годовой отчёт. И всё!

Основополагающий закон экономики гласит: «Финансы — это кровеносная система народного хозяйства». Центральный банк — сердце этой кровеносной системы. А по закону юридическому он независим от государства. Получается, что кровь (финансы) нашего государственного организма качает не наше сердце...

При таком положении мы можем получить не только «сумасшедший» курс доллара, но и кое-что похуже.

Кстати, о курсе. Обменный курс рубля по отношению к иностранной валюте устанавливается на торгах валютной биржи. Маклерами. То есть, как правило, валютными спекулянтами. И по этому спекулятивному курсу рассчитываются государственные параметры бюджета. Говорят, что это

рыночные механизмы. А вы давно были на рынке? Знаете, какие там действуют механизмы? Вот то-то и оно. Рыночная экономика — это миф, за которым скрываются вполне определённые интересы глобальных надгосударственных финансовых корпораций. Попробуйте разобраться в рыночных механизмах. Вы ничего не поймёте. Профессиональные эксперты разводят руками — мол, так сложилось, так принято. А кем сложена и принята эта глобальная финансовая схема? Может быть, пора разобраться? И строить свой государственный механизм исходя из государственных интересов, а не по установленной кем-то схеме?

И третье. Уж сколько раз твердили миру, что доллар изжил себя. И пока его оставляют в качестве основной резервной (?) валюты только потому, что его резкая замена приведёт к непредвиденным последствиям для мировой экономики, построенной как раз на гегемонии доллара. Но уход доллара неизбежен. Это уже очевидно основным «мировым игрокам». Вопрос во времени и нашей способности избавиться от «долларовой зависимости». Поэтому нынешний явно завышенный обменный курс доллара выявляет очевидный просчёт организаторов и руководителей нашей финансовой системы. Если уж мы решились на проведение специальной военной операции по демилитаризации НАТО, то привести в порядок нашу государственную финансовую систему пора начинать без оглядки на мнение экспертов — любителей доллара. Тогда и спецоперация пойдёт значительно успешнее.

Фёдор ПАПАЯНИ

РУССКИЕ — ЭТО КТО?

В последнее время мы часто слышим, что идёт война Коллективного Запада с Россией, целью которой является уничтожение русских и их государства. Мы также слышим, что на Украине русские убивают русских. Стало очевидным, что русские самоуничтожаются по стратегическому плану и к

великой радости Коллективного Запада. Так кто же они, эти русские, уничтожающие сами себя?

Говоря «русские», нынче каждый подразумевает своё. Подразумевая своё, мы тем самым путаемся сами и запутываем других. Дело в том, что слово «русские» — это понятие, имеющее несколько значений, в зависимости от контекста. В данной статье делается попытка смыслового уточнения этого понятия.

Ниже предлагается (как предмет для обсуждения) толкование понятия «русские». В зависимости от контекста под «русскими» предлагается понимать этническое, культурное или политическое значение.

1. «Этнически русские» (как национальность, как этнос) — такая принадлежность людей к русскому народу, которая имеет кровнородственный характер, то есть, генетическую связь поколений. Этнически русские состоят из нескольких родственных ветвей, главные из которых Великороссы (Великорусы), Малороссы (Малорусы) и Белорусы (Белороссы), произошедшие от древнерусской народности (IX—XIII вв.), сложившейся из восточнославянских племён. Каждая ветвь русского народа владеет всем объёмом русскости, всей полнотой русской природы. Русские — самый многочисленный коренной народ России (по данным Всероссийской переписи 2010 г. составляют более 80% населения) и самый многочисленный европейский народ. Всего в мире насчитывается по разным оценкам от 130 до 200 млн. этнически русских. Этнически русские не обязательно являются культурно русскими, и уж тем более — политически русскими.

2. «Культурно русские» — это не вопрос национальности, а прежде всего, вопрос культурно-цивилизационной самоидентификации. Под понятие «культурно русские» попадают люди с этнически разнородными корнями, но обязательно с русской культурой и русским сознанием. Это понятие вбирает в себя как представителей русской национальности (коих большинство), так и представителей иных национальностей, полностью интегрированных или ассимилированных в русскую социокультуру (обрусевших). Так, любой, кто считает русский язык, русскую культуру и русскую православную традицию своими, является культурно русским, независимо от происхождения его предков. Вне зависимости от происхождения конкретного рода можно стать самым выдающимся представителем русской культуры, как, например, Александр Пушкин. В свою очередь Пушкин так писал редактору об обрусевшем немецком бароне: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин... он русский, из перерусских рус-

ский». Поэтому понятие «культурно русские» включает в себя всю мощь русской культуры и русского духа («духовно русские»), русскость, русские национальные традиции, достоинство, честь, уважение к своей истории, гордость за победы предков и уникальный вклад в мировую культуру и, вместе с тем, понимание всей тяжести культурной ноши, т.е. великой исторической миссии перед другими народами. Поэтому для культурно русских вполне логичным будет утверждение о том, что русскость — это состояние души. Под определение «культурно русские» попадают императрица Екатерина II (несмотря на её немецкие корни и акцент), советский вождь И. Сталин (несмотря на его акцент и грузинское происхождение), а также Аксаковы, Багратионы, Барклаи, Бенкендорфы, Куинджи, Левитаны, Милорадовичи, Микояны и многие миллионы других родов. Культурно русские (например, эмигранты) не обязательно являются политически русскими.

3. «Политически русские» (как русская политическая нация) — это историческая политическая и социально-экономическая общность людей, сложившаяся в ходе формирования русского имперского государства. Она выступает как исторический союз разных национальностей с идеей единой государственности для защиты и распространения интересов этого союза. Заметим, что в этом союзе главным (титულным, стержневым) государствообразующим ядром выступают этнически и культурно русские. Поэтому совсем не случайно всех (независимо от национальной принадлежности) из СССР и России за рубежом называли и называют русскими, подразумевая русскую политическую нацию. Характерной чертой политически русских является стремление к сильной государственной структуре. К примеру, наши чеченские братья, героически сражаясь на Украине, являют собой яркий пример политически русских, которые защищают свою Отчизну — Россию от этнически русских, но политически антирусских солдат ВСУ. То есть, врагами политически русских являются, в том числе, и русскоговорящие люди со славянской внешностью и фамилиями, которые имеют западное лакейское политическое сознание, и содействуют врагам России в её уничтожении. В разное время такими врагами были: западники, революционеры всех мастей, нацисты, власовцы, полицаи времён Великой Отечественной войны, масоны, сатанисты, сектанты, либералы, русофобы, национал-предатели и каратели Донбасса. Упомянутая публика сама отказалась от чести принадлежать к своей великой русской политической нации. Иначе говоря, к русской политической нации не принадлежит, несмотря на пра-

во рождения и русскую национальность, всякий, кто ставит чужие интересы (а сегодня это американские) выше интересов России.

Подобное раскрытие смысловых значений позволяет каждому, произносящему слово «русские», быть правильно понятым. Поэтому предлагаю в рассуждениях почаще «расшифровывать» этническое, культурное или политическое значение этого важнейшего термина.

Заметим, что русские ни в одной из своих трёх ипостасей так и не появились в обновлённой Конституции РФ. То есть российское государство принципиально отказывается официально признавать русских. Интереснейший феномен получается: весь мир признаёт русских, а своя власть нет. Много чего делается внутри России для подавления у русских чувства национального достоинства, для их развращения, для формирования у них апатично-депрессивного состояния духа, чтобы, в конце концов, уничтожить. Объясняется такое «делание» обилием во власти внутренних врагов — политически нерусских и антирусских. Внешний враг (Коллективный Запад) объявил русским и России тотальную войну на уничтожение. А чтобы в этой войне нам победить, сначала надо одолеть своего внутреннего врага, например, посредством Идеологического Генштаба. Иначе никак.

г. Донецк

ОТ НАЧАЛА К НАЧАЛУ

То, что все последние столетия Россию терзают тяжелейшие испытания, показывает её живучесть, другие бы не сохранились, и, главное, то, что будущее за ней. То есть вроде бы они и выжили в веках (Америка, Испания, Германия, Франция), но уже влияния на мировую историю почти не имеют. Ещё, поддерживая себя награбленным золотом, пытаются командовать. Это бесполезно. История слушает не богатых, а верящих в Бога. И то, что число русских святых увеличивается, как раз показывает то, что Россия идёт единственно верным в истории путём — путём Христа.

Всё началось с перевода Священного Писания в конце Ветхозаветных времён. Семьдесят переводчиков, строка к строке, слово к слову переводили его с древне-еврейского на греческий. Это Септуагинта, по которой, слава Богу, и ныне живёт Православие. Но была и Вульгата, перевод на латынь, основа для Богослужения западной Церкви.

Так вот, из Вульгаты, по дьявольскому плану, исчезло Христологическое толкование всего содержания

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Писания. Исчезли многие или были переформатированы тексты, которые говорили о приходе в мир Сына Божия и которые полностью сбылись. Именно этим ценен Ветхий Завет. Но Богу не поверили иудеи, объявили Иисуса Христа ложным мессией и стали ждать и до сих пор ждут — своего.

Разницу в подходе к событиям истории легко усвоить из прочтения «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона. Считают у нас или, вернее, заставляют верить в то, что русская литература началась со «Слова о полку Игореве». Нет, труд митрополита Иллариона был свершён на сто лет раньше. Главное в нём: противостояние иудейской религии и веры православной. То есть столкновение неверия во Христа и готовностью умереть за Него. И уже христианская кончина первых русских святых, Бориса и Глеба, доказала это. Как раз их Житие обозначило главное направление русской письменности: она духовна, она славит образ жизни на Руси, как служение Богу, благодарение Ему за великий дар жизни и за все благодеяния Его.

Переход от русской литературы устного периода к письменному был у нас необычайно лёгким, потому что и былины, и сказки, и народные песни, обрядовая поэзия, пословицы, загадки, потешки, баюкалки были глубоко нравственными, учили праведной жизни. То есть мы «не знающие закона» жили по закону. И русских тысячу лет назад не надо было насильно загонять в днепровскую купель, они шли в неё с радостью. Но не радовало это падшего денница. И он, изгнанный с Небес архистратигом Михаилом, увлёт с собою отпавших от Бога ангелов, а на земле взялся за своё дело: доказать, что можно жить без Бога. Что Бога вообще нет, а есть только он — падший денница.

И началась Новозаветная история: схватка света и тьмы, Христа и велиара. И сколько же мы прошли нападений на Церковь, на Веру, сколько встрясок. Все они были нам на пользу. Одно то, что сейчас уже никого не надо убеждать, что Бог есть. Но ведь это же только начало. «И бесы веруют». Надо не только верить в Бога, но надо верить Богу, его заповедям. А как верить? Очень просто, исполняя их. В этом и есть главное послушание. А послушание делает нас сильными.

Мы же молимся ежедневно: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». А как это может быть? Когда будем безгрешны. Но как, это же трудно? Мы же не ангелы. Но мы, говорит Писание, немногим от них отличны. Сотворены, как и ангелы, «по образу и подобию Божию», мы и похожи друг на друга, только вот слабоваты душой.

У русской письменности с первых шагов открылось огромное поле деятельности — учить людей жить по Заповедям. Учили по Псалтыри, по Писанию, по Житиям святых. По Поучению Мономаха. И это поле стремительно расширялось. Но враг нашего спасения не дремал. Писатели древности сеяли пшеницу, а сатана всевал плевелы, сорняки. Которые цвели, обольщали, разрастались, захватывали сердца и души, глушили пшеничные колосья. Плевелы доселе правят бал на книжном рынке. Они обязательно получают своё заслуженное, по слову Писания, они сберегаются на день Суда и огня геенского.

Конечно, зараза в русскую литературу, в культуру, в образ жизненного поведения пришла с запада, конечно. Ну а кто виноват? Сами! Сами же обращались не к солнцу востока, а к западу преисподней. Расхлебенили, как говорится, открыли настежь российские ворота, как тут в них не хлынуть всякому обезбоженному отребью. Так что сами хороши.

Величие русского языка (ну как же не верить Ломоносову!) доказано превосходством русской литературы. Так нет, надо учить французский. Приняли Православие, так чего, казалось, топтаться на вытоптанной античности? В ней и было всего, что триада Сократа, Аристотеля, Платона, ибо они, в отличие от язычников, говорили о Единобожии. Но и о человеке. (Хотя, например, «Антигона» Софокла несёт в себе христианские мотивы, Антигона слушается не градоначальника, а исполняет волю богов.)

Эту триаду реанимировали в Средние века, нельзя было и шагу ступить, чтобы их не упомнить. Назвали это Возрождением. Какое возрождение? Возрождалось язычество на новом уровне. Безбожники Дидро, Руссо, Аламбер, особенно Вольтер владели умами. Прикармливали их (как же — Европа), особенно Екатерина, конечно, Вторая. Но её увлечение развеял, вечная ему память, архимандрит Платон (Левшин). Безбожные, кошунственные разглагольствования Аламбера, присутствие которого при дворце щедро оплачивалось из царской казны, он посрамил, пресек цитатой из Псалтири: «Рече безумец в сердце своем: несть Бог». Безумцу вскоре пришлось покинуть Россию.

И вообще, всегда так: когда кто-то, не любящий Россию, ненавидящий её, называющий её рашкой, а русских ватниками, короедями, исчезает из России, воздух в ней становится чище. А враги наши могут дышать только отравленным ими воздухом.

Спасительны для России были сочинения Державина, Крылова, Жуковского, особенно Пушкина, Лермонтова,

Тютчева, Достоевского, Гончарова, Островского, вслед идущих Кольцова, Никитина, Майкова, Сурикова... Это была могучая поддержка святителям Тихону Задонскому, Феофану Затворнику, Игнатию Брянчанинову... Уверен, молились за них и преподобные Сергей Радонежский, Серафим Саровский...

Но не отставал во все времена и губитель рода человеческого. Выпустил на свет теорию эволюции. То-то заплясали бесы: не Бог нас сотворил, от обезьян мы. Тут и подход к фашизму. Как? Очень доказательно. Чем и как мы познаём мир? Джон Локк: чувствами. Но чувства могут обманывать. Мне холодно, тебе жарко. Разумом? Кант, Гегель. Но разум у всех разный. А что им управляет? Шопенгауэр: воля. Ницше тоже в той струе. То есть: если мы от инфузории-туфельки дошли до обезьяны, до человека, стали такие умные, надо идти дальше, к сверхчеловеку. Вот и фашизм. В Европе унтерменши, а славяне — недочеловеки, хватит им балалайки и водки. А если что они и сотворили, так это не совсем русские, а татары, немцы, эфиопы, шотландцы. Выучили же голландцы Петра Первого, а французы и немецкий еврей — Ленина!

И литература пошатнулась: Белинский, Писарев, Добролюбов, Чернышевский — вот кого тащили в красный угол. Невероятен был авторитет Льва Толстого. Не писателя, вещателя, свергателя трона, кощунника редчайшего. Да и никто его не изгонял из Церкви, просто в наказание лишили причастия «до покаяния». Как же, покается он, такой гигант, и перед кем? Ему Сам Господь не икона («Не надо мне ни камня, ни креста на могиле», вот я какой), сам от Православия отошёл.

Да, две бородищи, карлмарксовская и левтолстовская заслонили все варианты выбора путей в жизни, кроме этих: идти за «Призраком коммунизма, который бродит по Европе» («Манифест» Маркса), и свергать самодержавие и посягать на Небеса.

Достоевский, Пушкинская речь, «всечеловечность русских». И что нам от этой всечеловечности? Да, всех по-христиански прощаем, надеемся на их приход ко Христу, но они-то нас за людей не считают. Учат бомбы в царей бросать. Очень передовой метод борьбы за человека. И кто слушал святого праведного Иоанна Кронштадского? А ведь он криком кричал о покаянии, о вреде учения Толстого.

Но тут в атаку на Россию пошли уже бороды другие, революционные. Некогда было Ленину, Троцкому, Дзержинскому, Свердлову, тому же Бухарину, бороды отращивать, клинышков на подбородках хватало. Не бородкой же мыслил

Троцкий, заявляя: «Революция делается для того, чтобы воры и проститутки стали философами и поэтами». А мы-то думали! А как издевались эти малобородые прежде всего именно над русскими!

Но пришёл и на них каратель. Безбородый, но усатый.

Начало XX века — в литературе якобы серебряный век. Какой серебряный, на железо не тянет. Только и есть, что Гумилёв, Северянин, Есенин да Блок, остальное — разврат, цинизм, пляска на «пароходе современности», потом обслуживание большевиков (Придворов — Демьян Бедный: «Что с попом, кулаком вся беседа — в брюхо толстое штыком мироеда»), а потом нытьё в «Вехах» пассажиров философского парохода: «Мы так не хотели».

Потом 20-е, 30-е годы, изгнание всего русского, сплошной троцкизм. Просьбы Хрущёва увеличивать нормы на расстреливаемых. В литературе склоки, оканье Горького («Если враг не сдаётся»)... В жизни усекновение церковных глав, казни и ссылки священников. И как только ещё выжили?..

Господь во вразумление попустил Великую Отечественную войну. Она вернула Патриаршество, родила Победу и литературу защиты Отечества: Астафьев, Бондарев, Воробьёв, Кондратьев, Евгений Носов, Виктор Некрасов. Родила поэзию и песни: Твардовский, Исаковский, Исаев, Фатьянов, Старшинов, Друнина, Горбовский, Костров, Симонов...

А потом эстафету военной литературы приняла вначале очерковая (Валентин Овечкин, Иван Васильев, Леонид Иванов, Владимир Ситников...), а вслед за ними очищающим валом поднимающейся волны хлынула деревенская проза: Акулов, Абрамов, Белов, Екимов, Лихоносов, Личутин, Потанин, Распутин, Солоухин (по алфавиту, ибо каждый из них заслуживает первого места). Они, даже и не воцерковлённые, кто-то и не причащался, но все, любя Россию (Лобанов, Палиевский, Кожин, Ланшиков, Олег Михайлов, Селезнёв, Семанов...) видели её спасение на путях Православия.

И только так. Чем плохи великие личности Будда, Конфуций, Магамет? Именно великие. Каждый из них сумел увлечь за собой огромное количество поклонников, заставив поверить только в его учение. Но! Они же были живыми людьми, прошедшими земной путь и растворившимися в бегущем времени. Может быть, и надолго, но не навсегда. А Иисус Христос — это Сын Божий, Бог-Слово, родившийся от Духа Святаго и Марии Девы, и вочеловечившийся. И своей земной кончиной на Голгофском Кресте посрамивший смерть и отринувший её. И взошедший на небеса к Отцу Небесному.

И теперь вся наша жизнь — это ожидание Его Второго пришествия. «И паки грядущего со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца». Принадлежать Православию — наше главное счастье.

Если эти доводы не убедили, давайте вернёмся к античности. Чего, вроде бы, в ней не хватало, всё есть: Олимпиады, искусство словесности, театр, трагедии, драмы, раздолье словопрений софистов, архитектура Акрополя, фаюмский портрет, Фидий, ристалища... Что же не выжила эта античность? Ответ один — была обезбожена. Были боги с маленькой буквы. Жили на Олимпе, но однажды явилась туда Душенька Богдановича, которая «во всех нарядах хороша», да так хороша, что все боги влюбились в неё и меж собой перессорились. И это боги? А литература дохристианского периода? Одиссеи и Илиады? Походы за золотым руном? А оно на что? На спасение души? Да нет, на обогащение. Любая наша былина перевесит все красоты гекзаметров античности, ибо она обязательно воспекает защиту родной земли.

Вера в могущество человека губила человека. Хотя многие века пелось славословие именно человеку. Самомнение и гордыня зашкаливали. Докатилось и до двадцатого. «Человек — это звучит гордо», — возгласил Максим Горький. Гордо-то гордо звучит, но это тупик. Жизнь-то и любого гордого конечна. «Сократ, цари приговорили тебя к смерти». — «А их к смерти приговорила природа». Хоть так, хоть так — финал. В жизни людей накапливался страх перед Аидом, Тартаром.

Но уже начинали слышать и слушать ветхозаветных пророков: жизнь на земле не заканчивается, есть её основное содержание — потусторонний мир. И мир этот более реален, нежели реальность, что есть Единый Бог — Создатель всего живого. Ветхий Завет для нас ценен только тем, что главное в нём — ожидание Сына Божия, Христа, и обязательного грядущего ответа за поступки в земной жизни.

В предсказанное время пришёл на Землю Христос — незакатное солнце взошло над нами. Но разве смирится с этим древнее зло — сатана. Ему же обидно: с такой лёгкостью пленил души, а тут между ним и людьми встала преграда — Господь. Тогда он стал всевать в людей, кроме гордыни, ещё и зависть, а она успешно ссорила людей и государства. Если бы они ополчались на врага рода человеческого — виновника их несчастий, были бы спасены. Нет, они видели врага в таких же людях, как они сами. Вот и всё. Тут тебе и революции, тут тебе и войны.

А почему? «Потому, что люди мира сего более возлюбили тьму, нежели свет». Опять же, почему? «Потому, что дела их

были злы». Видели спасение не в духовном, а в телесном. Вот это и есть главное зло в человеке против себя прежде всего.

Не нам знать, «когда закроет вечность время» (Державин), но помнить об этом — первейшая обязанность служителей Слова. Помнить, как помнили его служители в начале письменности. В начале. А потом? Оглядываешься: Боже мой, сколько же они поработали лукавому.

Но веришь, что не зря прошли века и века письменности. Начатая служением Богу, она много раз, иногда надолго, уходила в обслуживание сатанинского растрения жизни. Более обслуживала воспевание страсти, а не любви. Опомнившись, возвращалась. Но силён враг, опять хватался за вожжи колесницы рода человеческого, заворачивал её на протоптанные дороги, ведущие к гибели.

Последний такой разворот свершился на наших глазах одновременно в конце столетия и тысячелетия. Это все должны помнить: как заплясали бесы в неистовом счастье попить всё святое, делать разврат нормой жизни, кланяться наживе, как победно хрипел приведённый к власти пьяница, не имевший за душой ничего, кроме тщеславия. Как лепились к нему антирусские, антиправославные писаки, угодливо требовавшие «раздавить гадину», то есть патриотическое движение.

И где они теперь, эти писаки? Даже и неважно, где они — живы, не живы — важно, где их книги? А уже нигде, в дыре забвения. Умирили либеральные книги раньше авторов. Разве может быть долгожителем книга, написанная озлоблением, а не любовью? Тенденция убивает художественность.

Русские писатели усвоили православную мудрость: Господь дал человеку не только свободу выбора, но и предопределил каждому его назначение. Понимая, что своими силами мы никогда не спасёмся, то есть без веры в Бога не спасёмся, мы и идём к Нему. И чем ближе к Нему, тем мы свободнее. И знаем, что литература, не ведущая к Богу, бесполезна.

На западе уже нет сколько-нибудь приличной литературы. Была бы, знали бы. А, по сути, вся лучшая у них литература была глубоко антикатолической и антипротестанской. Данте, Рабле, Сервантес, Гёте, все они ополчались на фальшивость западного христианства. «Дорогая супруга, так хочется изменить тебе, ты не возражаешь?» — «Нет, дорогой. Только ты купи индульгенцию и иди спокойно». У Достоевского: «Француженка только и ждёт того, чтобы выйти замуж и немедленно начать изменять мужу». Рушится Богом установленная семья — гибнет общество.

И любые надежды на то, что людей спасёт наука, бесполезны. Да, так. Наука всё узнала: и молекулярность и нейтронность, и то, что даже у малой блохи есть свои блохи, и расстояние до планет и звёзд исчислила, всё узнала, а откуда всё появилось — вот этого наука не узнала. И не узнает. Не может смириться и признать, что всё от Бога. А Он вечен и бесконечен, и в нём познаваемо только то, что Он непознаваем.

Господа учёные, был День Творения? Ну как же не был, если мир сотворен, и мы в нём живём. Так Кто же этот день устроил?

Нет, мы, русские писатели, живы, живее всех живых. Мы знаем, что с попытками исключительно научного познания возникновения жизни во Вселенной покончено. В этом направлении возможно только духовное познание — и его мы осваиваем и внедряем в умы. Идя к будущему литературы, мы идём к её началу.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2023 год
(Август)

Всем здравомыслящим должно быть совершенно ясно, что чем дольше банда Зеленского будет находиться у власти, тем сильнее будет разрушено то, что до недавнего времени называлось Украиной.

* * *

В г. Екатеринбурге в начале августа состоялся суд над производителями и сбытчиками метаноловой водки, от которой погибли 44 человека и еще 7 человек получили тяжелые отравления. Суд приговорил их к пяти и шести годам заключения в колонии обычного режима. Еще одна сбытчица получила условный срок. (Всего — семь человек, в основном — мигранты.) Такое «наказание» возможно только в России. Нигде в мире подобное невозможно. Человекообразные нелюди ради легкой наживы убили 44 (!!!) человека, а еще семерых сделали инвалидами до конца жизни — и получили по пять-шесть лет коло-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

нии (!!!), а одна моральная уродка вообще отпущена на свободу! За «примерное» поведение через три-четыре года отравители будут отпущены по УДО. И вполне возможно, кто-то из них, наученный своим «опытом», приступит к более изощренным способам обогащения и отравления людей. За 44 человека, сознательно и целенаправленно убитых ими, они должны были получить, если не пожизненный срок, то, как минимум, по 25 лет строгого режима — каждый. (Что было бы, если бы русские в Таджикистане отравили 44 таджика или 44 армянина в Армении?..) Но в который уже раз мы становимся свидетелями того, как в судах жизни русских людей стоят пяти-шести лет общего режима. А зачастую — и того меньше.

А тем временем 10 августа в Донецке состоялся суд над тремя бандеровскими ублюдками, каждый из которых намеренно убил гражданского жителя Донбасса. Все эти три ублюдка получили по 29 лет заключения строгого режима. Плюс к этому они должны будут выплатить родственникам погибших по 22 миллиона рублей моральной компенсации.

Словно ДНР и РФ — это разные государства... Или, может, всё дело в судьях, а не в законах?..

* * *

Эта власть заполняет страну людьми другой веры и ни на какие тревожные вопросы по мигрантской проблеме не реагирует.

* * *

Журналисты и политологи продолжают повторять информационный штамп, давно набивший оскомину: мол, Запад применяет по отношению к нам некие «двойные стандарты». Согласно этим «двойным (а то и тройным) стандартам» Запад осуждает Россию за то, что делает сам или позволяет делать своим союзникам. Но пора бы уже всем осознать, что у западноевропейских и англосаксонских политиков нет никаких «двойных стандартов» — их там не было никогда и не может быть по определению. Всегда, во все времена, у них был только один стандарт. Был и есть. И заключается он в одном-единственном условии, правиле, тезисе, образе мыслей, поступков, желаний, общих настроений и т.д. И звучит это условие таким образом: хорошо, замечательно всё то, что выгодно, полезно, необходимо им, и плохо, просто отвратительно всё то, что выгодно, полезно и необходимо нам. И стандарт этот у них — единый, общий и простой, без всяких двойных или тройных его пониманий и при одном и том же отношении к нам. И когда наши политические «гуры» в очеред-

ной раз начинают что-то выкать о «двойных стандартах» Запада, там на Западе это вызывает или естественное недоумение, или просто искренний смех.

Сколько раз мы возмущались обманом западных лидеров, обещавших не расширять НАТО на восток. Им действительно кажутся странными наши возмущения. Ну обманули — и обманули, какие могут быть вопросы? Когда выгодно обещать — пообещали, когда стало выгодно отказаться от обещаний — отказались. Таков их стандарт — без всякого двойного значения и смысла. Запад — таков и никогда другим не будет. И хватит уже повторять нашим «экспертам» глупые штампы о его «двойных стандартах».

* * *

По ящику мы то и дело слышим возмущения теледикторов и военных корреспондентов по поводу того, что украинско-натовские гаубицы, дроны или ракеты вновь ударили по гражданским объектам или жилым кварталам Донбасса, не говоря уже о жилых кварталах внутренней России. И каждый раз они с каким-то наивным недоумением повторяют: «Здесь и близко нет никаких военных объектов!» Почему-то до них никак не дойдет самая что ни на есть элементарная истина: для «украинских» вырожденки жилые кварталы — это и есть самый **главный, самый первый, самый желанный военный объект!** И нет для них **более значимого военного объекта**, нежели жилые кварталы России, Новороссии или Донбасса. Как и нет для них большего удовлетворения, чем уничтожение этих **главных военных объектов**. Так что причитания находящихся в прифронтовой полосе журналистов (особенно журналисток) о том, что рядом с разрушенной школой, больницей, детской площадкой, сгоревшим музеем, театром, детсадом или жилым домом не было «никаких военных объектов», давно уже выглядят не просто неуместными, но элементарно неграмотными, т.к. эти объекты для «украинского» и жидобандеровского зверья давно уже являются исключительно военными, изначально самыми боевыми целями.

* * *

Харьковский тракторный завод выпускает танки для ВСУ, которые воюют против российской армии, а также восстанавливает боеспособность украинских танков, получивших повреждения в боях на российском фронте.

А кто является владельцем ХТЗ, держателем его контрольного пакета акций? Российский олигарх О.Дерипаска.

Интересно было бы узнать, сколько представителей рос-

сийской власти являются акционерами АО «ХТЗ»? А еще лучше спросить: все или не все?

Вот такая война.

Мы им гоним нефть и уран. Они нам гонят «Леопарды», «Брэдли», «Челленджеры» и крылатые ракеты. Обещают прислать «Абрамсы» и «F-16». В помощь танкам, которые делает ХТЗ.

Между прочим, на Кременчугский нефтеперерабатывающий завод, снабжающий ВСУ горюче-смазочными материалами, до сих пор не упала ни одна наша ракета.

Вот такой у нас «капитализм».

* * *

20 августа широко разрекламированная нашими СМИ лунная миссия станции «Луна-25» закончилась полным и очередным провалом. Согласно заявлению «Роскосмоса», «по предварительным расчетам, станция «Луна-25» перешла на нерасчетную орбиту, столкнулась с Луной и прекратила свое существование». Но уже 19 августа со станцией оборвалась связь. Причем насколько громким был телевизионный звон по поводу старта «новой лунной программы», настолько же глухой оказалась реакция СМИ после ее провала. Вообще никто ничего нашему населению публично не объяснил и никак не прокомментировал неудавшуюся экспедицию на Луну.

Почему я написал: «закончилась очередным провалом»? Да потому что в новейшей истории России подобных провалов, и не просто «подобных, а словно повторенных под копирку, было уже несколько. Хотя многие, скорее всего, забыли об этом. Но я напому.

Вот что я дословно писал в «Протуберанцах» в январе 2012 года, и в том же году это было опубликовано в «Молодой гвардии»:

«Газета «Коммерсантъ» со ссылкой на экспертов в ракетно-космической отрасли подтвердила мои прошлогодние предположения о том, что космический аппарат «Фобос-Грунт», предназначенный для взятия проб грунта со спутника Марса, был уничтожен в результате диверсии. Специалисты «Роскосмоса», по сообщению «Коммерсанта», допускают версию воздействия на электронику «Фобоса» американского радара, находящегося на Сейшельских островах, когда наш аппарат находился в зоне действия радара в первые часы после выхода на околоземную орбиту. И сразу же после уничтожения «Фобоса» на Марс был отправлен с той же целью американский аппарат.

Американцы делают это далеко не впервые. Многие уже, наверное, забыли, как еще в советское время по «необъяснимым

причинам» пропала связь с двумя нашими последними автоматическими межпланетными станциями, отправленными на Венеру.

Компетентные люди знают и понимают: кроме электронного вредительства со стороны США, в России орудует и широкая сеть американо-израильской агентуры, внедренная в наши космические и военные сферы».

Повторяю, это было написано 11 лет назад. И если подобные события прямо-таки копируются один к одному, это означает, что расследование прошлых аналогичных диверсий не было осуществлено в полной мере (его могли не дать провести или направить по ложному пути). И американо-израильская агентура, как тогда присутствовала в нашем космическом агентстве, так присутствует и теперь. И начинать вычищать эту агентуру надо не с «Роскосмоса», а с самого верху.

P.S. 19 августа станция «Луна-25» должна была сфотографировать то место на лунной поверхности, где, по версии НАСА, находятся посадочные модули одного из американских космических аппаратов после его якобы прилунения на спутник Земли. Эти снимки могли подтвердить или, наоборот, опровергнуть сомнения насчет высадки американцев на Луну. Но именно 19.08 связь со станцией оборвалась...

* * *

23 августа в Тверской обл. потерпел крушение частный самолет, в котором из Москвы в Санкт-Петербург летел основатель ЧВК «Вагнер» Евгений Пригожин. Вместе с ним были и командиры из его ближайшего окружения. Погибли десять человек, включая трех членов экипажа. По свидетельству очевидцев трагедии, самолет взорвался в воздухе. Части фюзеляжа были разбросаны на периметре четырех километров. То, что в небе произошел теракт, вряд ли можно сомневаться.

Вопрос остается только один: кто это сделал? По чьей команде была на борту заложена бомба или был сбит пригожинский самолет? Кто это сделал: «свои» враги Евгения Викторовича или чужие? Чужие враги, конечно, ликовали. «Свои» — молчали. У них, «своих», была причина ему отомстить. Во время июньского «мятежа» и т.н. «похода справедливости» на Москву бойцы ЧВК сбили 1 самолёт и 6 вертолётов армии РФ. Погибли военные лётчики.

Но у чужих врагов причин для мести было гораздо больше. В течение полугода битвы за Бахмут штурмовиками «Вагнера» только убитыми было ликвидировано 50 тысяч украинских нацистов и иностранных наемников. В Киеве разрабатывались самые изощренные планы уничтожения лидера

русских «музыкантов». Вполне допустимо, что один из них был осуществлён.

На следующий день, 24 августа, В. Путин по телевидению во время встречи в Кремле с главой ДНР Д.В. Пушилиным выразил соболезнование семьям погибших и сказал несколько добрых слов о Е.В. Пригожине. Также он заверил, что расследование этого преступления будет доведено до конца.

Но есть и третья версия случившегося. Наш автор Владимир Большаков пишет в «Русском Вестнике» (№ 18, 2923): «Враги России были готовы использовать Е. Пригожина и его ЧВК «Вагнер» в борьбе за власть в нашей стране, но только как оружие и боевые отряды государственного переворота, после которого и от самого Пригожина, и от его боевиков тут же постарались бы избавиться. Видимо, с этой ролью Пригожин не согласился... Не исключено, что именно этот отказ от заготовленной ему Западом и руководимой ЦРУ «пятой колонной» роли и привел к тому теракту, в котором погибли Пригожин и самые доверенные его командиры. По этой части у ЦРУ большой опыт».

Да, «Вагнер» оказался обезглавлен. Какова будет его дальнейшая судьба — сейчас сказать невозможно. Могут быть варианты. Или эта частная военная компания распадётся на мелкие разрозненные боевые группы, или будет взята под опеку Министерством обороны и ее возглавит новый командир. Второй вариант менее возможен, т.к. другой харизматический лидер, подобный Е. Пригожину, человеку, по выражению Путина, «со сложной судьбой», и способный так же крепко сплотить вокруг себя верных ему бойцов, вряд ли в ближайшее время возникнет.

Но Евгений Пригожин вошел в российскую историю, и о нём еще долго будут помнить. Его жизнь — героическая, яркая, безоглядная и бесшабашная. А героям в России многое прощается. Своей трагической гибелью они искупают земные грехи. Герои, как известно, не только входят в историю, но и делают ее. Освобождение Бахмута войдет в книги и учебники истории России.

* * *

Мы привыкли повторять один и тот же шаблон о «справедливом обществе» или вообще о некоей абстрактной «справедливости». Мол, мы должны строить «справедливое общество», мол, главным критерием нашей жизни должно стать справедливое отношение к каждому человеку... Слово «справедливость» для большинства нашего населения является неким фетишем, которому оно, наше большинство, готово поклоняться, как новому языческому божеству. Для одних эта обожествленная справедливость стала золотой мечтой, дру-

гие уже считают эту мечту недостижимой, подобной утопическому «светлому будущему» вроде того же «коммунизма». Кстати сказать, и бывший советский социализм многие склонны считать «справедливой системой», хотя и при нём несправедливости в нашей жизни тоже хватало. Достаточно вспомнить хотя бы жестокие гонения на Православие, на манипулирование территориями с русским населением и многое другое. (Поэтому если и говорить о будущем социализме, то только о социализме православном.)

Но вот что важно, и для многих это будет неожиданно. В Новом Завете мы не встретим понятия «справедливость». Более того, в устах Иисуса Христа это слово вообще отсутствует. А уж кто для нас может быть *справедливее*? Но ни разу Христос это слово не произносит! Кто из нас способен ответить: почему?

А ответ очень прост. Справедливое отношение к людям — это самое жёсткое отношение. И Христос это знал. Поэтому он неустанно говорил не о справедливости, а о любви друг к другу. Конечно, это тоже, в сущности, недостижимо на Земле. Но только так можно достигнуть спасения для человечества. И Он повторял: «*Как научил Меня Отец Мой, так и говорю*» (Иоанн. 8: 28). Христос знал, что если каждого из нас за наши поступки, грехи и слова судить **справедливо**, то каждого из нас нужно будет четвертовать. И пора бы нам гораздо трезвее относиться к слову «справедливость».

*Бессердечность, холодность, фальшивость
умозрений в своей пустоте...*

Наш безумный кумир — справедливость.

Мы грешим, а Христос — на Кресте.

*И опять, как всегда, безвозмездно
будем лгать, малодушничать, мстить...*

*Мы достойны лишь огненной бездны,
если нас справедливо судить.*

*Мы об Истине что-то вещаем,
о спасающей мир красоте...*

Ни обид, ни долгов — не прощаем.

А святая любовь — на Кресте.

(2018 г.)

Более ста российских спортсменов сменили гражданство ради возможности выступать на зарубежных соревнованиях. В большинстве своем они были награждены российскими государственными наградами, имевшими и значитель-

ное денежное выражение. Выступать они теперь будут под чужим флагом. Об эгоистичной сущности и психологии большей части «наших» спортсменов и артистов сказано много. Пришла пора сказать, что эта их эгоистичная сущность является главным основанием их предательства. Щедро одаренные и награжденные государством, спортсмены и артисты первыми предают одарившее их государство, когда ставится вопрос об их личном благополучии и материальном обеспечении. Они первыми бегут за кордон, когда страна, их взлелеявшая, требует от народа мужества и жесткой патриотической позиции. Довольно многие спортсмены и артисты, уже чего-то на своем поприще достигшие, не причисляют себя ни к этому народу, ни к этой стране. Пора наконец сказать об этом прямо. Повторяю: не подавляющее большинство, конечно, но очень многие. История с Исинбаевой — это яркая иллюстрация предательской страницы российского спорта.

А ведь страна ведет войну. Многие спортсмены — призванного возраста. Их сверстники сейчас находятся на фронтах. А эти решили улизнуть, сменив гражданство и согласившись ради карьеры и денег выступать под чужим флагом, в том числе и тех стран, которые воюют с Россией. Как это называется?

И у этого предательства оказалось немало защитников и оправдателей, которые и в Сетях, и по ящику доказывают нам, что, мол, у спортсменов короткий активный срок и, мол, надо успеть чего-то достичь в большом спорте. А сделать это можно только на крупных соревнованиях, на которые Россия не допущена. И что, мол, все мы должны разжалобиться, простить их и пожалеть.

Короткий активный срок не только у спортсменов, но и у поэтов, певцов, музыкантов, художников, летчиков и т.д. Жизнь вообще штука короткая. И что? Ради карьеры и журавля в небе мы теперь должны разбежаться по всему миру — туда, где теплее и вкуснее кормят?.. А на родине пусть вкалывают одни дураки с длинным активным сроком?.. И другие дураки пусть за нее воюют...

Эти «наши» с «коротким активным сроком» поголовно готовы были выступать под белым флагом, без гимна и названия страны. И выступали. Но вот западные «добродетели» их и этой возможности лишили. Ну что ж, значит можно поменять гражданство и выступать под чужим флагом... Делов-то! Одна живём!

*Всегда спортивный полк предателей
имеет уйму оправдателей.
И каждый этот оправдатель —
такой же, в сущности, предатель.*

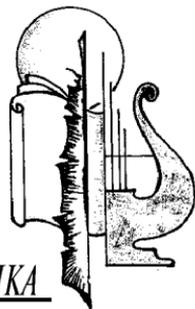
ГРУСТНЫЙ СВЕТ СТИХОВ

к 75-летию Валерия Хатюшина

...Я понесу с собою груз несметный
желаний, дел, сомнений и грехов,
ожог сердечный, многим незаметный,
навет врагов и грустный свет стихов...

Перечитав после выхода в свет книгу «Третий снег» Валерия Хатюшина, я не без удивления обнаружила, что тема печали и грусти как сложное психологическое явление пронизывает каждое стихотворение, входящее в этот сборник.

Исследовать природу печали человека до конца, наверное, не удавалось никому. Она нужна, чтобы погружаться во внутренний мир, чтобы быть в поиске смысла существования, чтобы развиваться эмоционально. Ещё трагедии Древней Греции обучали людей принимать неизбежность несчастья и, что важно, справляться с ним как с естественным явлением. Эту тему повторяли трагедии Шекспира, рассказы Чехова, вальсы Шопена, полотна Поля Сезанна. Тоска, грусть, ностальгия давно стали стимулом для художественного творчества. Печаль в творчестве любого поэта, писателя, как утверждает Антон Чехов, присутствует во всём: «...даже в человеческом счастье есть что-то грустное». Искусство любит грусть, а человек тяготеет к печаль-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ному искусству, по мнению философов, чтобы очиститься через сострадание.

Диапазон человеческих эмоций поэта настолько широк, насколько он ощущает мир вокруг себя. Грустит тот поэт, которому жизнь не безразлична. Читая стихи Валерия Хатюшина, давно обратила внимание на присутствие жизненного безразличия, поэту есть дело до всего происходящего. Он тоскует, наблюдает, ждёт, замирает от удивления, блуждает в потёмках — одним словом, живёт! А для настоящего поэта — где жизнь, там поэзия!

«Не торопите жизнь, она сама мгновенье», — этими словами открывается сборник «Третий снег». Слова созвучны с поэтическими строками из трагедии Гёте «Фауст»: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Но если Фауст просит прервать его земное существование, когда достигнет наивысшего счастья и произнесет заветные слова, то лирический герой поэта Хатюшина радуется каждому дню и, «встречая новый день», без сожаленья отпускает прожитый.

А грусть, как спутница радости, непременно рядом, потому что у поэта и его героя всегда отношения со временем сложные, ему его не хватает, чтобы сказать ещё что-то важное, поэтому поэт надеется на неравнодушного читателя, внимательного к его слову. Тонко-музыкальные переходы из настоящего в будущее, и дальше — в вечность — это не просто жизнь, это вечная жизнь: и для того, кто ушел, и для того, кто остался:

*Уйдя, я не уйду, мой друг равнодушный.
Прочти мои стихи — услышишь голос мой.*

А дальше пронзительно грустно звучат слова уже не просто лирического героя, а самого поэта, родившегося в ноябре:

*Меня не станет здесь — всё будет, как и было:
цветы весной — цвести, и птицы — щебетать,
и ветер в ноябре опять споёт уныло...
Но всё ж чего-то здесь вам будет не хватать.
Чего не передать обычными словами,
что брезжит, словно луч, над сумраком скользя,
что грезится во тьме бессонными ночами,
чего не изъяснить, но что забыть нельзя...*

Композиционная рамка стихотворения указывает на завершенность действия, а многоточие в конце стихотворения — на открытость мысли читателя, умеющего додумывать исход

произошедшего. Триптих «Не торопите жизнь» — о времени и о себе, о поэте, который утверждает: «И пел я не как все, и путь мой был — иной...»

Печаль, грусть становятся тем объединяющим символом одинокого лирического героя с окружающим миром, в результате чего он перестает быть одиноким. Одиночество поэта-лирика и поэта-философа — это уже единственно возможное душевное состояние истинного поэта. Говоря по-лермонтовски о своем предназначении, Валерий Хатюшин подчеркивает состояние одиночества, которое является палитрой для отражения яркости и глубины особенностей человеческого бытия:

*Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком
я, увы, не умел никогда.*

*И жалел, и грустил, и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...
Столько сердца истратил и слов расплескал,
что теперь на душе — тишина.*

Тема одиночества была близка Пушкину, она — одна из ключевых в поэзии Лермонтова, трагическое одиночество нашло отражение в поэзии Есенина. Многие русские поэты раскрывали трагедию одинокой души, каждый по-своему выражал мысль, что одиночество — это не отрешенность от жизни, не уход из нее, а вызов окружающей действительности. Так и в стихах поэта-философа Валерия Хатюшина одиночество — это заявление о себе как о творческой личности, живом, мыслящем, страдающем человеке среди бездушности, пустоты и фальши.

В лирическом монологе, начинающемся со слов «Чего хотеть всезнающей душе?», нет взрыва эмоций, есть трезвая оценка своего нынешнего восприятия жизни. Да, человек не может жить без желаний, но как быть, «когда слова все сказаны уже», «когда не надо ни любви, ни света», «когда никто не нужен, кроме Бога»? Поэт, кажется, признает только вечную любовь, которая навсегда связала бы его с близким человеком. Но если таковой нет, а «любовь людская смертна для поэта», то ответы на поставленные вопросы звучат лаконично:

*Не жди любви. Лишь Он — твой главный суд.
И лишь к Нему в веках твоя дорога.*

... Читая стихотворение за стихотворением, вникая в межстрочную мысль, прихожу к выводу, что творчество Валерия Хатюшина исключительно монолитно. Помимо единой связи по духу, тону, направленности стихи объединяет глубина и выстраданная мудрость, жизненный опыт. Мысль в стихах не превращается в цепочку умозаключений, она возникает как открытие, как отражение найденной истины. Вот в этом, на мой взгляд, источник поэтической органичности, убедительности и силы поэтических строк.

Поэзия Валерия Хатюшина — замечательное явление гражданской и человеческой совести поэта, его интеллекта, его души и сердца. Она свидетельствует о его чуткости к происходящему, о правдивости, непрестанной тревоге за всё, что его окружает. Полная искренность поэта, его исповедальность волнует читателя душевностью, и от этого сердце читателя откликается печалью, отзывается ноющей болью.

Исповедь души поэта ярко прорывается в стихотворении «Голос мне слышался птицы ночной», написанном 10 мая 2017 года. Одно из лучших, на мой взгляд, стихотворений по силе образности, метафоричности. Здесь глубокая, но успокоенная печаль и одновременно разочарованность в грешно-земном существовании.

*Голос мне слышался птицы ночной.
Ангел мой плакать устал надо мной.*

*Жил я в азарте бездумных утех.
Ангел отмаливал каждый мой грех.*

*Счастья искал я, невзгоды кляня.
Ангел прощенья просил за меня.*

*Сердце рвалось и скулило в крови.
Ангел шептал мне во сне о любви.*

*Часто встречал я то рык, то оскал.
Ангел в погибельных дебрях — спасал.*

*Птица ночная всё чаще кричит.
Ангел мой горько и слёзно молчит.*

... Каждое стихотворение — это тайна поэта, ключ от которой спрятан от всех в его душе, сколько бы читатель ни пытался её, эту тайну, открыть. Понять душу поэта до конца никому не дано, поэтому, всматриваясь со стороны, чита-

тель, любящий поэзию, ходит окольными тропами, проживая свою боль и свои страдания, плачет своими слезами, прозревая собственным разумом над любимыми строчками поэта.

*Июльский вечер в парке потемневшем.
Последний вздох тепла и тишины.
Я здесь хочу забыть о наболевшем —
под синим сводом вечной вышины.*

Внимательный читатель чувствует сложную, печальную душу поэта, близкую душу, так как она способна облагородить того, кто её понимает. Грусть в стихах поэта-лирика и поэта-философа оттого, что несут они в себе не только душевную боль конкретного человека, но и грехи этого мира. Сложная поэтическая битва добра и зла, света и тьмы. Недаром В. Брюсов в стихотворении «Поэту» (1907) завещал каждому творцу: «Как Данте, подземное пламя должно тебе щёки обжечь».

*Хочу без лишней горечи расстаться
с тем, что ночами не даёт заснуть,
и в этот летний вечер попытаться
легко о прошлом, наконец, вздохнуть.*
(24 июля 2018)

Но таинственное дело не свершилось, и звучат финальные слова: «Хочу вздохнуть, забыть... И не могу».

Эмоционально точно выделена каждая деталь, позволяющая свободно листать страницы прошлой и настоящей жизни поэта или лирического героя (здесь я их отождествляю). Поэт стремится обнажить суть, таящуюся в невидимой и неосязаемой глубине — по ту сторону всех реалий. И вот это «не могу» — еще одна говорящая деталь: нет такой силы, чтобы всё прожитое и пережитое стёрлось за одну ночь. Деталь усиливает драматическое напряжение, подчиняя ему информирующую статику.

Элегическое настроение часто усиливается мотивами воспоминаний. Память возвращает лирического героя в прошлое, где «дом возле речки», «свет из распахнутых ставней», «детство... в колосющейся ржи», «последний аромат сирени возле дома»... На контрасте прошлого и настоящего поэт остро осознает невозвратность ушедшего и дорогого сердцу. Мотив прощания закрепляет понимание безвозвратности и утраты.

*...Как прощальная чья-то ладонь
прикоснётся к запястью незримо,
словно жизни закатный огонь
истончается необратимо...*

Тоска, печаль, ностальгия, грусть становятся главными эмоциональными выразителями элегического состояния лирического героя. Это не притворная грусть — она выстрадана временем. Часто настроение героя меняется — тогда он в ладу с собой, а всё, что уже случилось, было, вероятно, с кем-то...

*...Это кто-то другой, а не я
канул в прошлое бесповоротно,
в безответных кругах бытия
он мелькнул предо мной мимолётно.*

Последние строчки резюмируют размышления:

*Я не тот, кто ушёл, я другой.
И с собою не вижу разлада.
В снежном парке висит надо мной
после вьюги покой снегопада.*

Развивая элегические мотивы, поэт-философ Валерий Хатюшин обращается к образу снега, как символу движения и быстротечности жизни. Стихотворение «Третий снег», состоящее из двадцати четырёх строк, написанное анапестом, передает три этапа жизни человека, сосредотачивает на единой пространственной схеме — прошлое и настоящее. Снег выступает в роли посредника между землей и небом, символизирующим чистоту, он обозначает и чистоту помыслов, невинность, и новые начинания, и неизбежную смерть.

Снег отстраняет человека от суеты и вводит в пространство небесного движения. От рождения до смерти человек «во власти» снега, у которого своя жизненная программа. Все этапы необходимо пройти шаг за шагом, вернуться в прошлое не получится: «Первый снег не догонит никого на земле». Понятно, что автор создает в стихотворении образ снега, посредством которого рисует такие абстрактные понятия, как время, жизнь и уход из неё.

Многосмысловой образ снега в лирике говорит о том, что это не только явление природы, являющееся своеобразным фоном, а действующее лицо, которое в стихотворении Валерия Хатюшина «*то пуржит, то парит*», то «...безобманно

сыщет нас всё равно, / беспричинно, нежданно / постучится в окно. / К нам напросится в гости...»

Метафоричность стихотворения выражается не цветовой гаммой снега — её здесь нет, а цифровой: первый, второй, третий. Иносказательный смысл изображаемого в первой строфе явления структурируется и противопоставляется «третьему снегу» — последнему этапу жизни. Однако в этом стихотворении идея трагической неразрешимости воплощается не в лирическом переживании, а в философском контексте: *«...Укреста на погосте / ляжет он навсегда».*

Символически образные ряды снега присутствует и в поэме «Мой век» (2022 г.) как выявление самых устойчивых закономерностей, по которым строится обычная жизнь. Пятнадцать раз рефреном звучат слова *«падает, кружится медленный снег»* и передаётся ощущение этого неслышного падения. А в стихотворении «Ночь небесным тёмно-серым сводом / взгляд мой хмурит, что-то говоря...» поэт снова обращается к символике первого и *«равнодушного, сонного третьего снега»*, осмысливая итоги уходящей жизни.

Схема лирического отражения жизни в поэзии Валерия Хатюшина представляется мне как формула постоянного обновления: ноябрь каждого года — это переосмысление прожитого и программирование жизни до очередного ноября, потому что «в сердце есть одна безумная надежда»:

*Уходит этот день.
Мне очень жаль его.
Еще один итог
подводит он устало.
Беззвучно за окном.
Нет рядом никого.
И только горизонт
еще пылает ало...*

*...Запомнится он мне
печальной высотой
под холодом небес
земного дня рождения,
который так совпал
с высокой немой
последнего в мой день,
не спорьте,
воскресенья...*

(13 ноября 2022, воскресенье, 18 ч.30 мин.)

Поэт Валерий Хатюшин не может просто жить, или просто грустить, ему нужно понять, осознать, объяснить себе и читателю, почему он живет, любит, страдает именно так, а не иначе. В понимании поэта, жизнь — это внутренняя борьба с собой, с печалью, с совестью. И всё же в стихах последних лет ощущается изменение поэтической тональности: поэт кажется более нежным и чувственно-просветлённым в пейзажной и интимной лирике, и грусть уже воспринимается по-другому.

*Лето, лето... Как быстро... Как странно...
Вот уж август стучится в окно...
Излилось, отшумело неожиданно
дней моих золотое вино.*

*Лето, лето — короткое счастье,
ненаглядность внезапной любви,
глаз горенье и сердца ненастье,
и хмельная весёлость в крови...*

*Как бы ни было пыльно и жарко,
не боюсь я горячих лучей.
Лето, лето... Как скоро... Как жалко...
Август — месяц холодных ночей.*

*Ну останься еще хоть немножко,
на щеках мне морщины расправь...
Лето, лето, присядь на дорожку
и надежду на встречу оставь...*

(27 июня 2019)

У Валерия Хатюшина, как и у каждого глубоко талантливого поэта, есть свой читатель, который не просто читает, а перечитывает его стихи, который чувствует его «ожог сердечный, многим незаметный». Именно такому, своему читателю предлагает грустную поэтическую исповедь поэт-современник:

*Как пережил я на свете
то, что нельзя пережить,
смог бесконечные эти
камни в душе искрошить?*

*Нет и не будет ответа,
каждому доля своя —*

*тьмы испытанье и света,
радость и яд бытия...*

*Я не скулил и не правил
мне перепавшую роль,
выжив, себе лишь оставил
сердца унылую боль.*

*И, ни к кому не привязан,
сам для себя — приговор,
Ангелу только обязан
тем, что я жив до сих пор...*

(6 мая 2021)

Настроение лирического героя не выражено прямо, оно растворилось в чувственном восприятии окружающего мира. Здесь нет конкретного пространства — есть только субъективная стихия — «свет»: «Как пережил я на свете то, что нельзя пережить?» Истинный поэт только внешними сторонами своей жизни связан с конкретно-историческим временем и жизненными обстоятельствами. Внутренне он всегда одинок и «ни к кому не привязан».

Поэт Валерий Хатюшин любит и страдает, грустит и радуется, обогащая нашу духовную жизнь собственным опытом, верит в нашу победу, потому что всё его творчество — это утверждение правды, справедливости, добра и любви. А то, что в его стихах много грусти, говорит о его большом, оголённом, остро чувствующем и глубоко видящем сердце.

г. Гродно (Беларусь)

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2024 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В первом полугодии 2024 года редакция планирует выпустить следующие номера: №1-2, №3, №4, №5-6.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на первое полугодие 2024 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1200 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2400 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 916 939 22 69 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимо каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».